

НФ

КИБЕРПАНК

ХОРРОР

ФЭНТЕЗИ

реальность фантастики

№ 8 2009

Повесть:

Кристина Гаус
«ИСТОРИЯ МРЕЛЬ»

Рассказы:

Ольга Чибис
«ЦЕПИ ДЛЯ ДЕМОНА»

Светлана Тяпина
«СЛУЧАЙ НА МАЛОЙ
СТРАНЕ»

Сергей Пальцун
«ЗВИТЯГА СОТНИКА
ДЕПОПАЛО»

Александр Шакилов
«МУХА НА СТЕКЛЕ»

Юлия Герасимова
«ЧЕГО?»

Критика:

Н. Ганжа, Г. Панченко, А. Валентинов
«ДЕКАБРИСТЫ. ВАРИАНТ — ПОБЕДА?»
(окончание)

СОДЕРЖАНИЕ

№ 8 (72) 2009

Проза

1. Кристина Гаус / ИСТОРИЯ МРЕЛЬ
Это было во времена двенадцатой династии... 4
2. Михаил Милогин / МАРШ ДЛЯ МАРШАЛА
«Конные иногда приводили на аркане... 86
3. Ольга Чибис / ЦЕПИ ДЛЯ ДЕМОНА
Последних пару недель он неважно себя... 110
4. Светлана Тяпина / СЛУЧАЙ НА МАЛОЙ СТРАНЕ
Сырой и промозглый, ветер с Влтавы принялся... 128
5. Алексей К. Смирнов / ПАРА-СЕНОК
Я отражаюсь в зеркале... 142
6. Анна Гурова / ПРЕВРАЩЕНИЕ
— А это зачем? — спросил я... 148
7. Сергей Пальцун / ЗВИТЯГА СОТНИКА ДЕПОПАЛО
— Нудьгуете, стажери?! 154
8. Дарья Рубцова / КЛЮЧ
Он нашел его в старой коробке... 158
9. Александр Шакилов / МУХА НА СТЕКЛЕ
Утром Солнце полегчало на полтора... 163
10. Мира Днепровская / ДРАКОН В ДОМАШНИХ УСЛОВИЯХ
Стук кованых копыт эхом отразился... 167
11. Алена Шевчук / ЖДИ — НЕ ЖДИ
Мужчины уходили на войну. 171
12. Ванда Печерская / ВОЛЬНЫЕ МУФЛОНЫ
Ранним утром, лишь только солнце... 174
13. Андрей Новоселов / НО ОБ ЭТОМ СКАЗКУ НЕ СЛОЖИЛИ
Один сапожник по имени Джон 177

Детская страничка

14. Вадим Цин / КОШЕЛКА
(ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОШЕЛЬКОВОЙ СОБАКИ)
Первый хозяин, Петр Николаевич...179
15. Татьяна Сапрыкина / ЗЕМЛЯНИКА
Два кролика — Черный и Белый...184
16. Татьяна Сапрыкина / ПОЛОВИНА
— Так о чем это я? — Сорока...187

Критика

17. Н. Ганжа, Г. Панченко, А. Валентинов
/ ДЕКАБРИСТЫ. ВАРИАНТ – ПОБЕДА?190
18. Станислав Бескаравайный
/ НА ГИБЕЛЬ ФАУСТА199

Рецензии

19. aka Dragn / ТЬМА, ЧТО БЫЛА ДО НАС206
20. Наилия Шамгулова / ИСТОРИЯ ОДНОЙ ВОЙНЫ209
21. Иван Попов / МЕТАМОРФОЗЫ ПЕРУМОВА212

Новости Фэндомы

22. / OPUS MIXTUM214

КРИСТИНА ГАУС

ИСТОРИЯ МРЕЛЬ

ЧАСТЬ I.

ПО ТУ СТОРОНУ ГРАНИЦЫ

ТО БЫЛО ВО ВРЕМЕНА ДВЕНАДЦАТОЙ ДИНАСТИИ — в те далекие времена, когда обжитые земли и извечная глушь, Марн и Мрна, еще не были в открытой вражде. Но Граница между ними уже существовала, и существовала давно. Правда, она тогда была иной.

Это не была Стена, как сейчас. Но было принято, что каждый дом, выходящий на Мрна, был высок, и обращенная к ней его стена была глуха. Лишь только от второго этажа разрешались маленькие, слепые оконца. Дома Границы стояли, плотно прижавшись друг к другу, и никакому зверю обычно было не проникнуть в земли людей. Но в местах отдаленных и глухих, в бедных деревушках и селах, Граница была не столь заметна. Между домами иногда случались щели, или же они вовсе отстояли друг от друга и уже на первом этаже имели окна. Ворот, отстраняющих Марн от Мрна, зачастую не было. Охотники и знахари беспрепятственно выходили в извечную глушь и возвращались оттуда. Зимой же, когда в лесах было голодно, многие звери, а особенно лисы и волки, часто проникали в приграничные земли, надеясь на поживу.

В этих захудалых, вечно живущих впроголодь уголках Марна, находящих в непосредственной близости от леса и зависящих от его милости больше, чем от далеких имперских городов Срединных Земель, многое, многое было иначе. И случилось так, что однажды ночью, длинной и голодной зимой, Мрель отважилась выйти наружу, в холод, в Мрна, чтобы бросить полумертвому от голода лису кусок хлеба.

Следующей ночью лис пришел вновь. Прижимаясь к земле, прокрался к дому и замер в отдалении от него. Темная исхудалая тень. Он не просил. Но и не уходил. Просто стоял там, снаружи, настороже, и казалось, порывы ветра вот-вот заставят его без сил опуститься в снег.

Несколько мгновений Мрель смотрела на него из окна. Потом накинула шубу и нерешительно приоткрыла дверь черного входа.

Лис стал приходиться почти каждую ночь. Стоял все также темной тенью в отдалении, не шевелясь, но уже и не отскакивая, когда она бросала ему хлеб. Быть может, если бы соседние дома не были пусты и глухи, искушенные соседи предупредили бы Мрель об опасности подобных встреч, но так преду-

предить было некому, и ее ночные выходы в Мрна оставались незамеченными в деревне.

Поначалу Мрель не снимала заслонку с печи, боясь спугнуть лиса отблесками огня. Но со временем, отпирая дверь, стала оставлять печь открытой. Красноватый свет из дома отстранял темноту, в спину шло тепло, и Мрель чувствовала себя уверенней на плотном, смерзшемся снегу Мрна. Его настил был здесь бел и чист, и не хранил на себе ничьих следов, кроме ее и лиса. Бринк всегда оставался на пороге. Стоял молчаливо, наблюдая каждое ее движение, плотно прижав уши. Он был мал, и казался на своих кривых лапах еще ниже, чем все здешние псы, но его присутствие ободряло.

Каждую ночь расстояние между Мрель и лисом сокращалось. Он подходил все ближе к дому, и ей уже почти не надо было отходить от двери. Он стал теперь куда крепче. Шерсть его разгладилась и отливала в отблесках огня красивым темно-золотистым оттенком. Потом лис надолго пропал, и до конца зимы Мрель только раз видела на снегу его следы: верно, он подходил совсем близко к дому, к самому окну.

За лето она забыла его.

Следующая зима близилась к концу, когда лис объявился вновь. Мрель случайно заметила его. Он стоял почти у самого дома, и его намокший хвост тяжело лежал на снегу. Мрель уже год как жила на Границе, соседние дома по-прежнему стояли пусты и глухи, но она все же отважилась распахнуть дверь и выйти наружу.

— Чего тебе? — спросила негромко. — Голодным ты не выглядишь.

Лис не вздрогнул от звука ее голоса и все так же неподвижно стоял в нескольких шагах от нее, тоскливо глядя на теплое колыхание огня за распахнутой дверью.

— Мы не пускаем зверей в дом, — произнесла Мрель, помолчав. — Это приносит несчастье.

Лис по-прежнему не смотрел на нее.

— Подожди, я принесу тебе что-нибудь поесть, — сказала она тогда.

Когда вернулась, лиса не было. Мрель оставила миску с отваром на снегу. За ночь она опустела. Она опустела и на вторую, и на третью ночь. На четвертую осталась полна.

На этот раз Мрель лиса не забыла.

Когда в следующий раз, поздним весенним вечером, он объявился у ее дома, она обрадовалась ему как старому другу.

Он сидел почти у самого порога, и когда Мрель вышла к нему, вновь тоскливо смотрел на колыхание огня за ее спиной.

— Эй, — сказала она негромко.

Лис не шелохнулся.

Мрель шагнула к нему и, помедлив, осторожно, сделала еще один шаг. Еще никогда она не подходила так близко к лису, и еще никогда он не подпущал ее так близко к себе. Сейчас, на темном фоне молодой травы, он показался ей много больше, чем был зимой. Больше, много больше. Больше любой крупной собаки. Его тело было вытянуто и угловато, голова велика,

а глаза глубоко посажены — Мрель не различала их в сумерках, но ей почудилось, что если бы лис только отвел взгляд от огня и посмотрел на нее, выражение их было бы не по-звериному пристально. Она невольно остановилась. Лис сидел не шевелясь. Ей стало страшно.

Лис поднялся и затрусил прочь. Мрель смотрела ему вслед, пока он не исчез в дальних кустах. Больше он у ее дома не появлялся.

Но теперь ей иногда снился сон, один и тот же сон. Что лис поднимает свою рыжую, странно короткую морду, и смотрит ей в лицо.

Мрель просыпалась вся в поту и, ступая по холодному полу босыми ногами, шла к окну. Спала она теперь только на втором этаже и заколотила окна первого.

Лис не появлялся.

Но было страшно засыпать. Во сне на нее смотрели его глаза: не зеленые, не взблескивающие. Еще более страшные. Умный, понимающий, осененный разумом взгляд из темных зрачков зверя.

Это был холодный мир. Как и любой другой мир. Люди жили порознь, каждый сам по себе, в своем роду или клане, и зачастую даже родственники не ощущали родства, будучи друг для друга чужаками.

Мрель была сирота — значит, ее любили боги.

У нее были темные блестящие волосы, приятное личико — значит, ее недолюбливали женщины.

Она жила сама по себе, слишком независимо — за это ее недолюбливали мужчины.

Она была пришлая — и это значит, ее недолюбливали все.

Здесь, на Границе, все было пропитано чужестыю. За стеной пограничных домов начиналась глухомань. Там были звери — дикие, неприрученные звери. Многие из них, особенно волки, могли принимать человеческое обличье, и значит, надо было опасаться друг друга.

Духи глухомани могли быть добры или злы. На одних надо было охотиться, чтобы они не вышли на охоту первыми, упредив тебя; у других можно было просить заступничества и подносить им дары. Одни потакали людям, другие были им враждебны, об иных ничего нельзя было сказать с определенностью.

Мрель выделили в деревушке надел земли, на котором она работала, чтобы прокормить себя. Первый год она ходила в ученицах у одной из местных травниц, но во втором году обучения женщина ей отказала: травы охотно шли в руки Мрель, и все же поселяне предпочитали своих, проверенных знахарей. Она хорошо распознавала хворь животных, но на Границе было мало домашней скотины — слишком бедны были тут люди, и слишком часто забирались зимой волки на скотные дворы. Мало дохода приносила Мрель своей наставнице, и не было выгоды ее учить. Но она, недоучившись, все равно уходила в глушь — собирала лечебные травы и продавала их в глубинных деревнях Марна. Там, в нескольких днях пути от дома, они стоили дороже. Это был ее небольшой, но твердый заработок. Чурались ее из-за этого еще больше: тот, кто ходил в глушь, был не от обжитых земель. Выхо-

дившие в глухомань были точно оборотни: не свои, не чужие, и как бы и не люди вовсе.

Однажды небо почернело, и с севера внезапно, одним порывом накатила буря-суховея. Понесся горячий ветер, ломая вековые деревья. Ярились многоголовые молнии, не разражаясь громом, корни подлеска змеями выгибались из земли, а в Темном Логе сошел такой оползень, что ввек плечи не зараста. Видно, чародейская то была буря. Недолго бушевала она, а, отбушевав, развеялась, словно морок, вот только надолго оставила по себе страшную память. Слава богам, никому из деревушки не довелось оказаться в ту пору в лесу.

Кроме пришедшей.

А уж ее-то искать не стали.

— Лежи тихо, — сказал голос.

Мрель застонала. В груди жгло и давило, словно в легкие щедро насыпали горячего песка.

— Лежи тихо и не разметывайся, — повторил голос. — Иначе мне придется тебя связать.

Было темно, больно и пусто. Очень долго темно, больно и пусто. Иногда в пустоту закрадывались кошмары. В них уходила из-под ног земля, сверху обрушивалось небо и мешалось в ужасающей сумятице с землей — и вдруг наступала чернота. Чернота, в которой было не вздохнуть. Но кошмары не длились долго. Чернота светлела, словно от близости огня, губ касался край глиняной чаши, и в рот вливалась теплая, сладковатая жидкость, от которой вновь наступала блаженная пустота.

Однажды пустота прервалась палящим прижиганием по спине вдоль позвоночника. Прижигали сосновыми палочками, как и сама Мрель, случалось, прижигала лихорадочных больных. Удивительно легки, опытни и искусны были эти исцеляющие руки, и однажды после того прижигания пришла она в себя.

Это было так, словно медленно поднималась со дна глубокого, замшелого пруда. Мрель судорожно вздохнула и открыла глаза.

Было сумрачно. Пахло лесом. Над ней нависал низкий закопченный потолок.

В ногах завозилось, и Бринк, тихо скуля и елозя, ткнулся в руку холодным носом. Мрель рассеянно погладила его уродливую голову и села.

Помещение было незнакомо. Небольшой сруб, сработанный хоть и грубо, но с душой. Маленькие оконца были затянуты бычьим пузырем, мебель почти отсутствовала. У стены напротив входа стояла небольшая печурка, а в дальнем углу лежала пышная копна сена.

Мрель приподнялась — и тут же опустилась обратно: пол ушел из-под ног, и показалось, что он вот-вот опрокинется куда-то вниз, как опрокинулась земля в Темном Логе, увлекая за собой, пресекая дыхание...

Не скоро еще она нашла в себе силы встать и обойти тесный сруб. Бринк

сопровождал ее восторженными прыжками. Единственная дверь, очень узкая, была заперта снаружи. Быстро устав, Мрель вернулась на лежанку и, обернувшись набитым сеном одеялом, задремала.

Разбудило ее тихое повизгивание Бринка. Вперив взгляд в дверь, весь сжавшись, пес слабо вилял хвостом. Мрель приподнялась на локтях. Стояла ночь. Снаружи слышался неясный шорох, потом он стих, и раздался глухой звук отходящего в сторону запора. Дверь со скрипом распахнулась, и кто-то вошел. Бринк спрыгнул с лежанки, сделал заискивающий круг почета вокруг вошедшего и вновь забился в ноги Мрель. Темная фигура пересекла комнату и присела на корточках у печурки. Не было слышно, чтобы заскрежетало огниво, но в дрова словно сама собой прыгнула яркая искра.

Огонь разгорался медленно, и пока он неясно осветил всю комнату, у Мрель осталось достаточно времени, чтобы рассмотреть вошедшего.

Это был мужчина, статный и суховатый. Густые каштановые волосы с неясным золотистым отливом падали ему ниже плеч, были прямы и топорщились при каждом движении, не давая разглядеть лицо. Пальцы его были длинные и узловаты, как корни иных деревьев, а ладони широки. Нечто настораживающее, чужеродное было в его облике, и темное предчувствие начало закрадываться в душу Мрель. Она невольно подобралась. А вошедший сидел по-прежнему на корточках у печи и не шевелился. Наконец, он неспешно обратил к ней лицо, вперив в нее пытливый и ясный взгляд, и медленно распрямился. Он был обнажен. Кровь заledenела в жилах Мрель: входящий обнаженным из леса, он не мог быть человеком.

Оцепенев, она смотрела на него во все глаза, а он стоял спокойно и неподвижно, в свою очередь не сводя с нее глаз. Наконец, придвинул к себе одним мягким движением стул. И вновь, сидя прямо перед Мрель, покойно смотрел ей в лицо.

Так сидели они долго, молча, не шевелясь, пока тихо и просительно не зашумел Бринк.

Сидящий метнул на него мгновенно ставший колючим взгляд — пес тут же смолк, — и вновь посмотрел на Мрель. Спокойствие в его глазах пропало. Досада появилась в них, и он первым нарушил молчание.

— Для меня псы — это бедная испоганенная порода, — проговорил негромко. — Давным-давно, когда боги отправили вас, людей, в странствия по девственным землям Эа, они изменили вольную природу прародителей собак и привнесли в нее рабскую верность, чтобы дать вам их в попутчики. Псы и поныне лизут даже бьющую их руку. Они не могут иначе, но они не виноваты. Твой пес не оставил бы тебя и в смерти, и поэтому — и в память о вольных псах древности — я даровал и ему новую жизнь, позволил быть с тобой, хотя его присутствие меня раздражает.

Он помолчал, словно ожидая выражений благодарности с ее стороны. Мрель не отвечала. Сидящий слегка наклонил голову и усмехнулся.

— Ты не кричишь, не бросаешься на меня, не теряешь сознание от страха, но и не пытаешься молча покончить с собой, прокусив себе язык. Я мало знаком с тобой, и сколько знаком, пока не разочаровываюсь. Тебе не надо

меня бояться. Я не причиню тебе вреда. Более того, как только ты поправишься, я отведу тебя обратно к людям — если ты этого захочешь. Хорошо обдумай такое решение: я плохо знаю людей, и все же достаточно, чтобы полагать, что они больше не примут тебя в свою стаю. Ты слишком долго пробыла по эту сторону Границы... Если же вдруг сама пожелаешь взять себе жизнь, я препятствовать не буду. Но помни: что бы вы, люди, ни понимали под всевышними законами, такие законы есть, и они непреложны и для вас, и для нас, и для богов. И по законам этим есть лишь считанные грехи, за которые взимается больше, чем за самоубийство. Подумай об этом, прежде чем наложить на себя руки.

Его слова упали тяжело, словно камни. Он поднялся и, больше не смотря на Мрель, взял со стола глиняную чашу и принялся бросать в нее сушеные травы из берестяных туесков с полок у печи. Мрель закрыла глаза. Перед ее внутренним взглядом заполыхали огромные костры — никогда в городах, никогда там, где жили люди, но всегда за стенами и частоколами, чтобы не притянуть беду к своим поселениям. И каждый, кто был связан с Мрна, мог оказаться живым или мертвым в очищающем огне. Потому что Мрна могла вселиться в его тело: ее дух, чары ее обитателей, их кровь. Оттого сторонились все знахарей и собирателей трав, оттого боялись охотников и дровосеков: поселения нуждались в них, но безоговорочно принять их в общий уклад не мог никто.

У нее не было пути назад. Осознание того встало перед ней, как черная глыба, и глыба эта должна была пасть и погresti ее под собой. Но не пришло отчаяние, не поднимался в ней гнев, не было ужаса. Удивленно прислушивалась Мрель к себе, пока не поняла, что находится, верно, под влиянием чар. Старые охотники рассказывали о таких, делающих человека не похожим на самого себя. От них спасало только зеркальце или металлические пластины, но у нее не было ни того, ни другого.

Хозяин сруба долил в чашу воды и голыми руками сунул ее в печь. Искося взглянув на Мрель, он широко улыбнулся, словно забавляясь про себя.

— Мысли твои написаны у тебя на лице, и не скрою, отчасти ты права. Но только отчасти. В отвар, который я дал тебе этим утром, я подмешал к целебным травам и такие, которые притупляют остроту переживаний. Я знал, что ты будешь бояться меня, что будешь бояться за себя, и не хотел, чтобы боялась чрезмерно. Царство мертвых едва выпустило тебя из своих преддверий, а страх может любого заставить оглянуться.

Мрель замкнулась. Люди, города, костры — все это было далеко. А здесь и сейчас был тесный сруб, и она и это существо вместе под его крышей. Год провела она на Границе, вдали от безопасности Срединных Земель, и уже вошло ей в душу почтение к силам Мрна и преклонение перед ними. Не слепо боялась она их порождения, как ночами жители городов. У обитателей Мрна были свои законы, и были среди них такие, кто преступал их: только тех следовало бояться. Но если не по воле случая, то редко пересекались пути людей и исконных обитателей Мрна без того, чтобы кто-нибудь из них не искал для себя в том выгоды, и она ждала — в чем была выгода его? Ждала —

и наблюдала. Движения ее хозяина завораживали и словно успокаивали. Мрель внезапно поняла, что не может его бояться, было ли это из-за трав, о которых он говорил, или же из-за магии его спокойных движений. Но между ними оставалась ясно ощутимая стена чужести: он был иным — непохожим на нее, на человека вообще. И это отстраняло.

— Ночь прохладна и тиха, поблизости протекает ручей. Не хочешь искупаться перед сном? — спросил ее хозяин, вынимая вскипевший отвар из печи. — Люди не всегда необоснованно боятся глубин леса, но ничто враждебное не смеет преступать мои владения. Когда вернешься, травы как раз настоятся. Покойной тебе ночи.

Когда он с головой зарылся в сено в дальнем углу, и чуть погода Мрель услышала его ровное дыхание, она облегченно вздохнула. Немного времени прошло с тех пор, как открылась дверь, пропустив хозяина сруба, но ей казалось — вечность. Не спуская с него глаз, она осторожно, боком выскользнула наружу.

Ее первым побуждением было бежать прочь — не оглядываясь, куда глаза глядят. Но глаза глядели на глухую, темную стену сосен, и Мрель не осмелилась даже сойти с порога. Долго стояла она так, неподвижно, вглядываясь в ночь, и глубокое, бездумное оцепенение постепенно охватывало ее. Мало звезд было на ночном небе, и Мрель явственно ощущала, что на много, много дней пути вокруг, ее глаза — единственно человеческие, которые обращаются к ним. И мало света было от далеких звезд, рассеянного и холодного, но живительно и близко было тепло огня за ее спиной, из-за приоткрытой двери.

И когда на небе стало больше звезд, Мрель нашла в себе силы повернуться к лесу спиной и войти обратно в сруб. Быть может, если бы кто-нибудь вспоминал о ней там, где много человеческих глаз обращалось к звездам, она бы не так скоро приняла решение, и было бы оно иным. Но одна была она в этом холодном мире, и некому было ее помянуть.

В следующий раз она проснулась к вечеру, к сумеркам. Дверь была вновь заперта снаружи, у печи лежала свежая вязанка дров, и Мрель развела огонь. Кроме сушеных трав в срубке не было ничего съедобного, но она и не испытывала особого голода.

Шло время.

Его присутствие Мрель ощутила еще за несколько мгновений до того, как снаружи послышался шорох. Бринк прижался к ней и отошел только тогда, когда узкая дверь отворилась, и на пороге появился хозяин сруба. На мгновение Мрель показалось, будто глаза его мерцают зеленоватым огнем. Встряхнувшись, он вступил в полосу света от печурки. В руках у него была связка диких корнеплодов.

— Доброй ночи, — сказал он, — а ночь сегодня будет действительно добрая: луна набирает силу, и речные духи скоро начнут свои игры.

Он протянул ей связку. Мрель молча взяла ее и вышла из сруба. У порога остановилась: сердце билось в горле — на некоторых клубнях явственно отпечатались следы звериных зубов.

Ночь сегодня была не так темна, как прошлая, и слабый свет луны пробивался сквозь деревья. Ручей был недалеко, только пересечь поляну. Мрель помыла клубни и ополоснулась — вода была тепла и бодрила. Когда вернулась, хозяин сруба сидел за столом и, вытянув длинные ноги, задумчиво смотрел в огонь. Мрель поставила клубни вариться и, не зная, чем себя занять, встала у печи, сцепив руки.

— Живое к живому и мертвое к мертвому, — проворчал ее хозяин, неодобрительно покачав головой. — Не удивительно, что года даже лучших из вас давно сократились ниже века.

Он оторвался от созерцания огня и взглянул на нее.

— Что же ты стоишь? Садись.

Мрель послушно села. Стол был небольшой, и она впервые оказалась настолько близко к своему хозяину, что только руку протяни. Глаза у него были карие с крапинками, которые казались то желтыми, то золотистыми, а то и отливали огнем, смотря по тому, на что он обращал свой взгляд. Сейчас же, когда его взгляд покоился на ней, в его глазах словно появилось расплавленное золото.

Некоторое время они молчали. Мрель, глядя в сторону, позволяла за собой наблюдать, не отваживаясь смотреть в ответ.

— В последнее время мне часто доводилось бывать в твоей деревушке, — заговорил хозяин сруба, — и я знавал не одно поколение тамошних жителей. Я вообще знаю большинство людей северной Границы лучше, чем они могут себе то представить. Но ты не здешняя, и не с севера. Северяне соломенноволося, их глаза — как блеклое небо зимой. У тебя же волосы темнее шерсти черно-бурой лисицы, так что я бы сказал, что ты родом из южных провинций. Но у тебя светлая кожа и глаза прозрачны, словно осенняя вода. Откуда ты?

— Мой род живет большей частью в Кана-Каторе, — тихо ответила Мрель.

— Это поселение людей в устье Большой реки? — отозвался он живо. — Земли между югом и центром... Мне случалось бывать в той местности в старину. Некогда там возвышался величественный город. Последнее из богов навещали в его дворцах дев людей. Из их зачастую необоюдосогласных союзов происходили либо герои, либо чудовища — о последних реже упоминают легенды. Но потом город пал, и даже руин от него не осталось, а из леса стали степи. — Горечь послышалась в его голосе. — Рассказывают ли по-прежнему ваши старики истории о том, что в древности по Большой реке располагались королевства людей, ведомые королями-зверьми, зверолюдьми и теми из вас, кто умел менять обличье? Истории эти большей частью правдивы, хотя и приукрашены людским воображением.

Он помолчал, в его взгляде появился интерес.

— Что же привело тебя к нам на север? Люди Срединных Земель избегают Границы, а в особенности Границы северной.

Мрель не ответила.

Ее хозяин задумчиво покачал головой.

— Не припомню, чтобы в деревушке тебя хоть раз позвали по имени, — произнес он. — Люди приграничных поселений благословенно немногословны по своей ограниченности...

— Мрель, — сказала она.

— Мрель... — Казалось, он прислушивается к чему-то. — Что ж, это хорошее, пожалуй, даже счастливое имя для двуногого зверя. В нем есть исконная, звериная звериность — Мрна и Мрель.

Он вновь помолчал, размышляя.

— Давать имена и обозначения — это чисто людская, ограничивающая привычка, — проговорил, наконец, медленно. — Но раз уж мы говорим на твоём языке, и ты не знаешь моего, то можешь звать меня Мрышек. Это не моё имя, его у меня нет, потому что я в нём не нуждаюсь. Но раз уж люди как-то должны меня называть, то я предпочитаю, чтобы из всех тех многих имен, которыми они время от времени призывают меня к своим алтарям, они бы выбирали то, которое мне не претит. Это имя всего лишь обозначает рыжий цвет на древнем всеобщем языке. Забытые вами легенды говорят, что так назвала одну из моих прародительниц твоя первая прародительница, когда была ей представлена, и пока ваш язык не был смешан последними богами, называли вы так всех моей крови, даже лисов и лисиц, простых животных, потому что шерсть их тоже была рыжей.

Мрель подняла на него глаза. Она уже смутно догадывалась, кто был сидящий перед ней, но теперь получила последнее подтверждение.

Мрышек усмехнулся и сказал негромко:

— Эй.

Мир разделялся на мир людей и их богов, и на все, что отстояло от него. В Марне были люди. В Мрна были неприрученные дикие звери, и звери же предводительствовали ими — звери, умеющие принимать обличье людей. Никто не допускал мысли, что это были люди, умеющие принимать обличье зверей. И выше их всех стояли исконные зверолоды, редкие по своему числу, овеванные преданиями и легендами. Старейшины в деревне говорили о них словно о богах, с почтением и страхом. Но и они не знали о них ничего с достоверностью — во всяком случае, ничего, что сочли бы уместным упомянуть в присутствии пришлой.

Мрель ошеломленно смотрела на Мрышека, а он, слегка усмехаясь, внимательно следил за выражением ее лица.

В приоткрытую дверь прокрался мышковавший Бринк и ткнулся Мрель носом в колени.

Мрышек перевел на него взгляд.

Пес сыто лег на пол и положил голову на лапы.

— Что с твоей едой? — спросил Мрышек Мрель. — Она готова?

Мрель отрицательно покачала головой. Он вздохнул и, несколько рассеянно вновь посмотрел на пса у ее ног.

— Я люблю рассказывать истории. Вечер долг, и истории своего племени ты уже знаешь. Не хочешь ли послушать, что рассказывают истории племени моего?

Мрель, помедлив, кивнула.

— Ну что ж, изволь.

Мрышек задумался. Выражение его лица стало отстраненным. Он заговорил — и Мрель показалось, будто он погрузился в грезы наяву, столь неожиданно странно зазвучал его голос.

— Из всех историй нет другой более запутанной, чем история мясоедения. Она отражает саму историю мира. Говорят, до появления первых богов и создания человека, все звери — а значит, и предки людей тоже — были травоядные, и никто не питал свою жизнь от жизни чужой.

Первые боги не были злые боги, они были всего лишь себялюбивые боги. Они пришли в Эа, и ее земли были девственны, обитаемы просветленными зверями. Земли были девственны, а боги хотели, чтобы они стали плодоносны. Но зверь не был создан землепашцем: все, в чем он нуждался, он уже имел. Богам же нужны были злаки, нужны были подношения. Им нужен был пахарь, собиратель и строитель. И так они взяли зверя, вложили в него часть своей плоти, и создали первых рабочих, первых людей. Это были неудачные люди. Они хорошо работали, но великое начало творения отсутствовало в них, и поэтому они не могли продолжать свой род. И боги делали все новых и новых людей, пытаясь улучшить их породу. Они брали части тел разных зверей и сливали их воедино, чтобы понять, как лучше создать человека. Так появились создания с телами людей и головами волков, крылатые люди, двухголовые люди, люди-полукони, люди-полузмеи и многие, многие другие. Иные из них могли случайно и очень редко порождать себе подобных, поэтому некоторых из таких странных созданий еще можно встретить в Мрна.

И среди них были и мы, умеющие принимать оба обличья, зверей и людей. Мы были наиболее близки окончательному человеку, созданному вслед за нами, и кровно близки вам и богам. Но мы вобрали в себя и лучшее от наших общих с вами, с людьми, истинных прародителей — просветленных зверей. Волей и игрой Законов Жизни, мы, зверолоуды, явились на свет совершенными. Но первые боги были себялюбивые боги. Они не терпели ни равных себе, ни превосходящих их. Они были себялюбивые боги, и попытались изъять из нас свою плоть, но им не удалось изъять ее вполне, и наша мощь, лишь немногим умалившись, осталась. Со временем мы стали сильнее, чем боги, и просветленные звери, наши прародители, следовали нам и повиновались, как повинуются простоватый старший брат более прозорливому младшему. И тогда боги привели к падению просветленных зверей. Мощь — в мясе себе подобных, сказали они. И просветленный зверь, не устояв перед искушением, вкусил мясо родственной плоти, преступив через то Законы Жизни. А Законы Жизни неумолимы. Просветленный зверь утратил свою просветленность. Он стал жалким животным, таким, как мы знаем его теперь. Зверь пал и выродился, и настало время жертвы и хищника, поедающих и поедаемых.

Но и первые боги не пережили своего вероломства. Законы Жизни показали их еще раньше, чем покарали уведенных с пути. Разлились моря и

смели первых богов с лица Эа, а кто уцелел, не пожелал здесь более оставаться. Но до того, как поднялись воды, в блаженных Садах Зачатья, откуда в свое время были изгнаны мы, были созданы вы.

Мрышек помолчал, щурясь на огонь.

— Все созданное под небом, все несет в себе *эннэ*. Эннэ есть изначальная сила созидания и творения, ею держится мир. Когда рождается песня или начинается ребенок — это все проявление эннэ. Изначальное выражение ее в теле наделенного разумом существа есть сила созидания потомства. Если же удастся поднять свою эннэ выше ее основного, зачинающего центра, поднять ее до сердца, до глаз, выше глаз, выше себя, то она становится силой чистого творения, и овладевший ей достигает необыкновенных способностей, вечной юности и даже находит просветление. Во всяком плотном теле у эннэ есть плотное воплощение, и внешняя форма ее тогда — это форма двух сплетающихся змей. Это самый древний символ на мозаиках ваших храмов, и ваши жрецы еще не так давно использовали в священнодействиях жезлы той же формы — как повеление вам познать себя.

Когда первые боги привнесли в просветленных зверей свою плоть, их изначальные эннэ слились воедино, породив нас, зверолодей. Когда же, боясь нас, решили первые боги забрать из нас свою плоть, они, потерпев поражение, все же одержали над нами верх. Потому что их попытка вывела нашу эннэ из равновесия, и с тех пор мы едва могли продолжать свой род, и становилось нас из поколения в поколение все меньше и меньше.

Что же касается вас, людей... В вас первые боги достигли своей цели. Истинная звериность наших общих просветленных прародителей была в вас заглушена, и привнесенная в вас эннэ первых богов не сливалась со звериным началом, как в нас, а разливалась над ним, подавляя. В некоторых людях еще и по сей день заметна истинная просветленность изначальных зверей. Но подавляемое обычно перерождается в свою противоположность, и оттого столь часто проглядывает в вас падший зверь, жестокое, жаждущее крови животное. Наша звериность делала нас неподвластными воле богов, ваша же была скована — и вы следовали им беспрекословно.

И свою эннэ не передали вам первые боги вполне. Им не нужно было ваше — подобное им, или как изначальное наше — совершенство. Им были нужны ваши подношения, подношения на протяжении поколений. Они сделали так, чтобы вы могли свободно продолжать свой род. Но они не хотели, чтобы вы когда-нибудь начали соперничать с ними, и поэтому созидаящая сила их эннэ, переданная вам, была ограничена. Сегодня эта сила дремлет в обычном человеке. Но по Законам Жизни любая часть целого несет в себе возможность всеобъемлющего, и ваша эннэ может быть раскрыта усилием воли или устремлением любви — потому что эннэ и есть чистая любовь.

То были вторые боги, кто открыл вам этот закон. Когда после падения первых богов пришли они в земли Эа, для вас, людей, настало благословенное время возвышения и раскрытия сил. В те времена многие из вас превзошли своих создателей, потому что первые боги, не смотря на свое могущество, не вполне владели собственной эннэ. Они были удивительными долго-

жителями, но не из внутреннего раскрытия своих сил, и, испытывая склонность к странным механизмам и приспособлениям, омолаживали себя внешними воздействиями. Если из времен вторых богов происходят все ныне тайные учения о том, как раскрыть в себе силы эннэ, то из времен первых — легенды о пилюлях бессмертия или плодах вечной юности, которые столь напряженно и не всегда безуспешно ищут и искали люди-властители нынешних Срединных Земель.

Мрышек смолк. От его поджарого тела веяло сухим теплом, и от этого тепла начинало странно покалывать по коже.

— Понравилась моя история? — спросил он.

— Мне никогда не доводилось слышать ее прежде, — осторожно отозвалась Мрель.

— Да и откуда? Ведь я говорю о временах, которые были задолго до тех, о которых едва остались упоминания в самых древних ваших легендах. Даже среди нас, живущих многие человеческие жизни как один день, лишь немногие знают эту историю, а знающие никак не решат, что в ней правда, а что ложь. Я-то полагаю, что в ней если и не все, то очень многое — правда, иначе бы не рассказал ее тебе.

Он тихо засмеялся и, потянувшись, поднялся.

— Я покажу тебе сейчас состав лечебного отвара, которым отпаивал тебя все это время, — сказал, берясь за вчерашнюю глиняную чашу. — Отвар этот ты должна пить и дальше, одну полную чашу на ночь, как долго — это подскажет тебе твоё тело. Я же завтра уйду. Я не привык подолгу задерживаться на одном месте и, сама видишь, нам двоим здесь тесно. Это ведь не собственно мой дом. Угодья мои велики, и пристанищ у меня много. Когда-нибудь я объявлюсь здесь вновь. А до тех пор запомни: на восток можешь идти свободно, идя на юг, будь настороже, и в буковый лес там ни в коем случае не заходи. Он очень стар, и с тех пор, как на севере стало холоднее и умерли все теплолюбивые деревья, его питают не совсем природные силы. До ночи нигде не задерживайся, но что бы ни случилось — не бойся. Страх — это самый опасный враг в Мрна, и он беспощаден. Запомни это.

Он подбирал травы медленно, так что Мрель, не зная и половины из них, легко запомнила нужную последовательность. Сунув чашу в печь, Мрышек с любопытством проверил клубни.

— Здесь хватит времени на еще одну историю, — поворотив носом, сказал он не без удивления. — Да и травам нужно вскипеть.

Приподняв бровь, он взглянул на Мрель. Она кивнула. Мрышек сел за стол и с удовольствием вытянул ноги.

— Раз уж я начал рассказывать о вторых богах, то расскажу, пожалуй, и историю их падения, — заговорил он, и Мрель показалось, будто на лицо его легла тень. — Вторые боги были благостные боги. Они измерили землю и осушили оставшиеся еще со времен высоких вод болота, простиравшиеся тогда от горизонта до горизонта: русло Большой реки, например, есть ничто иное, как один из их первых осушительных каналов. Когда вторые боги пришли в Эа, нас, зверолодей, уже осталось меньше, чем листьев на десятилетнем

саженце. Но мы были сильны, очень сильны. Вторые же боги любили все слабое, гибкое и юное — они любили людей. Они возвысили ваш род до подобающего ему величия и научили вас наблюдать движения звезд и предвидеть будущее. Много сделали они для вас, но не забыли и о нас, ведь и мы были отягощены грехом первых богов, пошедших против Законов Жизни в своих творениях. Если вам они открыли, как раскрыть в себе силу эзнэ, то нам — как направленным усилием воли привести ее в равновесие и через то вновь обрести способность свободного продолжения рода. Многие из нас последовали указанному ими пути. Но сложен и долог такой путь, и всегда находятся те, кто ищет более легкие пути, не задумываясь о том, что они зачастую лживы. Был среди нас один подвизник, способности его были необыкновенны. Думалось ему, что нашел он лучший способ устранить изъян нашей эзнэ. Вместе со своими единомышленниками он похитил одну из богинь и создал из ее крови эссенцию, которая содержала в себе эзнэ богов и могла объединять ее с нашей. Сначала заговорщики ввели эссенцию в свою собственную кровь и плоть, а после, иногда и насильно, в плоть многих других вне своего круга. Поначалу они праздновали победу: на некоторое время казалось, что наше племя действительно обрело способность свободно продолжать свой род.

Но кара за кражу эзнэ оказалась страшна. Рассерженные, благословенные боги ушли с Эа, наш же род пал. В нас текла теперь новая кровь, и эта кровь помнила совершенство своих прежних владетелей, наделяя нас вечной тоской по нему. Она наделила нас и не причитающимся нам долголетием просветленных, так что и поныне не знаем мы, где положен ему естественный предел. Мало кто из нас смог заполнить ставшую внезапно почти бесконечной жизнь, и мы стали вырождаться один за другим. Но живя долго, мы вскоре утратили насильно исправленную способность продолжения рода, и ныне можем лишь через путь, открытый нам вторыми богами, и только при исключительных обстоятельствах, дарить жизнь себе подобным. Вот почему тех из нас, кто происходит еще напрямую от первозверей, столь мало. Уже сейчас по ту сторону Границы молва о нас сохранилась лишь в легендах. Подобных мне описывают как лисов с девятью хвостами, огненных лисов, лисов ветра, тысячелетних лисов, лисов, возносящихся в небо. Многие такие описания путаны и приукрашены молвой, но в иных рассказах больше правды, чем думают и сами рассказывающие их... После же вторых богов пришли третьи, последние боги — проклятье для вас, людей. Но это уже совсем другая история.

Тусклая улыбка осветила лицо Мрышека. Словно прогоняя сумрачный тон своей истории, он встряхнулся и долго, сладко потянулся. Но тень на его лице не пропала. Мрышек поднялся и машинально вынул отвар из печи.

— Пойду я, пожалуй, спать, — сказал он, поставив его на стол. — Ужин твой готов. Добрых тебе снов, и не уходи в них далеко.

Он свернулся на боку на куче сена, и его глаза, приоткрытые, начали быстро приобретать матовый оттенок. Мрель проверила клубни. Ее опасения

подтвердились: они разварились в буроватую, клейкую массу: Мрышек явно имел свои представления о человеческой еде.

Теперь, когда он заснул, Мрель отважилась его рассмотреть. Чувственность читалась в его лице, кончики губ слегка загибались вверх. Его кожа была удивительно гладка и туга, без малейших признаков возраста, и на скулах ее рыжевато-огнистый отсвет сгущался и переходил в коричневатые тона. Брови Мрышека срастались на переносице и взлетали к вискам, лоб же был необычайно высок. Но Мрель долго всматривалась в его облик, прежде чем поняла, что ее больше всего удивляет в нем, не бросаясь сразу в глаза: голова Мрышека была несколько вытянута назад и вверх, как у изображений богов на барельефах храмов. Только у богов эта особенность их телосложения подчеркивалась роскошными, словно поддерживающими голову уборами, в то время как у Мрышека густая копна волос сглаживала это сходство. И в противовес их тонким, длинным шеям, шея Мрышека была крепка и жилиста. Уши же его были высоко посажены, и мочки их так же длинные, как у изображений святых просвещенных.

Огонь в печи медленно угасал. Пересилив себя, Мрель проглотила несколько ложек клейкой массы. Потом выпила отвар, забралась под одеяло и, смотря, как на потолке играют красноватые отсветы, заснула.

Утром она проснулась сама. Сруб был пуст, но дверь широко распахнута и бодрящая утренняя свежесть, напоенная ароматами леса и трав, волнами вливалась в помещение. Протирая глаза, Мрель подошла к двери.

Утро было чудесно. Первые лучи солнца крались по усыпанной росой поляне. Густо курилась земля, и капли влаги блестели в легких паутинках на бревнах сруба.

Мрышек, оперев руки в боки, стоял у порога. Обернулся к ней.

— К ночи гроза будет! — Его глаза сверкнули радостным предвкушением.

Он втянул полной грудью воздух, вытянулся всем своим жилистым телом, и вдруг ухнул, гаркнул — прыгнул в траву, словно в озеро, перекатился в ней несколько раз и, с травинками на влажной коже, вскочил, раскинул руки и помчался к кромке леса. Только Мрышек скрылся в лесу, как оттуда, где он исчез, выскочил огромный рыжий лис. Задрав хвост, пронесся он в прискок через всю поляну — и пропал в высокой траве за ручьем.

Много тварей водилось в Мрна — все, что было вытеснено человеком, его богами и его следами. И были среди них более опасные, чем зверюльки, но не было более странных, хитрых и непредсказуемых, чем люди-лисы. Демоны-лисы называли их, и разное рассказывали об их повадках. Магическая сила таких созданий росла с их возрастом. В пятьдесят лет, как говорили, могли они принимать обличье зрелых женщин, в сто — прекрасных девушек. Они очаровывали на дорогах запоздалых путников, чтобы вскружить им голову и провести с ними ночь. Входя же в возраст, предпочитали обличье мужчин и сбивали с праведного пути женщин-людей. Демоны эти могли после удивительно долгой, почти бесконечной жизни обрести бессмертие. Некоторые из них боялись собак, иные их убивали, и далеко не все псы могли распознать лиса под его человеческой личиной. Демоны-лисы жили

в поселениях под большими холмами или в развалинах человеческих городов, укрывая их своими чарами и останавливая в них время. Некоторые из них предпочитали одиночество и не гнушались для жилья могилами людей. Но как бы странно и разногласно их ни описывали, одна черта оставалась неизменной: с демоном-лисом ничего нельзя было знать наверняка. Лис мог предупредить об опасности, но мог и навевать ее. Мог заманить в глушь и учинить насилие. Чары лиса или лисицы могли лишить разума. Но лис мог быть и любителем наук и искусств, мог, приняв человеческий облик, проситься в ученики к великим мастерам. Говорят, иные известные мастера и наставники различных искусств и учений сами были лисами.

Многое говорили, но кто же знал наверняка? И ожидая каждый вечер, что за дверью вновь послышится шорох и войдет Мрышек, вспоминала Мрель все рассказы о демонах-лисах, и пока не могла решить, что в них была правда, а что ложь.

Жизнь, которую она теперь вела, мало чем отличалась от прежней, среди людей, и все же изменилась в корне. Уклад дня был по-прежнему прост, но не было законов и правил, кроме ее собственных, которым нужно было бы подчиняться, и не было соседей, которые бы смотрели за тем, чтобы она следовала правилам. Больше не было необходимости зарабатывать себе на пропитание, но голодать при этом Мрель не голодала, как случалось ранее. Лес вокруг был благодатен и богат, и она ни в чем не испытывала недостатка. Она нашла подходящую глину и обожгла несколько сосудов, а из молодого ивняка наплела корзин. Это были грубые сосуды и неумелые корзины, но в них можно было хранить избыток пищи. Невдалеке был улей диких пчел, а значит, мед и воск. В ручье водилась мелкая рыбешка, на берегу росли целебные травы. В окрестностях было достаточно съедобных корнеплодов, а из сосновых игл Мрель вываривала сладкий коричневый сок. Она старалась не задумываться о завтрашнем дне, но знала, что осенью лес в изобилии даст грибов и ягод, трав и кореньев. Нет, она не боялась зимы. Мрна была щедра, если знать, как брать ее богатства и брать их с благодарностью.

Состарилась и умерла старая луна, родилась и начала расти новая. Когда она достигла зрелости, Мрель вновь повстречала Мрышека.

После разреженного леса начиналась на север открытая, кажущаяся бесконечной степь. Она поросла ковылем и коротким, выжженным солнцем сухостоем; от его горького запаха начинала кружиться голова. Бедово стреко-тали здесь кузнечики, и тучны бывали вечерами рои мошкары. В полдень же от раскаленной земли поднимался жар, и в его колышущейся дымке были видны белые вершины далеких гор. Они настолько походили на облака, что Мрель не сразу уверилась в их неподвижной природе — и стала часто приходить сюда, на кромку леса. Гор ей прежде видеть не доводилось, и никогда не слышала она, что где-то на севере есть горные цепи: столь далеко уела ее судьба от известных земель.

Долго не решалась Мрель выйти в степь — после защищенности леса казалось, что открытое пространство исполнено неведомой опасности. Но манило раздолье, и было что-то особое в свежести и бодрящей радости того утра, что

Мрель все же отважилась ступить на жесткую, щетинистую траву. Она не знала, что искала здесь. Ей просто хотелось идти дальше, слушать звонкую трескотню кузнечиков, вдыхать горький аромат сухостоя и взглянуть, что было дальше, там, где терялся взгляд.

Она шла недолго, всего-то около трех часов, как местность начала повышаться. Трава вскоре почти исчезла, исчезли и многочисленные норки сусликов, за которыми гонялся, описывая восторженные круги, Бринк. На камнях иногда были видны черные, оплавившиеся проплешины, словно от давнего небесного огня — и безмятежное настроение Мрель начало сменяться глухим опасением. Что-то недоброе чувствовалось в воздухе, что-то тревожное, и в то же время печальное, будто след давней боли. Все более замедляла она шаг и решила, наконец, повернуть назад, но прежде подняться на широкий и довольно высокий холм, который увидела еще издалека, и осмотреть сверху окрестности.

Холм оказался круче, чем казалось снизу. Наконец, земля точно вспучилась гребнем, и Мрель выбралась наверх. Она остановилась, пораженная откровенным видом.

Словно огромные руки разорвали землю надвое и утащили одну ее часть вниз. Насколько хватало глаз, на запад и на восток, уходил крутой обрыв, срезая степь. Внизу же ощетинивался лес. Монолитно и глухо стоял он, все прямые корабельные сосны, и расстился темным морем вплоть до подножий яснее видимых отсюда гор. Вершины самых высоких деревьев едва достигали края обрыва.

И сам холм тоже был разорван надвое. Вторая половина его обрушилась вниз, а у обрыва одиноко стояло старое, могучее дерево. Десять человек, взявшись за руки, едва бы смогли обхватить его мощный ствол. Узловатые корни, порванные на одной стороне, бессильно свисали вниз, как тела мертвых речных драконов, и печально шелестели в полном безветрии редкие, припорошенные серой пылью листья. Они давали мало тени, но в этой тени лежал спиной к Мрель огромный рыжий лис и смотрел на горы. Шерсть его горела ярким пятном среди темных красок леса и блеклых неба.

Мрель медленно подошла к лису и опустилась рядом с ним на колени. Он не шевельнулся, не посмотрел на нее. Взгляд его был по-прежнему устремлен вдаль.

Вновь и вновь смотрела Мрель на обрыв. Камни вокруг были черны, и стена обрыва, некогда оплавившаяся от немыслимого жара, тускло блестела, как обсидиан. Здесь все подавляло память о давней катастрофе, а земля была сплошной зарубцевавшейся раной — и Мрель, не выдержав ее неслышных стонов и жалобного шелеста листьев старого дерева, стала смотреть вместе с лисом вдаль.

И странно, чем дольше глядела она на очертания гор, прочь от темного блеска камней и поверх неподвижных волн леса, тем светлее становилось у нее на душе. Боль была в этом месте, но и нечто зачарованное. Тишина царил на холме, и словно переставало течь на нем время.

Мрель вздрогнула, когда внизу треснул сук, и взглянула вниз. Там, из-под развесистых ветвей корабельных сосен, выбралось из леса к небольшому ручью странное и — осознала она — страшное существо. Оно было огромно, все покрыто черной шерстью. Задние лапы его были непропорционально длинны, и передвигалось оно то на них, то опускалось на передние, более короткие и отдаленно напоминавшие руки. Морда его была вытянута и походила на человеческое лицо, косматый загривок был сед. Существо силло потянуло носом воздух, задрало голову и безошибочно уставилось на нее. Взгляд его приковал Мрель к месту. Она не могла отвести глаз, не могла даже пошевелиться, и ужас объял ее. Существо вело носом, ноздри его расширялись и сужались. Глазки у него были маленькие, налитые кровью, и глядели на нее с вожделением голода и горячий, ненасытной похоти.

Лис медленно опустил голову. Существо внизу тотчас перевело на него взгляд, выпустив Мрель из своих чар. Несколько мгновений оно смотрело на лиса, потом яростно дернулось, рывком опустило морду и начало звучно, с придыханием лакать. Утолив жажду, оно поворотило и, подкидывая задом, направилось обратно в лес. Чувствовалось, что его презрительные, такие вальяжные движения могут быть невероятно ловки и быстры. Смертельно быстры.

Наконец, существо скрылось среди деревьев.

Запоздалая дрожь прошла по телу Мрель.

— Здесь — граница моих неприкосновенных северных владений, — проговорил лис глухо, смотря в корабельный лес. — Дальше начинаются глубины и Сердце Мрна. Людям туда путь закрыт.

Пораженная, Мрель повернулась к нему.

— Чему ты удивляешься? — произнес негромко Мрышек. — Неужели ты думаешь, что, умея изменять свое тело целиком, я не сумею изменить часть его, чтобы и в образе зверя иметь возможность говорить с тобой?

Мрель не ответила.

Сейчас, когда ужас все еще владел ей, она яснее чувствовала зачарованный покой этого места. Он обнимал, он ощутимо льнул к ней. Поколебавшись, Мрель с опасением раскрылась ему, и словно вода он начал переливаться в нее. Явление страшного существа быстро выцветало в памяти. Оно не исчезло, но отодвинулось далеко-далеко, так, что начало казаться, будто его и вовсе не было. Вновь все замерло на холме, только шелестели листья одинокого, усталого дерева.

Казалось, горы были совсем близко. И живое, ласкающее тепло исходило от тела зверя рядом с Мрель. Так сидели они друг подле друга, и словно сливались время и пространство, исчезали все границы, и проявлялась истинная суть вещей.

И когда-то Мрель протянула руку и осторожно коснулась шерсти лиса. Шерсть была жесткая, и от нее в кончиках пальцев возникало ощущение странного, но приятного покалывания. Мрышек повернул голову и легонько коснулся ее виска влажным, прохладным носом. Теплое дыхание его по-

гладило ее волосы. Потом он вновь отвернулся к горам, и взгляд Мрель тоже упокоился на них, как ее рука на его спине.

— Пойдем, нам пора, — сказал лис. — Здесь становится жарко.

Мрель очнулась. Палило солнце, и от камней поднималась прозрачная дымка зноя. Стоял полдень.

Она провела рукой по лицу: лоб был горяч, щеки горели. Мрышек поднялся, встряхнулся и неспешно пошел прочь. Мрель последовала за ним и увидела узкую, пологую тропинку, ведущую вниз. Когда они спустились к подножию холма, она заметила Бринка. Пес опасно следовал за ними, но близко не подходил.

У Мрель было такое чувство, словно пробуждается от долгого, глубокого сна наяву.

— Что это было за место? — спросила она немного погодя.

— Там уходит память, — отозвался лис. — Когда столько лет позади, как у того дерева наверху или как у меня, то иногда хорошо забыться от памяти. Когда-то холм был цел, его вершина округла, на ней стояло два дерева, а вокруг был молодой лес. Потом лес сторел, земля разломилась, а одно из деревьев обрушилось вместе с половиной холма вниз и погибло. С тех пор старое дерево погружено в забвение печали и дарит его каждому, кто подходит к нему.

— Отчего же разломилась земля?

Лис не ответил.

— Что это было за существо там, внизу? — спросила Мрель, помолчав.

— Пока ты в моих владениях, а кроме севера они обширны, тебе нечего бояться, — ответил он уклончиво.

Они шли и шли. Мрышек проводил Мрель почти до самого леса, а потом вдруг — она не заметила, как — его не стало подле нее. Мрель огляделась. Мрышек исчез, и вновь надолго. Но с этого дня она могла бы поклясться, что иногда ночами к срубам приходит огромный одинокий лис, всматривается, колеблется — не входит, и вновь исчезает во мраке леса.

Чуть позже после той прогулки у Мрель выдалась странная встреча в лесу. В южном направлении, в теплой низине, она натолкнулась на несколько каштанов. словно некое волшебство перенесло их сюда с далекого юга, и стояли они кругом, пять по числу, во всей красе — будто милый привет из далекого детства, из мест, не существующих больше нигде и ни для кого, только для нее в ее памяти. Задумчиво стояла Мрель перед ними. Колючая шелуха прошлогодних плодов проглядывала в траве. Она нагнулась и подобрала мягкий нераскрывшийся шар: он знакомо лег ей в ладонь.

Когда она распрямилась, перед нею стояла лиса.

Стояла и смотрела на нее.

Мрель замерла.

Насмешка показала ей в темных, вспыхивающих огоньками глазах зверя. Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Потом лиса медленно повернулась и исчезла в кустах. В воздухе повис презрительный смехок — словно колокольчик прозвенел или пролепетал что-то ребенок.

С тех пор Мрель перестала ходить на юг.

Когда округлилась вторая луна, вернулся Мрышек.

Мрель не заметила, как он вошел: не скрипнула ни дверь, ни половица. Она готовила себе похлебку, напевая вполголоса, а когда обернулась, Мрышек стоял в дверях и наблюдал за ней. Мрель вздрогнула от неожиданности, смешалась, но потом пересилила себя и прямо взглянула ему в глаза.

— Я вижу, ты быстро осваиваешься в своей новой жизни, — сказал Мрышек. — Здесь стало уютнее, но все настолько пропахло человеком, что еще немного, и я тоже почувствую себя как человек.

— Это твой дом, — ответила Мрель. — Я могу уйти.

Мрышек покачал головой.

— Нет. Теперь это твой дом, раз ты этого так захотела. Я уступаю тебе его.

Он подошел к печи и, не глядя протянув руку, взял из одного тuesка горсть травы.

— Эта трава тебе наверняка не знакома, — сказал, доставая глиняную чашу. — В древности ее называли «лисье вино» и использовали при посвящении вождей людей в мудрость зверей — обряд, позволявший человеку слиться с Мрна и со своим внутренним зверем. Многие могли после того менять форму. Если дать отвар лисьего вина настояться, то он вызывает особое состояние души, когда сон становится как явь. Но его слабый отвар просто приятен на вкус и действительно напоминает вино.

Он замолчал, присев у печи. Мрель смотрела на его спину, на его мягкие движения, и неожиданно поняла, что рада его видеть. Это была и ее внутренняя уверенность, что Мрышек расположен к ней и ей друг, что радовалась она его приходу. Это была и запоздалая благодарность, что спас он ей жизнь. И это была тайна его. Потому что Мрышек был тайной. Странны были его речи, и был он плоть от плоти и кость от кости великой Мрна.

Когда отвар вскипел, Мрышек зачерпнул две чаши и поставил их на стол. Мрель отпила из своей, и в груди разлилось приятное тепло, а в горле появился терпкий привкус горного меда. Отвар слегка ударял в голову. Мрышек залпом осушил свою чашу. Глаза его заблестели, и он раскованно откинулся на спинку стула. Но взгляд его стал внимателен и пристален, и в нем вновь, как когда-то, появился цепкий, непонятный интерес.

— Я давно уже хотел провести тебя, — сказал он. — Есть ли у тебя какие-нибудь пожелания, испытываешь ты в чем-нибудь нужду? Быть может, тебе в чем-то не помешает моя помощь? Или же, — он помедлил, — тебе хочется повидать кого-нибудь по ту сторону Границы?

Мрель отрицательно покачала головой.

— Хорошо, — медленно произнес он. — Я уважаю тех, кто горд и до всего доходит сам. Но я вижу тебя лучше, чем ты думаешь: я зверь, и не ограничен теми пятью чувствами, в которые втиснули себя люди. Твое сердце не спокойно. Ты хочешь что-то спросить и не отваживаешься. Ну же. Спрашивай.

Золото появилось в его карих глазах. И Мрель решила.

— Кто ты? — спросила она в упор.

Мрышек обескуражено сморгнул и смотрел на нее несколько долгих мгновений. Потом запрокинул голову и отрывисто захохотал. Блеснули белые зубы.

— Кто я? — переспросил он. — Вот так вопрос! И сколько ответов!.. Я лучше скажу тебе, кто я *не есть*. До меня дошли слухи, что на днях у пяти священных каштанов ты столкнулась в лесу с одной из тех, кого у нас называют ацуи. Так вот, я — не ацуи. Если хочешь, я могу рассказать тебе о них. Но уяснить для себя, кто я, тебе придется самой.

— Хорошо, Расскажи мне об ацуи, — сказала Мрель.

Мрышек стал серьезен, и в его глазах мелькнуло уважение.

— Так и быть, я расскажу тебе даже больше — о природе всех переворотней, не только ацуи. В конце концов, раз ты теперь живешь в Мрна, то должна об этом знать.

Он долил себе лисьего вина и пригубил его.

— Ты помнишь, я рассказал тебе о том, как в нашу кровь — кровь исконных зверолодей — была привнесена эннэ вторых богов. Но я не сказал тебе, что на долгое время после того наша кровь приобрела одно удивительное свойство. Если попадала она в тело человека, то перерождала его плоть так, что он становился нашим отдаленным подобием, и мало того, мог передавать свою кровь дальше, преображая других. При этом кровь каждого рода исконных зверолодей изменяла людей на свой собственный лад, и после начального времени всеобщего хаоса, главные рода по-своему распорядились этим проклятьем, как считали одни, или даром, как полагали другие. Свою кровь, и с ней способность перерождаться в отдаленно похожего на нынешнего медведя зверя, род Грограр передавал только избранным, сильным и мудрым людям-вождям. В просветленный род Энрэ, род людей-олений, вливались большей частью жрецы и волхвы людей. Но давно уже только ацуи и аи можно встретить в лесах Севера. Ацуи вышли из крови моего рода, рода ведунов и почитателей темных и светлых искусств. Аи же — наследье рода Нгаргобар. Нынешние волки лишь отдаленно напоминают тех могущественных и отважных зверей древности, великих воинов.

Со временем утратила наша кровь и кровь наших подобий способность перерождать других, и ныне только кровь аи еще не до конца утерjala ее. Никто не знает, почему это так — быть может, когда-то Нгаргобар получили больше божественной эннэ, чем другие рода. Но только в полную луну, когда усиливается всякий дар зачатия и творения, возвращается тень прежней силы в их кровь. Получившие ее в наше время — слабы, и подвержены самому обычному животному бешенству, поэтому на моей памяти уже никто из аи не передавал свою кровь по старому ритуалу. Что же касается ацуи, то сегодня это так: если ацуи передаст свою кровь человеку, то исцелятся его болезни и заживут даже смертельные раны, но человек останется человеком. Если человек отведаст мяса ацуи, — Мрышек поморщился, — то никакой яд более не сможет причинить ему вреда, но он не переродится. И только дав ему свою кровь, и длительно подвергая его своему влиянию, может очень опытный и искусный ацуи вылепить из человека некое подобие себя, но,

опять же, не переродить его. Жалки бывают такие порождения темного искусства, и на всем Севере лишь один Черный Лис, старый, очень старый ку-десник и чародей, позволяет себе подобные забавы. Говорят, что так пытается он понять и выправить нашу природу, но не преуспевает в том.

Мрышек всколыхнул отвар в своей чаше. Его взгляд стал несколько рассеянным.

— В те древние времена вы, люди, прельщенные нашим могуществом, ни к чему не стремились более, как уподобиться нам, и слагали песни о тех героях и чародеях, которые могли менять обличье — некоторые такие песни поются и до сих пор. Как знак высочайшего отличия передавали мы свою кровь, пополняя свои вымирающие рода. Но время рассудило иначе.

Сегодня как в те времена, и без нашей крови — никогда не была закрыта мудрость истинного зверя человеку, ведь она в нем уже по рождению. Любой человек может открыть в себе просветленного зверя, того самого, которым он был до вмешательства первых богов. А, поняв и приняв его, и принимать его образ — поначалу своего, самого близкого ему по душевному складу зверя, а потом и любого зверя, потому что у всех зверей и у всех людей первооснова едина. Этот медленный путь, путь истинного понимания, оказался и единственно верным.

В магической силе наши подобиya намного слабее нас, своих прародителей, но превосходят в способности свободно, словно люди, продолжать свой род. Вас, людей, они превосходят в долголетию и чародейских искусствах, — и все же уступают вам в главном и конечном. Пока человек — только человек, силы и способности его жалки по сравнению с мощью и способностями последовавших. Но стоит человеку начать раскрывать свою энна, и скоро уже ни наши подобиya, ни мы, исконные зверолюди, не можем сравниться с ним. Энна получивших нашу кровь оказалась не столь совершенной, как энна человека. Нам всем доступно просветление, но где человек делает к нему шаг, перед ацуи и аи вырастает преграда, преодоление которой требует огромных усилий. Быть может, от этого свойственно почти всем потомкам некогда получивших нашу кровь неистребимое стремление к человеку: ведь все в своей глубине стремится к исполнению. Даже когда кто-то из аи забирается в приграничные деревни и крадет девушек и женщин, это — суть изуродованное стремление к человеку. И когда этот же безумец убивает людей — это выражение все той же зависимости, вызывающей к нему из глубин его затемненной сущности. Ощущение ущербности собственного могущества по сравнению с той силой, которая дремлет даже в самом жалком человеке, заставляла многих последовавших ненавидеть людей. Иные аи требовали в королевствах, которые создавали, жертвоприношений перворожденных младенцев, потому что не было для них лакомства слаще, и не было более легкого средства обновить свою магическую мощь. И если еще помнят люди о жертвоприношениях девственных юношей и девушек, лучших из лучших, то это тоже правда.

А между тем, искреннее единение в любви с человеком есть и для нас, и для последовавших — совершенствование своей энна, и с тем наискорейший

путь к мощи и просветлению, и единение такое во благо и человеку. Но не все способны любить, и нелегко найти истинную любовь. Оттого, стремясь к мощи, полагаются многие последовавшие, и ацуи в особенности, на самое доступное им выражение силы эннэ в человеке — то, которое пронизывает его в плотском соитии. Так что справедливы истории людей, когда говорят, что длительное сожительство с ацуи, основанное только на удовольствии плоти, непременно ведет к тяжелой болезни, а то и к смерти, потому что пьют они в соитии человеческую силу продолжения рода.

— Так значит, это все же правда, что рассказывают об... ацуи? — спросила Мрель. — Что они в человеческом обличье поджидают запоздалых путников на дорогах и очаровывают их своей красотой?

Мрышек кивнул.

— Правда, — сказал он, — многое — правда. Но не стоит забывать, что ацуи столь же различны между собой, как и люди. Правда, например, что иные ацуи следуют за полюбившими их и, будучи искренни в своем чувстве, не страшатся даже смерти. Но правда и то, что старые ацуи омолаживаются за счет своих легкомысленных возлюбленных. Правда даже, что если ацуи-женщина долго была с человеком-мужчиной и была убита в образе человека, то ее тело только отчасти обращается обратно в тело зверя, потому что она получила достаточно от сути людей через свое сожительство или же свою любовь.

Мрышек поднялся и, заложив руки за спину, прошелся по срубам.

— Я догадываюсь, о чем ты еще хотела меня спросить. Его имя Нгарг — того, кого ты видела внизу, по ту сторону обрыва. Но в Мрна его зовут Красноглазый Аи. Он многим враг, а мне и ацуи в особенности. Тебе уже тоже довелось свести знакомство с его кознями. Помнишь тот день, когда тебя накрыло оползнем в Темном Логе? Это был тот самый, когда Нгарг в очередной раз попытался расширить свои владения — оползень был следствием нашего с ним столкновения. Нгарг силен, очень силен, и если бы не длительные припадки бешенства, лишаящие его рассудка, давно бы он достиг такой мощи, что никто на Севере, ни в каком союзе, не смог бы ему противостоять. Он неимоверно стар и — один из последних, если не последний, кто еще напрямую получил кровь. Когда задолго до моего рождения между Нгаргобар и моими предками началось одно из последних противостояний, передал кто-то из Нгаргобар ему, уже тогда жесточайшему полководцу среди людей, свою кровь, и с тех пор его жажда ее неумемна. Жертвам его нет числа, и даже глаза его не так красны, как красно море крови, что вылакал он. Давно уже сгинули исконные Нгаргобар в этих краях, и сердца последних из них он вырвал сам. Но из всех аи Севера лишь только его кровь так же сильна, как во времена перерождения первых получивших ее и, пропитанная его злостью, опасна, как самый злейший яд. Бывает, что кто-то из молодых аи попадает в бешенство, и если при этом в полную луну нападает на человека, то попавшая в него темная, отравленная безумием кровь может заразить его, так что он станет слабым и уродливым подобием своего отравителя. И все же если человек чист душой и силен духом, злоба безумца в него не перейдет.

Но бешеная злоба Нгарга способна даже лучшего из людей, в любой день луны, навсегда переродить в чудовище. За все века ни один, укушенный им, не смог противостоять отраве его злобы.

В срубе наступила гнетущая тишина. Как видение, встал образ страшного существа перед Мрель, и холод сжал сердце. Тонкое, но определенное чувство подсказало ей, что еще не раз заглянут ей в душу маленькие красивые глазки, словно положил их похотливый взгляд на нее невидимую печать.

Мрышек прозорливо посмотрел на нее и покачал головой.

— Нет, — сказал он, — хоть это и нелегко, но перестань думать о нем. Ты права, чьи пути пересеклись один раз, редко не пересекаются во второй. Но постарайся забыть его. Как и я, он мгновенно узнает обо всем, что происходит в его землях, и способен чувствовать по мыслям и за ними. Владения мои ему непреступны, но не шутят с огнем.

Мрель ничего не ответила. Мрышек вздохнул и вновь сел к ней за стол.

Потрескивало пламя в печи, отражаясь в его карих с золотом глазах. Мрышек задумчиво поигрывал полупустой чашей.

— У тебя пальцы человека, в совершенстве владеющего кистью и тушью, и струны музыкального инструмента тебе тоже знакомы, — неожиданно сказал он. — Ты играешь на семиструнной пипа?

Мрель изумленно подняла на него глаза и кивнула.

— Ты спросила меня, кто я, — чуть улыбнувшись, сказал Мрышек, — но согласишься, это дает мне не меньшее право спросить — кто ты? Расскажи мне о себе. Я знаю, откуда ты родом, но как попала ты на Север? Я вижу, ты жила в городе — но ты любишь травы. Я рассказываю тебе вещи, которые обратили бы против меня немало людей, но ты мне ни в чем не возражаешь. И ты настолько быстро срастаешься с Мрна, словно никогда не жила за ее пределами. Я чувствую много боли у тебя в душе — эта боль родственна моей. Она гложет тебя изнутри, и тебе надо от нее освободиться, если не хочешь, чтобы когда-нибудь она пригнула тебя к земле.

— Что ты хочешь обо мне знать? — спросила Мрель.

— Что сочтешь нужным рассказать, — легко отозвался он.

— Это долгая история.

— Тем лучше. Жизнь моя почти бесконечна, и время мое безбрежно.

Мрель молчала.

— Ну, хорошо, — сказал Мрышек наконец. — Я сам могу начать твою историю, как видится она мне, а ты продолжишь ее, если захочешь.

Он закрыл глаза. Первые же его слова заставили Мрель вздрогнуть.

— Еще когда я увидел тебя впервые, то почувствовал за тобой много, очень много мертвых людей. Души их успокоились, но связь с тобой не прервалась — это от них в тебе удивительная тонкость чувств, столь редкая в людях. Души мертвых стоят за тобой, направляя тебя и дают тебе силу. И много у них еще силы от земли, потому что насильно был прерван поток их жизни. За тобой стоят души невинноубиенных, связанные с тобой узами родства. Есть в людях много испорченной жестокости, той,

которая от падшего зверя, и жестокие законы царят по ту сторону Границы. Если провинился перед двором властителя один родич, то высоким повелением вырезают весь его род на корню, от мала до велика. А славен и знатен был твой род, и много людей с истинно высокой душой чувствую я за твоей спиной.

Мрышек открыл глаза и спокойно посмотрел на нее. Взгляд его был мягок, но определен.

— Моя мать добровольно последовала за моим отцом, — произнесла Мрель, и сама услышала, как глух стал ее голос. — Но она не взяла нас, детей, с собой. Незадолго до того, как войска осадили укрепления моего рода, она выслала поверенных, и они тайно, за большое вознаграждение, передали нас в незначительные рода, чтобы те выдали нас за своих детей. Я не знаю, где мои брат и сестра, живы ли еще и знают ли о своем происхождении. Мне было семь лет, когда все произошло, а они были близнецами, младше меня на пять лет. Мои приемные родители дали мне новое имя. Они хорошо относились ко мне, но они умерли во время прошлого поветрия. Мне исполнилось тогда четырнадцать лет, и я уже год как была обручена. Но мой обрученный умер немногим позже моих родителей, так что я не была ни обручена, ни замужем, и поэтому старший в роду должен был взять меня под опеку. Это был мой приемный дядя. Он сразу же решил выдать меня замуж, но выбранный им человек тоже вскоре умер. Это сочли за плохой знак и решили больше не искать для меня мужа. Но дядя все равно хотел избавиться от меня. Он боялся, что меня могут опознать, и тогда мой приемный род постигнет участь моего настоящего рода. А опознать меня, как думал дядя, было несложно. Женщины моего рода издревле славилась на юге своей внешностью: сочетанием темных волос, светлой кожи и светлых глаз. О наших глазах даже говорили строкой одной известной баллады: «Глаза женщин рода Анаурак — как камни чароита. Они чаруют душу и не отпускают ее больше». Думаю, дядя отважился бы меня убить, но еще больше высочайшего закона он боялся мести дружественных моему роду влиятельных родов: ходили слухи, что они знали, куда женщины нашего рода спрятали своих детей. Одним вечером он позвал меня к себе и предложил уехать под благовидным предлогом, выбрав такое занятие, при котором на одиноких женщин не смотрят особо косо. Я уехала в Срединные Земли и поступила в обучение к одной благородной госпоже, а после преподавала в ее школе изящные искусства. Это было хорошее время, пока не пришло новое поветрие. Север почти незнаком с ним. Говорят, дух поветрия любит туманы и тепло, и избегает холод и запах хвои. Это было непросто, но мне удалось добраться до Границы. Там я хотела переждать время опустошений. Что было после, ты знаешь.

Она замолчала. Почти потухло пламя в печи, и в углах сруба начали собираться глубокие тени.

Мрышек неотрывно смотрел на нее.

— Ты рассказала мне не все, — сказал он негромко, — но этого достаточно. Есть ли еще что-нибудь, что бы ты хотела у меня спросить?

Мрель взглянула на него, и почувствовала, как та хрупкая, тонкая душевная нить, которую она некогда ощутила на оборванном холме, появилась вновь и протянулась между ними. Только теперь заметив, как побелели костяшки пальцев, накрепко сжимавшие чашу с отваром, она отставила ее от себя.

— О природе всего сущего под небом и о каждой звезде.

Мрышек наклонил голову и тихо, одобрительно засмеялся.

— Тогда надо утихомирить здесь людской дух, иначе мне тут надолго не задержаться.

Он приподнялся и плеснул последний глоток из своей чаши в огонь. Пламя зашипело, вспыхнуло, и по срубам пополз чад и сильный, дурманящий аромат.

Но Мрель сказала не всю правду. Было что-то, что она все же не стала у него спрашивать — отчего смеялась над нею у пяти каштанов ацуи-лиса.

Мрышек остался. День проходил за днем и вечер за вечером, но он не уходил, а, исчезая иными утрами, непременно возвращался к сумеркам. Присутствие его более не смущало, и если еще испытывала Мрель затаенный страх перед ним, то вскоре он оставил ее.

Мрышек жил в себе. Он мог молчать целыми днями, иными же днями долго и охотно беседовал с ней, или вновь рассказывал свои истории о давно минувших временах. Но сколько бы он ни казался человеком, его никогда не оставляло то нечто особое и неуловимое, что от человека в нем не было. Случалось, напевая вечерами, Мрель ловила на себе его взгляд — взгляд одинокого зверя, прокравшегося из темноты леса к жилищу людей и заглядывающего через окно в их дом. А когда Мрышек подолгу, неподвижно и не мигая, смотрел в огонь, и она не могла понять, отражается ли пламя в его зрачках или рождается в них, то вспоминала того лиса, который приходил к ней длинными зимними ночами, и ее сердце сжималось от непонятного чувства.

Часто водил ее Мрышек по округе и, бывало, углублялись они на целые дни в лес. Он показывал ей могучие и удивительные деревья, чьи корни опускались из раскидистых ветвей вниз, к земле, и подпирали их. Часами можно было идти под одним таким деревом. Тишина и покой расстилались под его нескончаемыми ветвями и боковыми стволами, а главный ствол его был непомерен. Сменялись, рождались и умирали королевства людей, а эти деревья были тут еще и до них, и росли дальше. Особо отличал их Мрышек — и показывал Мрель и другие деревья: их ствол усыпали шипы в длину человеческого локтя. Случалось, иной зверь напарывался на них на бегу и умирал потом долго и мучительно. В местах сухих и каменистых росли деревья, чья смола была текуча, красна и горяча, как кровь дракона. Эта смола исцеляла даже неизлечимые болезни. Видела Мрель и деревья, на которых, словно тюльпаны, цвели красные цветы: их чарующий аромат погружал в сон смерти.

Показывал Мрышек ей и травы, и вскоре Мрель знала многое о таких их свойствах, о которых не знали знахари людей. Ясными ночами он водил ее

смотреть на игры водяных духов в излучине недалекой реки; чудесны были в свете луны их прозрачные тела. Играя, приносили они со дна удивительные камни и оставляли на берегу — Мрель любовалась ими, но никогда не брала с собой.

Иной, чем прежде, открывалась ей Мрна, и начала говорить с ней — в шевелении ветра, в молчании неба над головой и шепоте травы под ногами. Су ров был мир Мрна, но полон красок, словно в первый день творения, и на каждом шагу скрывалась в нем красота, от совершенства которой замирала душа. Это была та красота, которая начала привязывать Мрель к Мрна, и это была та красота, которая, как чувствовала она, начала привязывать ее и к Мрышке.

Мрна исцеляла. Кто открывался ей, у того не оставалось ран в душе. Все реже тревожили Мрель сны о мире людей, в которых были крики, кровь, бег коней, вздувшиеся тела с бубонными розами на шеях и запахах горелой человечины от костров. Мире, где в людях было меньше человеческого, чем в иных зверях, и больше от вождения крови, чем в любом животном. Где разумность была лжива, и если не осенялась сердечностью и душой, то обгадрялась кровью.

Когда научилась она ступать бесшумно, и страх перед Мрна окончательно оставил ее, стала Мрель одна подолгу бродить во владениях Мрышка. И получилось так, что одна из этих прогулок одарила ее главным событием этого безмятежного времени.

Она вышла на поляну, и он стоял у другого ее края — вскинув венценосную голову, в царственном покое, посмотрел ей в душу влажными, светлыми глазами. Гордостью и силой веяло от него. Он был король и знал это, исполненный достоинства. Мудрость была в его глазах.

Она шевельнулась — он стоял неподвижно. Она медленно подошла к нему — лишь ноздри его затрепетали. Когда она дотронулась до его спины, он протянул голову и коснулся ее плеча мягкими, влажными губами.

С этого мгновенья Мрна окончательно вступила в сердце Мрель, и не стало мира за ее пределами.

Ночью, в срубе, ей снились странные сны. Ей грезилось, тело ее удлиняется. Она обернулась и увидела свою пятнистую, покрытую светлой шерстью спину. Глубинная уверенность пришла к ней: она — важенька оленя, легка и грациозна, и нежны ее глаза с фиолетовой поволокой. В тени вековых деревьев, в странном свете ни дня, ни ночи, резвилась она до утра, а проснувшись, долго не могла придти в себя. Сердце билось часто и сильно, и в теле человека еще осталось ощущение удлиненного тела оленя.

Наконец, Мрель повернула голову и убрала с лица растрепавшиеся волосы. Взгляд ее упал на Мрышка. Снизу, с набросанного на пол сена, смотрел он на нее с тихой улыбкой, и глубокая привязанность читалась в его взгляде.

Мрель улыбнулась ему. Мгновенно сменилось тепло в его глазах отстраняющей прохладой, Мрышек не ответил на ее улыбку и закрыл глаза.

С этого взгляда начался между ними разлад. Мрышек стал немногословен и отстранен, и когда Мрель рассказала ему о своих ночных грезах, то

поняла, что он знал о них, и что было в них нечто, его раздосадовавшее и смутившее.

— Люди, — только и сказал он.

А через несколько дней исчез. Поначалу Мрель не особо задумывалась над его отсутствием: Мрышек был от Мрна и от зверя, и был волен в своих поступках. Ее более занимали эти новые, странные и влекущие сны. Но сменилась одна луна, и родилась новая, а Мрышек все не появлялся. Все чаще задумывалась Мрель о нем и, перебирая в памяти проведенные с ним дни, вспоминала его улыбки и взгляды, знаки внимания. То, что сопровождал ее по лесу в обличье человека, хотя не раз говорил, что в глубинах Мрна неудобно передвигаться на двух ногах. Что приносил ей иногда хлеб из столь далеких отсюда поселений людей...

Временами ей казалось, будто что-то неладное происходит в лесу. Чаще стали приходить сильные ветра, и хмурилось небо низкими, серыми тучами. Потускнела трава у ручья, меньше цветов распускалось по утрам на лугах, и деревья ниже опускали ветви. Как и прежде уходила Мрель на целые дни в глубины леса, но потеряли эти одинокие прогулки свое очарование. Серая пустота тихо закрадывалась в душу и даже древняя, вечная красота Мрна не могла ее заполнить.

К западу от сруба нашла она место, полюбившееся ей. С невысокого, покрытого изумрудно-зеленой травой холма открывался вид на серебристую гладь реки. Часто стала Мрель приходить сюда, садилась в траву и, обхватив колени руками, смотрела вниз.

Ночами же ей по-прежнему снились странные сны. Она полюбила их, эти звериные сны, и охотно засыпала в них, чтобы бродить нежной, пятнистой важенкой оленя в поймах реки. Но теперь казалось, что цветут и они. Серее стал свет, царящий в них, реже видела Мрель свое тело и уже без прежней охоты пускалась в игры с собственной тенью. Пустота дней переходила в пустоту ночи и однажды, заснув, она не попала в сны. Надолго ночи стали похожи одна на другую — пока однажды, заснув, Мрель не проснулась в сон лисицей.

У нее были мягкие лапы, белые, как молоко; легко и неслышно ступала она ими. У нее была шелковистая шерсть, дымчатая словно стекло. Ее хвост был пышен и, обернувшись, поняла она, что он красив. Странно и непривычно было быть ниже к земле, быть ниже к траве, и трава больше манила и пахла иначе. Мрель вдохнула ее аромат, перекатилась с боку на бок и, высоко подпрыгнув, помчалась в ее волнах, рассекая их своим телом.

И с разбегу налетела на Мрышека. Он сидел, огромный рыжий лис, обернув лапы хвостом, и смотрел на нее. Глаза его мерцали, но были темны и непроглядны: только ее светлый силуэт отражался в их глубине. Мрель отскочила и замерла. Высоко перебирая лапами, она подошла к нему, неподвижному, и коснулась его носа своим. Мгновенье стояла так, а потом подпрыгнула и помчалась дальше, как легкий, бесплотный ветер. Мрышек должен был последовать за ней, чтобы вместе прыгать и играть в лунном свете, и она мчалась изо всех сил, упоенная бегом и упругой силой своего тела — пока внезапно не остановилась, осознав, что одна.

Мрель проснулась и, тяжело дыша, села в постели. Лунные блики лежали на полу. Подняв голову, настороженно смотрел на нее Бринк.

Еще вздрагивая от ощущения бега из сна, она встала и подкинула в огонь дров. Пламя благодарно разгорелось, осветив красноватым светом ее потную кожу. Мрель долго смотрела в него, успокаивая дыхание.

Впервые за все это время у нее возникло неясное ощущение — что ей недостает людей.

Нежна и грациозна была важенка оленя. Робка, чиста и прекрасна была она и, оставив ее образ, Мрель так и не стала в своих снах настоящей лисой. Тело ее в сновидениях было бесплотно и воздушно, будто сотканное из дыма или тумана. Легко шла она по воде и по воздуху, и самые глухие чащобы Мрна больше не были ей недоступны.

Одинока была она в новом мире снов — более вещественном, более реальном, в котором чувствовала биение крови в скользящих меж лап полевых мышках, — пока не стал сопровождать ее в нем Мрышек. Охраняя, следовал он за ней в отдалении, наблюдал за ее играми с лунным светом, но никогда не подходил ближе. Она зазывала его — он не отзывался. Иногда, когда непроглядно темны становилось глубины Мрна, шерсть его начинала полыхать огнем. Светло становилось вокруг, и падали прыгающие тени от деревьев. Но никогда — от нее.

И странные создания были там, в глубинах Мрна. Там был человек с телом лошади. Он никогда не спал и мог видеть ее, но ни разу не удостоил и взглядом. На дне озера лежал огромный змей. Он всегда спал. Чешуйчатое тело его светилось слабым голубоватым светом, а из ноздрей выплывали лучистые, красные и зеленые шары. Они поднимались на поверхность озера и тут растворялись в воздухе или взрывались с оглушительным треском. В корнях деревьев шнырял какой-то маленький лохматый народец, не позволяя себя рассмотреть.

Но самым удивительным в этом новом мире были шорохи и звуки. Едва слышно раздавалась для Мрель музыка звезд — более трепетанье в ее зверином теле, чем звук, и у каждой звезды и каждого созвездия было свое звучанье. Каждый запах был сочетанием звуков. Каждая травинка, каждое дерево — все обладало своим собственным, только ему присущим и неповторимым тоном. Бывало, сидела она ночи напролет, обернув лапы хвостом, и вслушивалась в величественную, всеобъемлющую, но едва различимую симфонию, которую ткало для нее все сущее — и небо, и земля, и лес, и вода, и сам воздух, и каждое движение ветерка в нем. Все обладало душой. Все жило. Но, просыпаясь, не могла Мрель вспомнить и звука из этой музыки бытия.

Долго приковывало ее восхищение к этому новому миру лисьих снов. Но беспокойство поселилось в душе, и стал он тоже выцветать. Только огненная шерсть Мрышека становилась в нем все ярче. По-прежнему пыталась она вовлечь его в игру, и все также не отзывался он. И постепенно устала Мрель от своих долгих зазывных игр с лунными бликами, с тенями и сухими прошлогодними листьями. Перестала она ходить во снах в глубины Мрна, а, просыпаясь, радовалась сочным краскам дневного леса. Незаметно

для себя покинула она свои призрачные лисьи сны, не испытав ни разочарования, ни утраты. В них не было больше ничего, что могло бы ее заполнить.

Пусто стало вокруг, и не было больше в жизни тепла.

Прошло много дней. Отыграла середина лета, приближалась осень. Все зрело и полнилось изобилием в Мрна. Однажды Мрель вновь пришла на свой холм и, как обычно, села в траву, обхватив руками колени. Было знойно, от жара тихо звенел воздух. Звонко стрекотали кузнечики, и серебристая гладь реки внизу манила прохладой.

Зашелестела трава. Мрель не обернулась: она сразу почувствовала, что позади стоит Мрышек и смотрит на нее.

Он подошел и молча сел рядом с ней. Его кожа пахла зноем и долгим напряженным бегом. Мрель не посмотрела на него. Как когда-то она на его холме, сидел он теперь рядом с ней на ее холме и смотрел вместе с ней вдаль, словно надеясь, что там, у горизонта, их взгляды пересекутся.

Долго сидели они так.

Когда он обратил к ней свое лицо, Мрель не ответила на его взгляд. Тогда Мрышек мягко взял ее за подбородок и заставил заглянуть ему в глаза.

Молчание и взгляд бывают всеобъемлющи. Долго вопрошали друг друга их глаза. И когда губы Мрышека коснулись ее губ, Мрель могла не отозваться. Но ее губы раскрылись навстречу его губам.

...Это было так, словно мощное дерево подняло свой ствол через все ее тело, раскинуло в нем ветви и распустило над головой пышное соцветие. Тысячи жгучих искр хлынули в кровь, и словно полная луна взошла в небе, потянув из ее тела прилив. Всеувлекающий круговорот потек сквозь них двоих, и его жгучая огненность проникла в нее и согрела, а ее молочная прохлада перелилась в него и смешалась с его огнем.

Когда все прошло и они, потные, лежали друг возле друга, Мрышек приподнялся на локте и, заглянув ей в лицо, притянул к себе. Небо смотрело на них. По нему плыли облака, и Мрель знала теперь, что чувствуют они, рождая дождь.

Еще долго преследовал ее ночами, во сне, голос Мрышека — голос говорил невысказанное в тот день.

«Я люблю тебя. Ты запала мне в душу еще тогда, долгой зимой. Но скредно счастье и редко благоволит к союзу таких, как я, и таких, как ты, и слишком часто толкает к гибели. Я думал, если уйти, то мы забудем друг друга. Но я не смог забыть тебя: душа твоя преследовала меня лунной лисцей. Прости меня, что я вернулся, и прости, если снова уйду. Кто долго был зверем, не обращается враз к человеку».

Долго слышала Мрель этот голос, но мало слушала она его. Потому что ночи сменялись днями, и дни были исполнены. Ушла из них серость и пустота, и счастье было осязаемо как это зрелое лето. Ни на шаг не отлучался от нее Мрышек, и рука об руку бродили они по Мрна, во снах же играли долгими играми: она — вновь лунно-белая лисица, он — огромный огненно-рыжий лис, неотступно идущий с ней бок о бок. Странное создание в глубинах Мрна, полуконь-получеловек, поднимало глаза и благосклонно взирало на

них, если случилось им пройти мимо. Просыпаясь же, ловила Мрель на себе взгляд Мрышека, полный тепла.

Много рассказывал он ей теперь о Мрна, больше, чем когда-либо прежде. И постепенно, очень осторожно, начал посвящать в старое учение о том, как разбудить в себе змею эннэ и заставить себе служить. Удивительны и глубоки были его познания, и мало что отныне могло привлечь Мрель больше, чем долгие часы сосредоточения и погружения в себя.

К осени был издан в Марне высочайший указ жечь на Севере леса: Властитель желал переложить Границу дальше в глубь Мрна. Мрышек стал отлучаться часто и подолгу, и дни напролет шли тяжелые дождевые облака в ту сторону, где раньше был дом Мрель, ночами же небо освещалось вспышками далеких, тревожных зарниц. Как-то раз, после одного из таких отсутствий, принес Мрышек с собой множество свитков. Старые мастера разных философских школ беседовали в них со своими учениками. Одни из этих трудов считались давно утерянными в миру, о других Мрель прежде вовсе ничего не слышала. Ночи напролет зачитывалась она ими, и нередко казалось ей, что об одном и том же говорят все эти на первый взгляд столь разные учения. Открой в себе просветленного зверя, открой в себе мудреца-ребенка, открой в себе любовь — разве не было это одним и тем же?

Счастливо и благодатно было это краткое время, но недаром говорят, что счастливым завидуют боги. Чем больше было их счастье, чем сильнее вращалась одна душа в другую, тем отчетливее чувствовала Мрель приближение неясной угрозы. И поэтому когда однажды, сидя в очередное отсутствие Мрышека на своем, а теперь их холме, она ощутила за спиной чуждое присутствие, сердце ее сжалось. Предчувствие сказало: несчастье пришло.

Она обернулась — и медленно поднялась.

Перед ней стояла юная женщина невообразимой красоты. Черты ее лица были столь соразмерны, что почти причиняли боль, брови срастались над переносицей и глаза были карие, как у Мрышека. На губах играла улыбка. Обнаженная, с чувством безграничного превосходства и снисхождения, стояла она горделиво перед Мрель и беззастенчиво разглядывала ее с ног до головы.

— Значит, это ты — Мрель, — проговорила мелодичным, звучащим словно у ребенка голосом, и Мрель сразу узнала его — это был голос лисы, смеявшейся над ней у пяти каштанов. — Мы встречались раньше, и я вижу, ты узнала меня. Я — Акира. Я живу дальше к югу отсюда. В последнее время мне часто доводилось слышать о тебе от старейшин и, раз уж пересеклись наши пути, мне вздумалось еще раз взглянуть на тебя: вдруг, я недостаточно рассмотрела тебя в прошлую встречу? Но теперь вижу, что и одного раза было достаточно.

Она передернула плечами.

— Мне жаль тебя, — сказала, позволив своему взгляду быть медлительным, а голосу — тягучим. — Думаешь, ты для него — единственная, ты для него — все на свете? Ошибаешься. Знаешь, сколько таких, как ты, было у него до тебя? Старый дуралей все еще верит, что через истинную любовь приходит просветление, а с ним — и возможность заделаться счастливым отцом

семейства для таких, как он. Он столько раз ошибался, что мы думали, он бросил, наконец, свои затеи. Не понимаю, чем ты расшевелила его вновь. В тебе ничего нет. Разве только что глаза необычны, но разве прельстишь одними глазами старого лиса? Он бежит к тебе от самого себя, и использует тебя для усиления собственной мощи так же, как мы, ацуи, используем людей. Но мы делаем это открыто, он же обманывает и себя, и тебя. Уходи к людям, человек. Уходи, пока цел. Марн и Мрна не сойдутся, и человек останется с людьми, а зверь — со зверьми. Они могут приятно провести время, но на этом история заканчивается. Ты скоро это увидишь.

Мрель молча смотрела на нее.

Акира откинула голову и расхохоталась, словно колокольчики прозвенели. Она развернулась, прыгнула — и на лету обратилась в лисицу. Лисица приземлилась на все четыре лапы и неспешно исчезла в кустах.

Вечером, когда — мокрый и довольный от недавнего дождя — вернулся Мрышек, Мрель не хотела говорить ему о встрече на холме. Но от Мрышка ничего невозможно было утаить. Он подошел, крепко обнял ее и поцеловал — и нахмурился, заглянув в глаза.

— Рассказывай, — потребовал сразу.

— Разве не ты говорил, что знаешь обо всем, что происходит в твоих владениях? — попыталась она отшутиться.

— За двумя исключениями, — ответил Мрышек без тени улыбки. — Я не различаю на расстоянии врагов, равных мне по силе, и я плохо различаю тех, в ком течет родственная мне кровь, потому что подобны наши силы. Я не чую от тебя духа ацуи, но только кто-то из их племени мог перейти тебе дорогу, раз я этого не знаю. Кого ты повстречала, и что он тебе сказал? Говори слово в слово.

Мрышек хмурился все больше и больше, пока она рассказывала. Потом вздохнул и покачал головой.

— Акира, Акира, — произнес задумчиво. — Удивительна ревность ацуи и губит даже лучших из них... Помнишь, я предупреждал тебя не ходить вглубь моих южных владений? За чертой их, но еще перед владениями хитроумного мудреца, Черного Лиса, заходить в которые без крайней нужды избегаю даже я, находится в буковом лесу одно из старейших поселений ацуи в этих краях. Вход в него скрыт под огромным холмом, и простирается оно от него под землей на три дня пешего пути. Никто из его жителей не осмелится даже прикоснуться к тебе, а тем более околдовать. Но речь ацуи опасна. Правду они настолько искусно смешивают с ложью, что надо быть твердым как камень, когда говоришь с ними, чтобы избежать расставленных ими сетей, и нередко ацуи лишь для того вводят в заблуждение путника, чтобы посмеяться потом над ним в свое удовольствие. Без сомнения, Акира хотела тебя смутить, и не думай, что пропали даром ее слова. Они еще могут взойти в твоей душе и принести свои плоды, тебе не нужные. Что скрывать, не всегда в одиночестве шел я по жизни, и давно знаком с Акирой. Но много сменилось лун и много воды утекло с тех пор, как разошлись наши пути. Прошлое не вечно, и сейчас — настоящее.

Мрышек нежно убрал волосы со лба Мрель. Его взгляд с тревогой и лаской сосредоточился на ней, и Мрель увидела в его глазах то выражение, когда он хотел ей что-то рассказать, но не знал, как рассказать так, чтобы было понятнее. Сцепив зубы, Мрышек в затруднении обвел взглядом сруб, словно это могло ему как-то помочь.

— Рассказывая истории своего племени, я много рассказал тебе о себе, — произнес он наконец. — И, наверное, теперь пришло время рассказать еще немного. Ты знаешь, что некогда мы, зверолоды, оказались виновны в приходе третьих богов. Это были жестокие и мстительные боги. Они низвергли на ваши города огонь и обращали их в соляную пыль: они привели ваше племя в упадок. Но третьи боги стали и последними богами, потому что свою вину перед вами, более юными детьми Эа, мы искупили. Мы свергли их владычество, а когда они ушли, это наши мудрецы приходили к вам, чтобы воскрешать утерянные было знания. Мы помогали вам, как могли, так что как добрых божеств почитали вы нас без нашего на то согласия, и от каждого нашего рода выводили свои рода. Мы воспитывали ваших героев и закладывали ваши великие города. То была золотая эпоха согласия между Марном и Мрна. Но со временем совсем малочисленны стали мы, и все больше отдалялись люди от Мрна. Нагрянула Великая Стужа, длилась и ушла. За века льдов сменилось у вас почитание добронравных, любящих матерей почитанием суровых отцов, и возникла Граница, по ту сторону которой властвовали боги-олицетворения и где нам, исконным зверолодам, больше уже не было места. Страшное замещение основополагающих понятий произошло в веках, и сегодня все больше забывают люди в Мрна — Матерь Жизни, а в звере его исконную, мудрую звериность, и все больше видят в нем только животное или чудовище. Просветляющая сила искренней, чувственной любви начала почитаться за грех, и ныне вытесняется из городов или обращается в похоть.

Многое из того уже происходило на моей памяти, и все же в молодость свою я последовал примеру самых великих из нас — примеру древности, которая мне ближе, чем вам. Как некогда наши мудрецы, я жил среди людей и делился с ними своими познаниями. Но шло время, все больше узнавал я людей — всех людей, не только лучших из них. И ужаснулся я им. Ужаснулся подлому животному в них и их радости при виде крови, их твердолобой ограниченности, страху перемен, словно врожденному желанию убить лучшего. Чем старше я становился, тем меньше мог их выносить. Велико было мое разочарование, и незрел мой дух. Начал считать я, что прахом идет все то высокое, что дремлет в людях, и таковы они, что не следует жалеть о пропадающих в них великих возможностях. Одно разочарование повлекло за собой череду следующих, и я отчаялся в себе. Ничто более не исполняло меня. Одинок был я, и что нес в себе, не было востребовано. И так опустела душа моя, а потом, не выдержав пустоты, изменилась и сама моя природа, и я надолго забылся в обычном звере. У нас, зверолодей, как у людей: до падшего зверя, до животного и скотины — один шаг, лишь только оступись. Бывало, я настолько забывался, что голодал зимой как самый обыкновенный,

неразумный лис, покрывал самок животных, спасался бегством от собак, рыл норы и перебивался падалью. Все реже и реже приходил я в себя. Сородичи-ацуи пытались мне помочь, но не хватило у них сострадания, понимания и терпения вытащить меня вполне, и я вновь, раз за разом, уходил на дно. Так я прозябал годами, с каждым очередным своим падением все больше теряя от своей истинной природы и все больше становясь животным. Враги не преследовали меня, опасаясь, что в минуту опасности я вспомню себя, а если случалось так, то делали все возможное, чтобы я вновь забылся в отчаянии одиночества. Быть животным все же проще, чем зверем или человеком, или же стоять над обоими. В последний раз я забылся около десяти лет тому назад и бродил обыкновенным лисом по Мрна, разоряя зимами курятники людей. Возможно, в этот раз мне бы уже больше не удалось вспомнить себя, и я, загнанный до смерти собаками или людьми, окончил бы свою жизнь обыкновенным лисом. Но сжалилось небо и послало мне помощь. И кто же помог мне? Один из тех, кого я презирал, и к кому, даже не осознавая себя, все же тянулся. Человек. Ты.

Ты не знала, кто я. Ты не могла быть уверена, простое ли животное перед тобой, или же злой дух, демон, воистину жуткие истории о которых рассказывают у ваших очагов. И если был я для тебя простым животным, то одним из тех, которые обкрадывают вас зимой, которых гнать и убивать — закон выживания. Была Граница, была ночь и была Мрна. Но ты все равно вышла ко мне и бросила кусок хлеба. Сострадание твое было бесстрашно, и ему — мой земной поклон. В Темном Логе я спас тебе жизнь, но еще раньше ты спасла мне больше, чем жизнь. Я хочу, чтобы ты это знала.

Мрышек мягко, бережно коснулся лица Мрель. Несколько мгновений она вглядывалась в него — и обняла.

Немногословно протек остаток вечера, и словно по молчаливому уговору они больше не вспоминали об Акире. Но появилось у Мрель тревожное предчувствие, будто первое предупреждение они получили, и что второе не заставит себя ждать. И, смотря на Мрышека, видела в его глазах, что он знает об ее опасениях и разделяет их.

Осень никак не хотела приходить в этом году. Листва золотилась лишь местами, и холодней не становилось. Небо, нахмурившись на несколько дней, вновь просветлело, и было ясно и тепло. Когда должны были бы уже настать первые заморозки, облака перестали течь на юг, а Мрышек перестал отлучаться из дому — верно, отступились люди от северных лесов. Но бездейственность не была в натуре Мрышека. Не по времени он вдруг затеял строить новый дом, и слышать ничего не хотел о том, что скоро зима и что дома строятся по весне.

По случаю показал он Мрель несколько других своих жилищ. Большей частью это были подземные обиталища — обыкновенные лисьи норы, узкие лазы. Но были среди них и другие, очень древние. Просторные, рассчитанные на множество обитателей, они походили на жилища людей и были, по сути, укрепленными подземными поселениями, почти городами. В одни только входы их, защищенные воротами, можно было въехать верхом и по

десятерю в ряд, а сами ворота располагались под корнями необычайно старых и могучих деревьев.

Странными казались Мрель эти подземные жилища — разделенные на помещения, назначение которых она зачастую не могла себе уяснить, обставленные удивительной мебелью, созданной явно не для человеческого обличья владельцев, и заполненные чудесными вещами. Были там светильники, сами по себе, словно солнце или луна, излучавшие свет — свет этот был совсем слаб в молодую луну, ярко лучился в полнолуние и умирал в затмения. Были там магические, хрустальные зеркала. Были библиотеки, ломившиеся от старых свитков и металлических книг — наверное, это из одной из них когда-то принес ей Мрышек беседы мудрецов. Роскошь царила в подземных дворцах, не было числа драгоценным камням и металлам, потраченным на их отделку, но нигде не лежала пыль, словно лишь вчера были покинуты они.

Не любил Мрышек в них бывать, и Мрель, поначалу ошеломленная размерами и необычностью этих сооружений, вскоре тоже прониклась к ним недоверием. Странно было находиться в них и не слышать ничьих шагов, кроме своих собственных, и было в них нечто, отчего становилось тяжело на душе. История многих поколений невидимо запечатлелась в их стенах, и невольно иными глазами смотрела теперь Мрель на Мрышека. Души убиенных окружали ее, но сколько давно ушедших покоилось в его памяти?

А он решил строить дом — их дом — так, как строят люди, и недолго искал, где заложить первый камень, словно давно уже все решил. Это был один из холмов неподалеку от их холма, и теперь Мрышек целиком ушел в строительство. Явно не одними усилиями его рук возводилось жилище. Уже на первый же день лежали у подножия холма камни и стволы таких размеров, перенести которые сюда было бы не по силам и целой строительной артели. И камни эти будто сами собой укладывались в фундамент, а стволы деревьев — в стены, быстро и всегда незаметно.

Добротным выходил дом. Крепкий, на высоком основании, с толстыми стенами, он бы напоминал крепость, если бы не широкие, гостеприимные проемы окон и дверей. Разбивал Мрышек и сад, и от его дыхания приживались молодые деревца так, будто было им время не засыпать, а идти в рост и цвести.

И вот, словно на одном дыхании, пришла осень. Лиственный лес в несколько дней стал золотым, и темнее казались на его фоне силуэты елей и сосен. Успокоились духи воды, реже стали их танцы в лунном свете. Покойная прозрачная тишина опустилась на Мрна и в ней явственнее становились сны. Случалось, видела в них Мрель словно с высоты их будущий дом: он был всегда далек, и казался окруженным непрозрачной перламутровой полусферой. Ни разу за все это время не побывала Мрель в нем. Он задумывался как дар, как оплот и залог их союза, и лишь по исполнению старого ритуала, — который должны были провести будущие господин и госпожа, чтобы окончательно защитить жилище и наполнить его изобилием, — думал Мрышек ввести ее в него.

Светлые это были дни, и глубоко было согласие между ними.

Но долго еще не суждено им было выполнить ритуал.

В ту ночь Мрель спала плохо. То снилось ей, как чужая, но уже столь знакомая женщина подходит к их ложу и пристально смотрит на них, на то, как лежат они рядом, как обнимает ее Мрышек и как покоится ее голова на его груди. То ощущала незнакомый, острый и неприязненный взгляд, силящийся разглядеть их. Ранним утром, много раньше обычного, проснулась она с тягостным чувством в душе. Покойно дышал Мрышек, улыбаясь чему-то во сне; его каштановые волосы мешались с ее темными. Мрель провела рукой по его щеке, и тяжесть в душе улетучилась.

День прошел как обычно. Спустился вечер, теплый, лучистый и ясный — такими бывают только вечера золотой осени, когда небо становится глубже, а дали ближе. Мрышек был у нового дома, Мрель осталась в срубе и перебирала собранные за день травы.

Беспокойно шевельнулся Бринк, поднял голову и наострил уши. Неожиданно, прежде чем Мрель успела что-то понять, пес ощерился, дико взвыл и вскочил на ноги, а узкая дверь резко отошла в сторону и кто-то массивный с трудом, но ловко и быстро протиснулся в нее. Мрель отпрянула. Она узнала его сразу. В дверях, заслоня собой свет и тяжело дыша, стоял Красноглазый Аи. Пар валил от его покрытой черной шерстью кожи, из приплюснутого носа текла кровь. В этот раз он был более человек, чем волк, но на его вполне человеческих руках и ногах росли длинные звериные когти. Зловоние шло от него волной, зловоние и животная ярость.

Красноглазый Аи поворотил короткой шеей и уставился на Мрель своими маленькими, кроваво-красными глазками, и взгляд их приковал ее к месту. Бринк с воем прыгнул на него, но Аи едва пошевелил рукой — и пес, с размаху отлетев к стене, замертво упал на пол. Все же Аи на мгновение ослабил свою невидимую хватку, и Мрель успела схватить со стола тяжелый кувшин. Но взгляд Аи вновь опустился на нее, пальцы ее, задрожав от напряжения, разжались, и кувшин выскользнул из рук и разбился, окатив ноги осколками. Потекла кровь. Аи опустил взгляд ниже: ноздри его расширились, он с шумом втянул в себя воздух и жадно качнулся вперед, но остановился, что-то напряженно обдумывая. Глазки его алчно светились. Решив что-то про себя, он усмехнулся и, косолапо переваливаясь, прошел мимо нее, обдав смрадом. Грузно опустился на стул. Он не издал ни звука, но воля его повелевала всевластно. Мрель почувствовала, как кровь приливает ей к лицу и тяжело бьется в висках. Она сопротивлялась — но безуспешно. Тело ее развернулось и послушно упало перед ним на колени.

Красноглазый Аи протянул руку и когтем поднял к себе ее лицо. Пар сильнее повалил от его кожи, сморщенной и словно обожженной: казалось, тело Аи курится в невидимом жаре. Шерсть тлела на живом теле, распространяя удушливый смрад. Аи цепко оглядел Мрель. Его взгляд остановился на ее глазах.

Он распахнул толстые губы и хотел что-то сказать, но из пасти вырвался только хрип. Аи прочистил горло, глотнул воздуха. Голос его оказался

утробным и низким, и внушал едва ли не больший ужас, чем красные глаза. Язык едва ворочался у него в гортани и, распухнув, выпирал наружу.

— Дружок твой уже неподалеку, — прохрипел он. — Меня он чуют не может, хотя и стал слишком уж прозорлив в последнее время. Но трепетанье своего золотца он почувствовал вмиг. Подождем его.

Сердце Мрель билось через усилие; казалось, время остановилось. Но вот коготь медленно опустился ниже, к сонной артерии, и она ощутила, что за дверью стоит Мрышек. Не видя его, она ясно различала его фигуру, словно охваченную живым пламенем. Мрышек помедлил — и переступил порог.

Мрель почувствовала, как он дернулся, точно от удара в лицо, как замер, когда взгляд его упал на нее — и как качнулся вперед.

— Стой, — просипел Красноглазый Аи, и коготь сильнее вдавился ей в шею.

Мрышек остановился.

— Чего ты хочешь? — спросил он глухо.

— Может, ты лучше хочешь спросить, как я попал в твои владения? — издевательски прохрипел Аи. — Долго рассказывать, а я, ты знаешь, не такой искусник сплетать истории, как ты. Сними с меня влияние твоих заклятий, не то моя кровь смешается с кровью твоего золотца и у меня появится новая спутница. А тебе ведь этого не хочется, верно?

Он облизал свои раздувшиеся губы. Мрель спиной ощутила тепло. Кожа Аи перестала дымиться, кровотечение из носа улеглось, а кровь, тонкой струйкой стекавшая ему на грудь, испарилась, будто оттертая невидимой рукой.

— Так-то лучше, — выдохнул он. — Стой. Я не говорил тебе исцелять и ее раны.

Ухватив Мрель за подбородок двумя пальцами, он, словно любясь, повертил ее голову из стороны в сторону и прищелкнул.

— Прелестный цветочек ты выбрал на этот раз, — проговорил с заметно большей легкостью, чем прежде. — У тебя всегда был хороший вкус на самочек. Ты только посмотри: этот изгиб шеи, гордая посадка головы, точеные ноздри! А эти глаза! Чувствуется порода и кровь.

— Чего ты хочешь? — повторил Мрышек.

— Чего я хочу? — прохрипел Красноглазый Аи в ответ и гоготнул. — Да ничего особенного. Заглянул на огонек. Шалишь ты, дружок, в последнее время. Лето и осень продляешь, зиму не пускаешь — непорядок творишь. А владения твои благоденствуют, это так. Вижу, давненько уже чудесные деньки стоят, значит, хорошо у тебя на душе. С чего бы это, думаю? Никак, вновь остепениться затеял. Ну и решил: загляну, проведаю, с избранницей поближе познакомлюсь. Все-таки соседи, да и близкие, никак.

— Ты знаешь, что если мы схватимся, то ты не устоишь, — тихо, с угрозой произнес Мрышек.

Красноглазый Аи, сощурившись, приценился к нему взглядом.

— Да, — легко согласился он. — Силенки, я гляжу, ты поднабрал в последнее время. Окреп. За ее счет, не иначе. Схватку, верно, ты бы и пережил. А с дитятком-то что? Я не укушу — спутницы мои и детки ждать

себя не заставят. Появятся здесь все враз — один да укусит. Зачем схватываться? Мы спокойно дельце обделаем, по-соседски, как всегда бывало.

Глазки его опасно блеснули.

— Ты выпустишь меня из своих владений, — отчеканил он, — и мы повторим все вновь. Она дорога тебе — я возьму ее, как брал все дорогое тебе до сих пор. Можешь отдать мне ее хоть сейчас — она все равно уже не жилец на этом свете. Где бы она ни была, я достану ее, и я буду мучить ее долго. Я буду цедить ее кровь по капле, и ты будешь чувствовать каждую из них. Но я ее не убью, зачем же? Она понесет от меня еще немало выроdkов, и когда тебе придется их убить, убивая, ты будешь знать, что это могли бы быть твои дети. И пусть и она об этом знает.

Лицо Мрышека исказилось.

— Убирайся, — прохрипел он.

Красноглазый Аи довольно ухмыльнулся.

— А, задело. Поклянись ее жизнью, что дашь мне вернуться к себе. Я слышал, ты спас ей жизнь, так что вполне можешь клясться ее жизнью как своей.

Мрышек скрипнул зубами:

— Клянусь. И клянусь и своей: не в этот раз, но в следующий — я прикончу тебя.

— Посмотрим, — сказал Аи.

Он грузно наклонился и поцеловал Мрель в лоб, опалив смрадом.

— Радуйся своему будущему, дитяtko, зная о нем.

Рука его отпустила ее горло, а его воля — ее тело. Мрель осела на пол, словно поцелуй вытянул из нее все силы. Красноглазый Аи перешагнул через нее. На пороге он обернулся и презрительно фыркнул.

— Доброй вам ночи, — сказал он и хлопнул за собой дверь.

В ту же секунду тепло обьяло Мрель. Мрышек очутился возле нее. Он поднял ее на руки — едва-едва, размыто и неясно, различала она его лицо. Долю секунды всматривался он в нее. Прерывисто вздохнул — и не тепло, но огненный жар от него прятнул в ее тело. Порезы от осколков затянулись, зрение начало проясняться. Мрель увидела открывающийся и закрывающийся провал — рот Мрышека, — но звуки не доходили до нее. Затем мир скакнул и затрясся — это Мрышек поставил ее на ноги и затряс за плечи. Не его голос, но безмолвный приказ, наконец, дошел до ее оцепеневшего сознания: Мрышек хотел, чтобы она шла в новый дом. Там было безопасно.

И стало пусто. Несколько мгновений удерживалась еще Мрель на ногах, но потом вновь бессильно опустилась на пол. В висках гулко билась кровь. Мир вокруг оттаивал медленно-медленно, и медленно же приходила она в себя. Наконец, попыталась подняться.

Она не помнила, как добралась до нового дома. Вспомнила себя только в крошечной тьме гулко, просторного помещения. Было очень холодно. Остаток ночи Мрель провела между беспмятством и явью, то приходя в себя, то вновь погружаясь в зыбкое оцепенение. Когда стало светать, увидела, что сидит лицом к главной двери. Рядом лежал Бринк. Глаза пса затянуло крас-

ной поволокой, он редко, с усилием дышал. Мрельхватило одного взгляда, чтобы понять, что помочь ему она уже ничем не может. Она положила его уродливую голову себе на колени и замерла.

Мрышек пришел, когда уже совсем рассвело. Еще издали почувствовала Мрель его, вскочила и распахнула дверь. Мрышек спал с лица, глаза потемнели, и мрачный, лихорадочный блеск появился в них. Он порывисто обнял ее.

— Ни своей силой, ни силой всех своих спутниц и отродий он не смог бы даже прикоснуться к защитному барьеру, — произнес глухо. — Кто-то помог ему и, вероятно, не один. Я надеялся найти свежие следы, но ничего не нашел.

— Акира? — невольно спросила Мрель.

Мрышек горько рассмеялся.

— Если бы Акира, старейшины ее клана и все ацуи севера вместе обладали такой силой, давно бы уже не стало Красноглазого Аи. Я уже побывал на юге, в холме ацуи. Моя весть застала их врасплох, и они теперь страшатся собственной тени.

Он завел ее в дом. Увидев неподвижного Бринка, опустился перед ним на колени и, не касаясь, начал всматриваться в пса.

— Благословенно небо, — сказал наконец негромко. — Ни в него, ни в тебя не перешло и капли проклятой крови. Его собственная кровь вышла от удара из положенных русел и обильно излилась в плоть. Но еще не поздно, и я смогу его излечить.

Мрышек положил ладони на голову пса; усталое лицо его расслабилось. Почти сразу дыхание Бринка начало успокаиваться, и он заснул. Мрышек мягко погладил спутанную собачью шерсть.

— В этом маленьком теле бьется отважное сердце, — произнес он. — Завтра я подберу для него лечебные травы.

Он взглянул на Мрель, взял ее руки в свои и крепко сжал.

Пришло предзимье. Краткая осень уходила медленно и неохотно, словно против воли подчиняясь естественному ходу вещей. И когда она ушла, но еще не вступила в свои права зима, настала прозрачная пора безвременья, пора стояния на грани.

Золото листвы опало, и дом теперь окружали только черные, голые стволы уже погрузившихся в сон деревьев. Хвойный лес потемнел. Словно надоедливые мысли, беспрестанно моросил мелкий дождь, небо хмурилось низкими облаками, а по земле стлались туманы. Все казалось призрачным, стоящим словно подле себя, и все было погружено в себя. Гладь безымянной реки внизу от их дома стала стальной, и давно перестали играть в ее волнах духи воды, впав в зимнюю спячку. Смолкли протяжные крики улетающих на юг птичьих клиньев. Лесной выводок окреп и отделился от родителей. Странные шорохи и пощелкивания раздавались ночами в лесу: постепенно просыпалась зимняя нечисть, зимние духи. И чем короче становились дни, чем позднее поднималось солнце, тем тоскливее завывал среди обнаженных, спящих деревьев ветер.

Многое изменилось в их жизни, но никак не думала Мрель, что столь разительно может измениться Мрышек. Страх поселился в глубине его карих глаз — страх, ему не свойственный. Никогда еще не был он более нежен, никогда еще столь часто его рука не касалась ее руки — словно чтобы уверить, что она еще здесь, что еще рядом. Пока не был достроен новый дом, не отпускал он ее от себя ни на шаг. Потом пришло время обустройства, и недавние события, казалось, отступили в прошлое — но только не для него. Подолгу исчезал Мрышек в лесу, всматривался, искал, по-прежнему не мог понять, откуда пришел прошлый удар и откуда придет следующий — и глубокая разница их натур начала постепенно проявлять себя. Такова была Мрель, что пока ясна была ей ее любовь к нему, ничего по-настоящему не боялась она. Иным был Мрышек. Долго наблюдала она за ним, прежде чем сказала с болью одним вечером:

— Я не понимаю тебя.

Он взглянул на нее — и отвел глаза.

— Ты теряла близких тебе, — сказал после долгого молчания. — Теряла лишь раз и не сломилась. Я терял много раз, и тоже находил в себе силы подниматься вновь. Но всему есть предел. Если я потеряю тебя — то не поднимусь уже никогда.

Он помолчал, словно размышляя над своими словами, и едва заметно, криво усмехнулся.

— Наверное, я самовлюблен. Боясь за тебя, я, по сути, боюсь за себя. Но и ты не до конца осознаешь нависшую над тобой угрозу. Поверь мне, ничего страшней не может приключиться с тобой, чем попасть живой или мертвой в лапы Красноглазого Аи.

Он поворошил угли в очаге, и повторил:

— Ничего.

И было что-то в его голосе, что Мрель стало нехорошо на душе.

И вновь уходил он на поиски, а она видела его в своих снах — огромного рыжего зверя, прядущего в глубинах Мрна. Бесчисленные следы окружали его, являясь ей длинными, пульсирующими разводами. Он замирал перед ними, вглядываясь в них и шел к их истоку — но исчезали они. И вновь он отправлялся дальше, бежал кругами, а круги эти все сужались, и все быстрее и загнанней становился его бег. Просыпаясь ночами, слышала Мрель далекий вой волков.

Нет большего врага, чем страх. Нет худшего советчика, чем он. Когда выпал первый снег, обреченная решимость появилась в глазах Мрышека, и сколь нежен и ласков был он до того, столь отстранен и холоден стал теперь. Все чаще и дольше пропадал он в лесу, но уже больше не искал следов. Чужд, пристален и безрадостен стал его взгляд, и боль читала в нем Мрель. Слишком вросли уже они друг в друга, чтобы мог он ее обмануть: отрекался от нее Мрышек, думая спасти. Трогательна и нелепа была его попытка и, смущенная, молчала Мрель, глубже уходя в себя и веря, что скоро он исчерпает свой страх и вновь станет самим собой.

Но недаром говорят, что весна, лето и осень протекают под знаком чело-

века, а зима — под знаком зверя. Сама зима помогала Мрышкеку. Глубокий перелом к зверю происходит во всем живом в ее царствие, и даже человек принужден надевать звериную шкуру, чтобы выжить. Необъятны и дики просторы зимы, непреложен ее зов и зов нетронутого снега для зверя, и Мрышек добровольно отдавался ему.

Он уходил, а Мрель оставалась одна. Она занимала себя чтением и каллиграфией, музыкой и упражнениями духа и, запертая в четырех стенах, видела лишь свое бледное лицо в отражениях магических зеркал. Она углублялась в свитки, но видела меж их строк, точно наяву, его, Мрышека — вольного зверя, празднующего свою дикую свободу. Он плясал в упоенном одиночестве на снегу, он играл с лунным светом. Приняв лисье обличье, упорно следовала она за ним в своих снах, но ее дымчатая шерсть стала незаметна в новой белизне мира. Невидимкой оказалась Мрель, и даже странное существо в глубинах Мрна, получеловек-полуконь, перестало ее замечать.

Но она ждала. Она умела ждать.

Была только первая четверть зимы, когда увидела она однажды во сне задранного оленя. Олень лежал на снегу, темное пятно расплзлось под ним, а черное существо с волчьей мордой рвало его внутренности и взахлеб лакало обогранный снег. Мрель проснулась в ужасе, вся в поту. Повернулась — но холодно было ложе возле нее. И только тогда острое осознание того, что Мрышека нет рядом с ней, встало перед ней со всей своей леденящей душу отчетливостью. Его не было рядом с ней с первого дня зимы. Его не было рядом с ней, чтобы вдохнуть сонный жар его тела и все забыть, и мирно спать до утра. Его не было — и как было жить дальше в этом огромном покинутом доме, в этом безбрежном одичалом мире?

Почти два месяца прошло со времени того страшного сна, но ничто не переменялось в их отношениях, разве только что еще чаще стал пропадать в лесу Мрышек. Темные тени залегли под глазами Мрель. Не из страха, но из безразличия она почти совсем перестала выходить из дома. Глуше стал для нее язык Мрна и не манил более, а во снах у нее уже больше не было тела: слишком долго была она невидимкой, и развоплотилась ее полупрозрачная плоть.

Она по-прежнему ждала.

Но потом пришли те три ночи — и переменяли все.

Это произошло в конце месяца, когда умирала луна. Когда совсем мало стало в небе ее света, изменились сны Мрель. Чужая воля вторглась в них и обрела плоть. Это была лиса. Рыжая, но не огненно-рыжая, как Мрышек, она была ясно различима на снегу, и каждое движение ее было исполнено изысканности. Элегантно, вежливо сидела она в стороне и наблюдала за одинокими играми огромного лиса. А он, пробегая мимо длинными пружинистыми скачками, словно не замечал ее, и его глаза, скользя по ней, были столь же пусты и непрозрачны, как при взгляде в темную воду. Всю первую ночь следовала за ним эта чужая лиса, и появилась и на следующую, стараясь теперь привлечь его внимание. Но все так же невидяще был обращен его взгляд в себя и, разгневанная, исчезла она поутру, чтобы вновь появиться на

третью ночь. В эту ночь умерла луна, и что-то решительно новое, тревожное и странное уловила Мрель в лисьей стати. Некая чуждая и ей самой сила исходила от непрошенной гостьи, и эта сила ударила Мрель в глаза и сковала, опустив на нее тяжелый, плотный покров. Рыжая шерсть лисы полыхнула удивительным светом. Гордо ступила она навстречу огромному лису. И остановился он. В осознании своей притягательности прошла она перед ним, и он покорно последовал за ней. Всю ночь видела Мрель их игры на снегу, под безлунным небом — больно невидимая, накрепко скованная чужой волей. Легки и стремительны были движения лисьей пары, и рождали пургу. В вихре сверкающего снега пронеслись они под утро прочь от нее по равнине, и повис в отступающей ночи тонкий смех словно звон колокольчика.

Мрель проснулась только к следующему вечеру. Болели глаза, болела голова, горький привкус полыни горел на губах. И боль была в сердце. Неподвижно, без мыслей и чувств лежала она и смотрела широко раскрытыми глазами в потолок. Она не хотела этого, но в голове эхом отдавался голос Акиры и ее слова, оброненные когда-то на холме у реки.

Мрышка не было семь дней. Когда на их исходе он — помятый, с мутным взглядом, — вернулся непривычно тяжелыми шагами домой, Мрель окончательно уверилась в своем решении.

— Однажды ты сказал, что отведешь меня обратно к людям, если я этого захочу. Время пришло.

Казалось, Мрышек не услышал ее. Остановился в дверях, пусто смотря перед собой, а потом, так и не проронив ни слова, прошел вглубь дома.

«Разве не этого ты хотел?» — сказала она ему этой ночью во сне. Мрышек был невидимо за ее спиной — Мрель ясно различала его присутствие.

«Нет, этого я не хотел никогда», — ответил он медленно и устало. — «И никогда не хотел, чтобы все сложилось так, как сложилось сейчас. Но, быть может, это и к лучшему».

Утром следующего дня, уходя вновь, он сказал, смотря в сторону:

— Три дня. Повремени три дня и хорошо подумай.

Это были самые долгие три дня ее жизни.

Когда к концу срока, вечером, ровно к закату невидимого за тяжелыми облаками солнца, Мрышек вернулся и, скрестив руки на груди, встал у порога, Мрель вышла ему навстречу. Многое передумала она и многое хотела сказать ему, но короток и отстраняющ был его взгляд, и ничего не сказала она, только гордо подняла голову.

Молчание повисло между ними.

— Хочешь ты отправиться сегодня или завтра поутру? — спросил Мрышек.

— Сегодня, — ответила она.

— Тогда собирайся в дорогу. Я позову тебя, как только буду готов.

Он не звал ее долго, так что наступила ночь и метель, начавшаяся еще поутру, перешла в настоящий буран. Черная пасть его разверзлась над лесом и сыпала снег, не видно было ни зги. Безумием было отправляться в такую погоду в дорогу, но слишком пусто было в душе у Мрель, чтобы задумываться об этом. Сложив руки на коленях, сидела она перед очагом и смотрела в огонь.

Беснующуюся тьму бурана за окном неожиданно разрезала яркая вспышка. Мрель вздрогнула: разветвленная, многоголовая молния — и это зимой! — ударила несколько раз где-то совсем неподалеку в землю, холодно и ярко осветив комнаты дома. Мгновенье спустя пришел рокочущий гром.

Мрель не услышала голоса Мрышека, но ей показалось, что он ее зовет. Сердце трепыхнулось. Не поклонившись на прощание очагу — ей не за что было его благодарить, — она взяла котомку, подозвала Бринка и пошла к двери. Столь силен был снаружи напор мятущегося ветра, что Мрель лишь с трудом удалось ее приоткрыть. В глаза пахнула мгла, в лицо ударил снег. Дверь с грохотом захлопнулась за ней. Мрель заслонила лицо, пытаясь оглядеться.

— Я здесь, — скорее почувствовала, чем услышала она голос Мрышека — и обмерла, взглянув туда, откуда, как ей показалось, он исходил.

Там, недалеке от нее, стоял Зверь. Он был огромен. Он был хищен. По его шерсти перебегало пламя, и яростный жар пожара палил от множества его хвостов. Высоко над его мощной головой разделялся снегопад и утихал ветер. Ни по глазам, ни по стати не узнала Мрель Мрышека, но поняла, что это он.

Он опустился перед ней в сугробы, и снег зашипел и побежал горячими струями от его полыхающего тела, оголив черную землю. Яростное пламя сменило цвет и стало призрачно-голубым, веющим сухой прохладой.

Он повернул голову, открыл пасть и сказал глубоким, нечеловеческим голосом:

— Садись.

Вновь набросился ветер.

Пригибаясь, пошла она к Зверю.

«Оставь свою ношу. Она тебе не понадобится», — пришли его безмолвные слова.

Мрель послушно выпустила из рук котомку. Зверь отвел назад лапу, чтобы помочь ей сесть, и только взобравшись на нее, огромную, Мрель смогла дотянуться до его спины. Шерсть его была густа, длинна и топорщилась, и когда она ухватилась за нее, показалось, будто держит в руках нежгучее бледное пламя. Оно не грело, но зимняя стужа бесследно исчезала в его близости.

— Держись крепче, — произнес Мрышек и медленно, осторожно поднялся. Мрель качнуло назад, потом вперед. Заплясали тени на снегу.

«Не бойся. Пока несущ тебя — не уроню».

Зверь сделал несколько шагов. Мрель чувствовала, как волнами перекачиваются его мускулы, и струной натягивается тело. У порога, уже почти занесенный снегом, неподвижно лежал Бринк — совсем маленьким и жалким казался он с высоты. Зверь опустил голову и забросил его себе на холку.

— Держись крепче, — повторил он и прыгнул вперед.

Это была бешеная, призрачная, невообразимая скачка. Мощная сила крепко притягивала Мрель к спине Зверя, и если бы не это, слетела бы она с него уже при первом рывке. Он несся длинными летучими прыжками, едва касаясь земли, и пред бледным огнем его расступался лес. Немыслимо

скор был его бег, но на спине его было безветренно и тихо. Пока над ними исходил в бешенстве буран, мчался Мрышек напрямую по земле, но стоило ему только обогнать фронт низких, тяжелых туч, только очистилось небо и холодно блеснули в нем звезды, как он вздыбился — и земля обрушилась вниз. У Мрель перехватило дыхание. Она зажмурилась, а когда приоткрыла глаза, неясный отблеск заснеженных просторов далеко внизу уже сменялся черной пустотой. Всепоглощающей и бескрайней стала она вскоре, и заворуженно взидала в нее Мрель, не в силах отвести взгляд. Путеводная Звезда — единственно неподвижная в хороводе звезд, и потому единственно бессмертная среди них — ровно лучилась, указывая им путь. Мрель знобило от ужаса и восторга.

Она не знала, сколько прошло времени, но чудилось, что юная луна едва-едва прихлестнула коней в своей колеснице, а уже показались далеко впереди слабые, рассеянные огни. Все они доходили до одной невидимой черты и обрывались у нее — там была Граница. Словно спина морского чудовища сквозь толщу воды, вновь проглянула внизу заснеженная, оцетинившаяся лесом поверхность земли. Все ближе становились вершины деревьев, и вот уже стало различимо сверканье снега на проплешинах вырубок.

Наконец, Мрышек нырнул вниз. Сосны расступились перед ним. Три удара сердца видела Мрель их густые, мохнатые ветви — Мрышек скользил в них сверху вниз, и ни одна его не задела. Он опустился в снег, и земля прогнулась под его тяжестью. Неспешно пошел Мрышек меж деревьев. Бледное пламя его потухло и лишь изредка, будто сполохи после грозы, пробегали по шерсти искры. Вскоре легче стала его мощная поступь, и не оставляла более на снегу следов.

Когда впереди показалась приграничная полоса выжженного леса, Мрышек остановился в прикрытии последних деревьев и осторожно лег в снег. Сила, притягивавшая Мрель к его спине, исчезла. Он отвел было назад лапу, чтобы помочь ей спуститься, но Мрель, не удержавшись, скатилась по его боку вниз, и сразу очутилась по пояс в сугробе. Холод болью пробрал до костей.

«Отвернись», — поняла она неслышное указание.

Пока стояла она в снегу, — дрожа от холода, бессмысленно взирая на смутно виднеющуюся стену убогих, незнакомых домов, — оставило ее неожиданное волшебство путешествия и ужасающая действительность вновь заглянула в глаза. Одна, без всякой помощи и поддержки, шла она на другую сторону, и должна была еще незаметно пересечь Границу.

Тихо было за ее спиной. Но вдруг слабо осветился снег, и запахло грозой.

— Теперь можешь обернуться, — сказал Мрышек своим обычным голосом.

Он вновь был в обличье человека. В ярком свете луны его кожа казалась белой, словно мрамор. Не прогибая под собой снежного покрова, стоял он перед Мрель — протянул руку, и как в давние, еще предзимние прогулки, перелилось в нее его тепло. Холод отступил, легкость вошла в тело. Мрышек помог Мрель выбраться из сугроба, и она невесомо встала рядом с ним. Он подержал, и медленно выпустил ее руку.

Ни у нее, ни у него не находилось слов.

Мрышек первым нарушил молчание.

— Это хорошо, что ты возвращаешься к людям, — произнес он глухо. — Из двух зол выбирают меньшее. Люди одержимы кровью, и они могут тебя убить, но если ты будешь осторожна, то не дашь им к тому повода. Если же ты останешься здесь, то судьба, страшнее которой я не знаю, рано или поздно настигнет тебя, и мне не уберечь тебя от нее. Любое из моих обиталищ навечно столь же твое, как и мое, и Мрна открыта тебе, пока ты в согласии с ней — но лучше, если сейчас мы расстанемся навсегда.

Он помолчал. В застуженном лесу было так тихо, словно холод убивал все звуки.

— Когда ты уйдешь, разрешатся наши обязательства друг перед другом и сравняются взаимные счета. Некогда я спас тебя, и потому был ответственным за твою жизнь — но отныне я за нее более не в ответе. Забудь и ты, что когда-то помогла мне. Уходи безбоязненно и без сожаления. И вот еще что...

— Мрышек вытянул вперед руку, и словно из ничего на его ладони соткалась небольшая, изящная шкатулка. Тускло блеснули драгоценные камни отделки. — Это — одно из древнейших сокровищ моего рода. В этой вещице — все, что только желают себе люди, и потому — твоя власть над ними и безопасность среди них. Я отпускаю тебя обратно в Марн, но на смерть не отпускаю. Возьми шкатулку и не открывай ее, пока не пересечешь Границу. Это мой последний дар тебе. Прощу тебя, прими его.

Мрышек протянул ей шкатулку. Мрель отшатнулась.

— Возьми шкатулку, Мрель, — повторил он тихо.

Мрель колебалась, но потом ее рука медленно, неохотно поднялась. Прохладный металл коснулся пальцев.

— А теперь иди, — сказал Мрышек. — Я останусь здесь, пока ты не пересечешь Границу. Между двумя крайними домами с правой стороны есть проход. Иди не останавливаясь, сколько сможешь, и ночуй обязательно в людских селеньях. Вообще всегда старайся окружать себя людьми...

Голос его пресекся. Мрель подняла глаза.

Но Мрышек не смотрел на нее. Он смотрел в сторону, в лес. Потом перевел взгляд на бездыханно лежащего у его ног Бринка, наклонился и крепко, ласково провел по его спине рукой. Пес вздрогнул всем телом, взвизгнул, вскинулся и, тяжело дыша и мотая головой, заковылял на разъезжающихся лапах к Мрель.

Мрель не запомнила, как рассталась с Мрышкой. Воспоминание это исчезло из ее памяти, и уже больше никогда не смогла она его заклясть. Но что запомнила, так это как шла, прямая и невесомая, по глубокому снегу, и как надвигалась на нее из темноты плотная стена домов. Глухие, расположенные высоко от земли окна глядели враждебно и неприязненно, и неестественными казались прямые линии людских строений. Мрель шла, оставляя за собой землю, одарившую ее теплом любви и душевного тепла, и смотрела в другую, всегда только отнимавшую. Везде была пустота, и отовсюду грозила смерть.

Она подошла к Границе. Слева уходила в темноту четкая линия домов. Мрель невольно замедлила шаг, но лишь на мгновение и, подавив желание обернуться, вошла в узкий проход. Запах множества людей, тесноты и нищеты ударил ей в лицо. А позади, где-то в глуши Мрна, в бессильной злобе тонко и тоскливо завыл волк. Вой его прокатился вслед за ней по проходу и отразился слабым эхом от обветшалых стен.

ЧАСТЬ II. ПО ЭТУ СТОРОНУ ГРАНИЦЫ

Кто не знает госпожи Нежный Ирис, той, что из веселого квартала радостей, квартала Весенних Цветов? Не было во всей столице никого, кто бы не слышал о ней. И когда восемь слуг несли по улицам ее закрытый паланкин, веселые стайки уличных мальчишек, не боясь суровых окриков батожников, бежали вслед за ним в надежде на мелкую монетку или сладости, и множество любопытных и жадных глаз провожали его. Но редко выезжала госпожа Нежный Ирис из квартала веселых женщин, служительниц любви и удовольствий — лишь только на важные празднества и подношения богам.

Говорят, она была не особо хороша собой, госпожа Нежный Ирис, но было в ней очарование, не позволявшее ее забыть. Кто видел ее раз, желал видеть вновь и вновь, а кому посчастливилось провести с ней ночь, слал письма с мольбой о следующей. Кто лучше, чем она, играл на семиструнной пипа? Кто лучше слагал стихи? Не ее ли голос был самым мелодичным, а ее почерк — самым изящным? Чья беседа была более утонченной, и чьи манеры более исполнены достоинства?

Давно уже была выкуплена она за немыслимую цену у своей последней хозяйки и стала свободна. И хотя много шло слухов о том, кто из высоких вельмож пал ее очарованию, никого не брала она себе в мужья или постоянные покровители. Поговаривали, что никак не могла забыть она своего единственного мужа, скончавшегося вскоре после брачной церемонии, и что жила в ее сердце верность тому покровителю, которого добровольно сопровождала многие года. Говорили также, что настолько велико было ее состояние, что даже дом ее принадлежал лишь ей одной, а дом этот был огромен, с собственной молельней, один из лучших в столице. Правда, сама она жила только в небольших, скромно обставленных покоях, почти как послушница, довольствуясь малым. Но всегда полнился внутренний двор ее дома бедным бродячим людом: музыкантами и потешниками, странствующими учеными и философами, учителями «внутренней алхимии», монахами, паломниками и вольными искусниками меча. Всех привечали радушно под ее кровом, всех кормила и лечила она за свой счет, и всякий странник мог рассчитывать на доброе слово, сытную похлебку и чистую постель, если вступал в гостеприимно распахнутые ворота ее дома.

Такова была госпожа Нежный Ирис, и каждый сиятельный путешественник почитал за честь быть представленным ей, и слава о ней шла и по другим городам.

Кто взлетит высоко — тот падет низко и разобьется, а кто идет по земле, тот, даже упав, не причинит себе вреда. Так гласила расхожая мудрость, и поначалу Мрель собиралась ее придерживаться.

Разное рассказывали о демонах-лисах среди людей, и не в последнюю очередь говорили об их богатстве. Старые лисы могли творить серебро из угля или прямо из воздуха, и все они весьма ценили звон монет. Захудалые из их племени нередко баловались воровством, а если случалось лисе превратиться в веселую женщину с рыночной площади, то всегда прихватывала она с собой ночную выручку, даже если для того ей приходилось менять обличье прямо на глазах у всего честного народа. Также говорили, что если кортеж жениха или невесты необычайно богат, множество слуг сопровождают его, и если при этом жених или невеста сами отличаются красотой, образованием и утонченностью, тогда не грех привести собак и проверить, не демон ли скрывается под личиной человека, и не покажется ли из-под богатого платья лисий хвост. Конечно, многое в подобных историях была выдумка да ложь, но, как убедилась Мрель, все же не были они лишены и зерна истины. Серебро оказалось в подаренной Мрышкем шкатулке, серебро высочайшей пробы — монеты и слитки самого дорогого металла людских земель. И серебро это не иссякало. Стоило взять из шкатулки хоть одну монету — и новая появлялась в ней взамен взятой. Творились ли они из воздуха или невидимо переносились из другого места, того Мрель не знала. Она была горда, но жизнь требовала свое, и поначалу она часто прибегала к подарку Мрышека. Прав оказался он. Серебро прокладывало ей путь, и серебро охраняло ее. Сияние его затмевало людям глаза, и даже если что-то казалось им подозрительным в Мрель, предпочитали они ничего не замечать, пока щедро была ее рука.

Покинув Мрна, уже на следующий день она приобрела достойное платье и зимнюю одежду, а к вечеру наняла возницу. Много их сменилось у нее потом. Бесцельно ехала Мрель той зимой от селения к селению, из города в город, едва замечая места, которые проезжала. Она могла позволить себе все, чего бы только ни пожелала, но не желала ничего. Только непрерывное движение несло ей успокоение, и долго еще не могла она выносить людей.

Лишь когда стало теплеть, и снег сошел с полей, начала Мрель приходить в себя. Стремление к одиночеству постепенно оставило ее, и когда распустились первоцветы, а запах ветра стал легок и бодрящ, вновь прояснились ее было потемневшие за зиму глаза. Одна была она в этом мире и оборваны ее корни, но надо было как-то жить дальше. И когда весна вошла в силу, оказалось, что бесцельное сплетение дорог привело ее в места приемного рода — в поселение, в котором жила когда-то. Долго не решалась Мрель нанести визит почтения в некогда принявший ее дом, но не пожалела, что вновь переступила его порог.

Семь лет прошло с тех пор, как покинула она эти места, и бесповоротно меняет время людей и их жизнь. Богатое жниво собрало в этих краях повесть, от которого бежала когда-то Мрель на север. Умер дядя, умер почти каждый второй из рода, вовсе не осталось стариков. Хозяйство вела теперь

младшая жена дяди, Мрель в роду уже не заставшая. Это была женщина умная и сердечная. Ее сухие, горячие руки поспевали с любой работой, а с лица никогда не сходила улыбка. Со дня на день откладывала Мрель отъезд, пока не решила остаться навсегда. С радостью приняла ее у себя молодая хозяйка, и так жизнь Мрель вновь стала частью жизни рода. Дни наполнились непрестанными хлопотами, и она, постепенно забывшись в них, начала отпускать от себя прошлое.

Осознание своего призвания пришло к ней не сразу. Болотиста и нездоровая была местность в округе, и часто болели люди. Многому научившись у Мрышека, нередко обращалась Мрель к травам, чтобы лечить домочадцев. Остр и наметан стал ее глаз, и легки руки. Уже скоро молва о ее врачебном искусстве пошла от дома к дому, и стали ее приглашать и в другие рода к ложакам больных и рожениц. Лечила она и домашнюю скотину, и толковали, что не иначе как говорила с ней Мрель, потому что всякий раз безошибочно определяла хворь. Хорошим было это время для нее. Росли крепкими и здоровыми те дети, которых она принимала, на удивление скоро исцелялись ее больные и более не хворали животные, которых выхаживала. Как никогда чувствовала она себя востребованной, и ни с чем не сравнимо было то чувство радости, когда видела, что смогла облегчить чьи-то страдания. Но мимолетной оказалась улыбка судьбы.

Сам дар Мрель обернулся против нее. Никогда не брала она платы, прибегая к своим познаниям, но взимал плату ее дом. Вскоре заметно окрепло хозяйство, и на родовом совете было решено, что неплохо бы навсегда удерживать Мрель при себе, выдав замуж внутри рода. Ее отказ удивил всех, ведь так обрела бы она всю полноту родовых прав. Тогда на самую крайность пошла ее приемные родичи и предложили взять себе мужа вне родовой крови, но на том условии, чтобы не она последовала за ним, а он за ней. Поняла Мрель, что не оставят ее в покое, и что ей — либо уходить, либо подчиняться уложениям, и даже молодая хозяйка тут ничем не могла ей помочь.

С волками жить — по-волчьи выть.

Когда прошло отведенное ей на раздумье время, согласилась Мрель с предложением, и даже указала, кого приметил для себя. Мало кто одобрил ее выбор. Хотя и привык к достатку, но прост был ее приемный род, и никогда не было в нем ученых мужей. И был из обедневшего, но именитого рода тихий, скромный студент, высоколобый, высокорослый, всегда погруженный в себя. Многие пророчили ему скорый успех на уездных экзаменах, а это значит — высокие посты и блестящую будущность. Не были они друг другу парой по всеобщим уложениям. Но нужда заставит: столкнувались оба рода, заходили между ними сваты, и не успела Мрель оглянуться, а уже обрुчили ее, промелькнула брачная церемония, и закрылись за ней под крики поздравлений двери брачных покоев.

Тихо, словно в оцепенении, прошел следующий месяц в жизни Мрель. Едва успела она осознать, что произошло, и еще не успела свыкнуться с тем, но вот уже смерть постучалась в дом, и белые траурные ленты вывесили из окон. Ушел из жизни тихий молодой господин. Дни напролет сидел он за

книгами, так что и не заметно было, что появилось в доме новое лицо. Ничто не могло отвлечь его от занятий, и только когда молодая жена, вернувшись домой, подносила ему чаю, поднимал он на нее от книг свои бледно-голубые глаза, и на губах его появлялась улыбка. Радовалась хозяйка дома. Все предвещало согласие и мир этому новому союзу. Даже карты звезд, высчитанные по времени зачатия и рождения молодоженов, говорили о том, что сходятся они характерами. Но судьба решила иначе.

Отправился однажды молодой господин в соседний город и, испугавшись чего-то по дороге, понес его норовистый конь, сбросил, и протасил в стремени до смерти.

Коня положили с ним в могилу.

Бесплоден оказался этот мимолетный брак. Нет детей — нет прочного положения. Но хуже всего, припомнили теперь в селении, почему при старом хозяине не выдали юную женщину замуж — ведь и двое ее первых обрученных раньше времени ушли из жизни. Так что посчитали злой рок над ней подтвержденным, и зареченной сочли ее. Обращаться к Мрель за помощью теперь почти перестали, и даже внутри рода традиция запрещала ей прикасаться к чему-нибудь в доме на праздники, чтобы несчастье одиночества и бесплодия, которымотяготила ее судьба, не перешло на предметы, а с них — на остальных членов рода. И прежде всего от семейной молебни отстранили ее, чтобы ненароком не оскорбить и не разгневать богов.

Грустно смотрела Мрель в себя. Переменчива оказалась пора недолгой радости, когда нашла она приют, обжилась среди людей и поняла свое призвание. По-прежнему добра была к ней молодая хозяйка и, несмотря на недовольство родни, не оставляла Мрель ни в поддержке, ни в участии. Давала она теперь ей большей частью шить кружева — работу хотя и почетную, но однообразную. В ней тоже искусны оказались руки Мрель, и приносила она своему роду изрядный доход. Правда, сбывали ее кружева не в Кана-Каторе, и даже не в соседних поселениях, а в городах выше по течению Великой Реки. Болело сердце Мрель. Безрадостно работала она от восхода до заката, а когда выходила из дома, перешептывались за ее спиной. Женщины избегали ее взгляда, боясь, что бесплодие Мрель перейдет на них, и с недоверием смотрели на ее руки мужчины — те руки, исцеляющую силу которых прежде так хвалили. И куда бы она ни шла, везде сопровождали ее смолкающие при ее приближении разговоры.

Не могло так продолжаться долго. Не принимала в себя община зареченных. Обычно в монастырь уходили они, чтобы посвятить себя в тяжелой работе богам. Но, вернувшись к людям, не думала Мрель так просто от них уходить. Не манило ее более уединение, не манила и бесконечность дороги. Определенности, независимости и свободы хотела она, и если закрыт оказался для нее положенный путь, то был и еще один. Но кто хотел достичь на нем вершин, того должен был препроводить на него род.

Был поздний вечер, когда Мрель поднялась в комнату молодой хозяйки и сказала о своем решении. Отшатнулась от нее женщина, замахала на нее руками, причитая, как над покойной. Но Мрель стояла на своем.

— Проси за меня больше, матушка, — только и сказала она. — Увидишь, все тебе воздастся сторицей.

Почитаемы высокие жрицы любви, но всегда горька судьба тех, кто стоит в самом низу их касты. Лишь уступив давлению родни, жалея ее и плача, продала молодая хозяйка Мрель в квартал радостей, в квартал Веселых Рыбок в дальнем городе Таганар. Немного выторговали за нее: возраст ее был не тот. И хотя казалась она удивительно юной, в домах наслаждения предпочитали молоденьких девочек, чтобы успели они, прислуживая дамам, овладеть их искусством к поре своего расцвета. «Светлые глазки» дали ей первое имя, но вскоре сменила Мрель много имен. Кто взлетит высоко — тот падет низко и разобьется, а кто идет по земле, тот, даже упав, не причинит себе вреда.

Но жалка и проходит без толку жизнь ходящих по земле.

Тяжело было первое время в доме радостей и тяжелы первые шаги. Но не уму и обаянию, и даже не счастливой звезде обязана стала Мрель последовавшим стремительным возвышением — слухи о зароке вели в ее покои любопытных гостей. Та невидимая сила, которая положила на нее свою печать и исторгла из общества, не дав через брак и материнство стать его полноценной частью — эта сила теперь служила ей во благо. Притягательной была она в жрицах любви, маня ощущением судьбы и рока, и вскоре запели в городе старые, переиначенные на новый лад песни о прекрасной возлюбленной, единение с которой недозволенно судьбой. Множились ряды почитателей Мрель. Где бы ни появлялась она, щедро текло серебро. Не прошло и года, как получила она отдельные покои, и сама стала выбирать себе служанок и учениц. Все выше становился ранг тех, кто навещал ее, и уже скоро выкупила она себя у содержательницы и продала вновь на новых условиях.

Удивительно, как малые события определяют судьбу человека. На самом краю квартала радостей стояло подслеповатое, грязное и низенькое строение: притон матушки Крольчихи. Шумно бывало в нем ночами, и собирався тут всякий сброд. Много повидала матушка Крольчиха на своем веку. Прихрамывая, ходила она по всему кварталу и везде имела вхожденье. Острый и прозорливый ум светился в ее прищуренных глазках, и доброта была ей также не чужда, как и постылое торгашество.

Вздрогнула Мрель, когда ранним утром, в пустом приемном зале, окликнул ее хриплый голос.

Матушка Крольчиха деловито пристроилась в углу и, попыхивая, раскуривала коротенькую трубочку. Мрель почтительно поклонилась ей. Старуха окинула ее пронзительным взглядом и довольно хмыкнула.

— А ты, девонька, вижу, не задаешься. — Она выпустила из заросших волосами ноздрей дым. — Иная из твоих сестер на меня бы и не взглянула.

Глаза ее осоловело блестели, и Мрель поняла, что старуха навеселе. Но говорила она внятно и раздельно, чеканя каждое слово.

— Много болтают о тебе в последнее время, — сказала она, — и вижу, не зря. Даже сейчас видно: оставишь ты след в людской памяти. Все говорят

о твоём зароке. Мол, приносит смерть полюбовный союз с тобой. Глупости. Пожила я на свете, всего повидала. Поверь старухе, зарок — это что? Думаешь, проклятье? Нет, девонька. Зарок — это значит, определила тебя судьба во владение не любому, а только одному, и мстит каждому, кто думает попереть предназначение. А эти дурни, которые приходят к тебе — думаешь, не знают о том? Знают. И надеются: а вдруг, это на них указала перстом судьба?

Мрель ничего не ответила, только опустила голову.

— Жалка и сера жизнь людей, — пробормотала старуха и глубоко затащилась. — Как же не томиться им?

Что-то мрачное появилось в ее лице и, посасывая трубку, она погрузилась в пьяную задумчивость. Угольки ее глаз потухли. Уставившись в пол, неразборчиво забормотала что-то.

Мрель немного помедлила, потом снова поклонилась и неслышно вышла. Когда некоторое время спустя вновь прошла через зал, доносился из угла оглушительный храп, и две молоденькие служаночки прилагали все усилия, чтобы разбудить старуху и как можно незаметней выпроводить ее за дверь.

Вскоре перекупил Мрель следующий, более благородный и изысканный дом радостей. Женщины здесь служили утонченным удовольствиям, созерцанием их и беседой с ними наслаждались. Живы были в этих стенах и следы старых учений, когда в слиянии тел искалось преображение духа и исцеление недугов.

Зачарованный мир окружал Мрель, и отделяли его от серости прочего мира толстые стены дома и квартала. Здесь царили иные законы — законы, потакающие искусству и красоте. И в этом зачарованном мире плела Мрель, словно кружево, свой собственный мир, еще более зачарованный. Среди почитателей ее особенно отличался умом и повадкой один старый маршал. Большое удивление было в городе, когда узнали, что с согласия госпожи цветов выкупил он ее из второго дома, и что последовала она за ним. Четыре года провели они вместе. Она сопровождала его во всех походах и инспекционных поездках, и говорили, что был маршал ей как отец, а она была с ним почтительна, словно дочь, и что не раз предлагал он ей формально стать его главной женой, чтобы облачить всей полнотой привилегий, но она не соглашалась. Кто знает, почему? Ведь очевидно, что искреннюю привязанность испытывала она к нему. Когда он умер, то оставил ей отблеск своей славы и непомерное состояние. Мрель была среди тех немногих, кого допустил он до своего смертного ложа, и единственной, кого оставил при себе, когда почувствовал приближение смерти.

Три года полагалось жене соблюдать траур по мужу. Не была Мрель прославленному маршалу женой, но признательно было ее сердце. Три года провела она вдали от мира, отправившись в паломничество по святым местам, и могла потом удалиться на покой, или открыть свою собственную школу. Но вместо этого приобрела прекрасную усадьбу в самом центре столичного квартала усад, квартала Весенние Цветы, взяла себе новое имя и, с благоволения своего приемного рода, переселилась в столицу.

Известна стала она. Кто помнил ее, не мог оправиться от изумления. Чудо! — года прошли с тех пор, как последовала госпожа цветов старому маршалу, но казалось, ничуть не умалило время ее юности. По-прежнему свежа была она, по-прежнему нежна ее кожа и влажны глаза. Говорили в городе, что не иначе, как привезла она из своих странствий секрет продления молодости, ведь довелось ей побывать вместе со старым маршалом почти во всех землях империи. Влекущая тайна окружала ее, и замечали, что даже сам наставник Властителя, мастер «внутренней алхимии», — который мог, демонстрируя перед двором свои способности, осушить «яшмовым жезлом» стакан вина, как вбирал он им влагу «нефритовых покоев» женщин, благодаря этому не старея — даже он приходил к ней, и долги бывали их беседы.

Приятную, ничем не отягощенную жизнь вела Мрель в великом городе. Всего достигла она, чего желала. Упорядочилась жизнь ее, и спокойно потекло время. Но странно, чем размереннее становились дни, тем беспокойнее было у нее на душе. Когда, желая облегчить боль беднейших, открыла она двери своего дома для бродячего люда, ничто не полюбилось ей больше, как подняться вечером на террасу, нависающую над квадратом внутреннего двора и, незамеченной, прислушиваться к разговорам своих гостей. Жарилась на больших кострах еда, разносилось вино. Мрель вдыхала дразнящие ароматы блюд, смотрела на мерное покачивание освещающих внутренний двор лампионов, на покрасневшие, разгоряченные от жара огня и пыла беседы лица людей — и странное беспокойство оставляло ее. Уравновешивали что-то в ее душе такие долгие вечера.

Больше всего полюбила она те из них, когда на правах особых гостей останавливались у нее на постой караванчики, возвращавшиеся с крайних восточных земель, в которых выменивали они редкостные, невиданные товары. Много рассказывали они о верованиях и обычаях людей дальнего побережья, где не почитали богов, а почитали огромных морских рыб. Каждый ребенок там, рассказывали караванчики, может общаться с такими рыбами странным, свистящим языком. Есть в тех землях и священнослужители — характером это должны быть непременно простые, радостные и непосредственные люди, иначе не будут говорить с ними диковинные божества. Те рыбы с белым брюхом и темной спиной предупреждают жителей побережья о приближении огромных разрушительных волн, и спасают тонущих во время бури. Сопровождают они также и корабли, и вот почему люди востока — столь искусные мореходы, которые никогда не сбиваются с курса и достигают настолько отдаленных берегов, что в Срединных Землях о них и не слыхивали. Во время ежегодных праздников удивительные зрелища можно увидеть на восточном побережье: показывая свое единство с людьми, носят рыбы глубин их на себе. Сами же жители тех земель считают, что их огромные рыбы — суть звери, и когда-то ходили по земле. Они говорят, что в незапамятные времена все звери и все люди были радостны, но до нынешних дней только их божества сохранили эту радость, обрести которую — достойная задача в жизни каждого человека.

Задумчива становилась Мрель, слушая такие рассказы. Знала она эту радость, и не было ее по эту сторону Границы.

Мирно и тихо, без особых происшествий текли года — и все больше подмечала Мрель тревожные, глубинные изменения в самой себе.

Люди начали ее утомлять. Все неохотнее выходила она к гостям, и не отпускало ее ощущение постоянной, давящей пустоты. Некогда покинули ее звериные сны еще в ту ночь, как оставила она за собой Мрна, и лишь сны легконогой важенки навещали ее иногда. Но часто стали они приходить к ней теперь, и начала она осознавать, что за тайное желание жило в ее сердце все эти года.

Мрна не отпускала ее, звала к себе — прочь от людей и их толчеи, к молчанию и глубинной исполненности. Но не видела Мрель пути назад — и бродила в своих снах одинокой важенкой оленя по странно вымершим, безлюдным улицам ночного города-гиганта. А, засыпая, вспоминала дикое, радостное раздолье леса, запах вольного ветра в степи и свои сны танцующей в лунном свете лисицы. Вспоминала карие, с крапинками расплавленного золота глаза Мрышека — глаза, исполненные тем чувством, которым так и не смогла одарить ее жизнь среди людей.

Не подавить свою душу навсегда. Чего-то все более не хватало в ее жизни — некоего неуловимого, но важного составляющего, без которого сама жизнь теряла смысл. Серыми становились дни, все больше выпадала Мрель из их течения и все меньше, засыпая, хотелось ей проснуться вновь.

Случается, что даже песчинка перевешивает чашу весов.

Тот разговор услышала Мрель вечером перед праздником умилоствления зимы. Ждали первого снега, небо было ненастно и хмурилось низкими, тяжелыми тучами, когда она, как обычно, поднялась на террасу.

Внизу девочки-служанки украшали внутренний двор красными фонариками и устанавливали алтарь для жертвоприношения духу зимы и мороза. Двор казался пустым: многочисленные гости предпочитали тепло внутренних помещений, где в главном зале жарко пылал очаг. И только у отодвинутых в сторону столов, почти прямо под террасой, собралась небольшая группа постояльцев. Они сидели неплотным полукругом, подливая себе время от времени горячего вина.

— Так ведь и я был в молодости зряч, сынок. Да не уберегло небо, повстречался однажды с демоном, — рассказывал старик-сказитель. Негромкий голос его был звучен и глубок, и Мрель ясно разбирала каждое слово. — Обликом он был словно лис, только больше и величавее, а голова — угловата и велика. Не забыть мне его взгляда. Среди людей ни такого взгляда, ни таких глаз не сыскать. Долго надо пожить на свете, чтобы стали такими глаза. Этот-то демон и отнял у меня зрение за то, что, увидев его, распознал я его истинную природу — и ни один целитель больше не смог мне вернуть свет дня. Люди говорят, что был это тот самый демон, который некогда породнился с родом Кинар. Не знаю, правда это или нет. Тот-то демон был шукурою белее снега, а значит — просвещенный и большой мудрец. Мой же был рыж, словно обыкновенный лис, а лапы его были черно-бурыми. Да ведь

идет молва, что демоны-звери не меняют своих владений и неохотно покидают их, потому что в них удесятерятся их мощь. Потому-то у многих из них есть своя определенная вотчина на протяжении столетий, и сородичей они туда не пускает, разве только что дам своей крови. А поскольку слепота постигла меня поблизости от бывших владений Кинар, вот и решили люди, что мой демон да тот из старой истории — не иначе, как один и тот же. Облик-то они мастера менять.

— Что это был за род такой, Кинар, о котором ты, почтенный, говоришь? — спросил уважительно кто-то.

Старик невесело покачал седой головой.

— Видимо, истории старятся так же, как и люди, — вздохнул он. — Когда-то ее знали все от мала до велика по северной Границе. Но так и быть, расскажу вам ее. Четыреста лет тому назад, во времена властителя Нгэро, избравшего девизом своего правления слова «Великая мудрость», жил на севере род Кинар. Был он мал и незнатен, но все же захотел один демон-лис взять в жены девушку их крови. Старый это был лис, и так много было у него демонической силы, что, являясь в человеческом обличье, он даже не скрывал своей истинной природы. Никак было от него не избавиться: не брали его ни заклинания, ни оружие, не боялся он и собак, и мог околдовать множество воинов сразу. Избранница его отличалась исключительной красотой и, говорят, столь же исключительным умом. Стремясь завоевать ее благосклонность, присылал он к ней учителей из людей и даже из своих соплеменников, чтобы учили они ее разным наукам, как ей и ему того хотелось. А когда счел лис, что изучила она достаточно, чтобы стать ему достойной женой, прислал сватов с богатыми дарами. Кинар ничего не оставалось, как согласиться выдать за него девушку. Но за день до брачной церемонии явился на их родовой совет другой лис, недруг жениха. Он научил Кинар, как быть. Известно, что демоны-звери тогда особенно слабы, когда застают их за сменой обличья. И вот, повел недруг первого лиса наемников Кинар за собой в лес, и привел их к обычной лисьей норе. Затопили они ее. Глянь — выскочил из нее большой белый лис в зеленом одеянии, точно таком, как носил жених, приходя к людям. Попытались наемники его убить, да не смогли: скрылся он в глухом лесу. До сих пор удивляются люди, отчего не обернулся он против своих гонителей, ведь мог одним словом предать их смерти. Девушку он потом все равно взял себе, а на род Кинар наслал проклятье. Обвалились сами по себе все строения в их владениях, и пошли бы Кинар по миру, если бы лис не послал им позже, видимо, уступив уговорам жены, щедрые подарки. Так Кинар возвысились вновь. Но все это было еще в те времена, когда демонов особо не преследовали, а кое-где так даже и почитали. Сегодня бы заживо сожгли всех Кинар. А так стоял старый лис на их страже, а жена его помогала им делом и советом — ведь со временем и сама стала она искусна в тайных науках, — так что никто не смел их тронуть.

— А потом что? — спросил все тот же голос, и на этот раз Мрель заметила, кто говорил. Это был торговец с запада, смуглый и рыжебородый.

— А кто же его знает, — развел руками старик. — За что купил — за то продал. От себя я ничего не прибавляю. Молчит молва о дальнейших событиях, значит, нечего и рассказывать. У людей и у демонов ведь разные пути. Пересекаются они — рассказывают о том, а иначе и нечего рассказать. Знаю только, что не пошло на пользу Кинар заступничество и водительство зачарованного племени. Говорят, прошло всего только два поколения, и одна болезнь косить их стала. «Лисья одержимость» называют ее в народе. Редкая это болезнь, всяк ее по-своему описывает и никто точно не знает, в чем она состоит, потому что разные признаки и разные проявления у нее. Говорят, что заболевшие ею перестают выносить других людей и становятся точно звери: во всем предпочитают простоту уклада, зачастую странны, а то и развратны в поведении, и не почитают богов. Кончают же большей частью в лесу: уходят в Мрна и больше не возвращаются, а если и возвращаются, то живут в стороне от людей, словно отшельники. Идет молва, что и невеста того лиса — из рода Кинар — еще с детства была этой болезнью подвержена: быть может, потому и выбрал ее демон. Во всяком случае, говорят, что это она, обрета через свою любовь к нему и тайные знания необычайно длинную жизнь и неувядающую юность, увела с праведного пути молодежь Кинар.

Слушатели покивали и повздыхали. Кто-то поднялся и принес небольшую жаровню. Озябшие руки потянулись к теплу углей, и в их тусклом свете Мрель разглядела, что старик был не один: у его ног, прикорнув на обитой ватой циновке и с головой укрывшись дорожным плащом, спал мальчик-поводырь. Старик достал из-за спины цитру и принялся перебирать струны: пальцы его, казалось, зажили своей собственной, зрячей жизнью. Он весь ушел в себя и лицо его, и без того маловыразительное, замкнулось и стало глухо и неподвижно. Задумчиво наблюдала за стариком Мрель. Нечто значительное почудилось ей в его словах.

— Слыхали ли вы о вельможе Оана? — нарушив воцарившееся молчание, спросил внизу невысокий, худой юноша. Нашивка на плече выдавала в нем подмастерье одной из бродячих трупп, что приехала в город на праздники. — Дом того вельможи стоит у десятой запруды в Ааранаре, — уточнил он, как будто это могло разъяснить все.

Кто-то кивнул, кто-то пожал плечами, и все, коротая время, приготовились слушать. Мрель невольно вздрогнула: нечасто доводилось ей слышать о городе своего рождения.

— Вельможа Оана — тайный поклонник нашей милостивой госпожи, — заговорил подмастерье, понизив голос. — Богатство его сравнимо разве только что с его застенчивостью. Говорят люди, что как увидел он нашу госпожу, так и начал сохнуть по ней, а представиться лично не решается. Любовь его непомерна. Вот уже несколько месяцев скупает он самые большие и чистые камни чаройта, какие только может достать, так что камень этот невиданно поднялся в цене. Каждый ювелир платит за него тройную цену, потому что знает — вельможа Оана отблагодарит его сполна.

— Почему именно чаройта? — спросил сидящий слева от него северянин с добрым, рассеянным лицом.

— Он говорит, камень этот напоминает ему глаза нашей госпожи. Смотря в них, он словно смотрит в ее глаза.

Мрель бессильно прислонилась к резной колонне. Деревянные птицы уперлись ей клювами в спину.

— Есть еще безумная любовь на свете, — услышала она голос северянина.

— Было бы у меня столько серебра, как у того вельможи, я бы не камушки собирал, — произнес кто-то угрюмо.

— Что камушки, — сказал подмастерье, и еще более понизил голос. — Прав почтенный, безумна любовь Оана, безумна и слепа. Не знаю, доводилось ли вам слышать, что много лет тому назад было в Ааранаре родовое гнездо людей Анаурак, женщины которых славились удивительной внешностью: светлой кожей, темными, как воронье крыло, волосами и прозрачными глазами, напоминавшими своим цветом камни чаройта...

Он сделал значительную паузу. Кто-то недоверчиво хмыкнул.

— На юге в старину была даже сложена баллада, в которой говорилось: «глаза женщин рода Анаурак — как камни чаройта. Они чаруют душу и не отпускают ее больше». Ни на юге, ни в Срединных Землях было не встретить столь странного облика, потому что Анаурак были единственными потомками одного из племен юга, уничтоженного в ходе Великого Завоевания, и люди того племени своей внешностью разительно отличались от людей остальных племен. Рассказывают, что они были ведунами, искусными в предсказаниях и в толковании вещих снов и знамений. Не занимаясь ни земледелием, ни скотоводством, они жили подношениями других племен, и никогда не принимали участия в местных войнах, ограничиваясь посредничеством между воюющими сторонами. Соседние правители присылали им своих детей, и старейшины племени наставляли их в старом знании и законах. Южане чтили Анаурак, потому что ходили упорные толки, будто их князья и княгини, вслед своим предкам, по-прежнему тайно служат древней религии юга — той, в которой поклоняются лесу, и в которой верят в связь поколений и в поддержку умерших родичей. Явных свидетельств тому не было, но знающие люди утверждают, что в некоторых Анаурак, а в особенности в их женщинах, действительно проявляло себя по временам нечто странное. Когда много лет тому назад предводитель рода, Этэгрэ Анаурак, был вызван на службу в столицу и позже обвинен в измене трону, с его родом поступили по соответствующему закону. Матери рода, как это бывает, еще успели спрятать своих детей в другие рода или просто отдать за вознаграждение чужим людям. Долго считали, что нашли всех таких детей и казнили принявших их. И вот теперь страсть вельможи Оана навела одного чиновника в Ааранаре на мысль, что внешность нашей хозяйки, знаменитой госпожи цветов, действительно удивительно похожа на описания внешности женщин преступившего рода. Если он докажет, что она — одна из Анаурак, то ему — чин и почет, ну а ей и принявшему ее роду сами знаете что...

Повисло долгое молчание.

— Ну и история, — произнес наконец кто-то, и добавил с сомнением, — да много ли в ней правды?

— В юности мне доводилось слышать имя Этэгрэ Анаурак, — заметил другой, надтреснутый, голос. — Пока его не казнили по обвинению в измене, все говорили, что это был достойный и мудрый вельможа.

— Верно, так оно и было, — проговорил третий. — Да только род его был слишком богат, а снаряжение кораблей для поиска плодов бессмертия еще никогда не обходилось дешево. Покойный же властитель отослал их не один.

— Да нет, почтенный, — раздался рассудительный голос торговца с запада, — ты в корень смотри. Вот уже года, как затих юг. Разве не ясно теперь, почему? Не осталось среди южных родов такого, который мог бы объединить остальные под своим стягом...

На него зашикали, и ставший опасным разговор на какое-то время смолк.

— Ну, положим, есть доля правды во всей этой истории, — вернулся к нему северянин. — Так давно это было. Не пора ли делу ржавчиной покрыться? По закону, если случилось кому-то из впавших в немилость родов уцелеть, то только трижды семь лет преследуют их. Чиновник из Ааранара идет против уставов.

— И все же пытались уже дознаться, не приемный ли ребенок наша госпожа, — сказал подмастерье. — Ведь внешность ее, по правде говоря, удивительна для столь незначительного поселения, как Кана-Катор.

— Попридержи-ка язык, юнец, — неожиданно с такой силой произнес старческий голос, что Мрель вздрогнула и взглянула вниз. Лицо слепого старика, в красных пятнах гнева, было обращено к ошеломленному подмастерью. — И думай в следующий раз, что говоришь! И так уже много крови людской по земле льется, куда же еще больше! Ведь не обычную историю от доуки рассказываешь, язык чешешь. Пойдет дальше твоя история — и к чему, думаешь, приведет? С тобой хлеб разламывают, и так-то ты за это благодаришь! Молод еще, а все туда же — чужую брехню повторять...

Он сплюнул с досады, поднялся и, крепко прижимая к себе цитру, принялся шарить по скамье рукой, ища дорожный посох. Найдя же, наклонился и потряс спящего у его ног мальчика за плечо:

— Эй, малец, просыпайся. Отведи и меня спать.

Мальчик-поводырь сел, заспанно моргая. Потом встряхнулся, вскочил на ноги и, сноровисто свернув циновку и поклонившись всем вокруг за старика, бережно взял его за руку.

— Эх, молодо-зелено, — только и сказал старик, прежде чем повернуться ко всем прямой, как палка, спиной.

Внизу воцарилась тишина. Гости не глядели друг на друга. Подмастерье, покраснев до ушей, угрюмо смотрел в землю.

Лязгнула дверь, закрывшись за стариком и его поводырем.

Мрель закрыла глаза. Изнутри накатывала темная волна. В ней были крики и далекое, бледное и застывшее лицо матери. Перехватило горло. Борясь с собой, Мрель поднесла руки ко лбу и пристально, сухими глазами, взглянула на мир.

Морозный ветерок остужал лицо. В облаках появились проплешины, и в них проглянули тусклые звезды. Свет их был прозрачен, но не успокаивал, как успокаивал мягкий свет от прозрачных теней, когда появлялись они перед ней. Бывали среди них те, кого она знала когда-то, и те, кого в живых уже не застала. Молчаливые ряды предков вставали перед ней, и в их взглядах были поддержка и участие. Ни укора, ни ожидания, ни призыва или гнева не бывало в их ясных ликах, и не зывали они к отмщению. Мирным был их дух, и печаль их бредила душу. Никогда не ослабевал в душе Мрель зов юга, и всегда живо было желание вернуться в свои исконные края, лишь взглянуть на них — и оставить навсегда, но и этого не позволяли ей души умерших. Воля их была определена, и путь ее на юг никогда не пролегал дальше поселения, давшего ей некогда приют.

Бесшумно вернулась Мрель в свои покои.

Кто взлетит высоко, тот падет низко и разобьется.

Давно чувствовала она, что собираются вокруг нее тучи и, подгадывая ее падение, наблюдают за ней с жадным ожиданием бесчисленные глаза города, но думала, что готова была ко всему. Не терпят люди удачливых, завистливы их сердца, и как бы ни велико было почтение к ней, именно то, что столь долго удерживалась она на вершине, было чревато падением. Больше всего ожидала Мрель: прознает кто-то, что была она в Мрна и вернулась обратно, что скажут ей, ты — колдунья, ведьма, в твоем теле сидит зверь. Но никак не ждала, что выйдет на свет история о ее происхождении.

С этого вечера часто стала носить Мрель камни чароита, прежде избегаемые ею, и наряды ее теперь нередко были выдержаны в легких фиолетовых тонах. Пусть подойдет к ней любой и скажет, что во всех объединенных землях нет и не может быть больше женщин с прозрачными глазами, светлой кожей и темными волосами, как были то женщины истребленного рода — она рассмеется сказавшему в лицо.

Безмолвный вызов исчерпал поползшие было слухи. Сильна еще была госпожа Нежный Ирис, много было у нее покровителей и заступников, и пока что никто не смел идти против нее в открытую. Но ясно ощутила Мрель, что время ее в столице истекает, и что скоро уже не тоска, а сам город погонит ее прочь. И решение оставить вместе с ним и эту серую, ставшую тягостной жизнь госпожи Нежный Ирис, само пришло к ней. Мрель переросла ее так же, как священные змеи западных племен перерастают собственную кожу и сбрасывают ее в обновлении.

Всю зиму провела она в тайных приготовлениях, и как никогда долгой показалась ей та зима. А к началу весны, лишь только сменились ветра, госпожа Нежный Ирис исчезла.

Долго еще ходили по городу толки, слухи и предположения, куда отправилась она: в паломничество, в восточные земли, или же постриглась в монастырь. Но все сходились во мнении, что вовремя покинула госпожа Нежный Ирис столицу, чтобы остаться в людской памяти юной и изысканной, и чтобы никто не видел ее старости. Со временем просочилась часть правды в рассказы о ней, и чудным образом перепелась с выдумкой. Так что даже по-

коления спустя все еще живы были в столице легенды о волшебном создании, лисе, ставшей высокой жрицей любви — которая, как бы ни велика была ее власть над людьми, никогда эту власть себе во благо не использовала, но была человечней самих людей во всех проявлениях своей души.

Пока же правда была в том, что действительно отправилась Мрель в странствия по святым местам. Путешествия развлекали ее, и в этот раз Мрель более всего привлекали уединенные, труднодоступные монастыри. Там, даже в самом сердце Срединных Земель, все еще живы были следы старых, давно уже ставших крамольными верований, и странные боги и странные святые были высечены у полуосыпавшихся алтарей.

Задумчиво рассматривала она их.

Существа с телом человека и головой волка. Существа с телом человека и головой птицы. Царственные кошки, гигантские псы, огненные лисы. Огромные черепахи в сопровождении многоглавых змей-нагов. Божества-обезьяны, сидящие облака и насмехающиеся даже над главными богами. Люди как кони и кони как люди. Мощные, сиятельные и отважные витязи-волки, обращавшиеся в людей и обратно. В деревнях их все еще почитали как «божественных псов», охраняющих стада агнцов-людей от злых духов, так что не было амулета сильнее, чем волчий клык или клочок волчьей шерсти. А рядом с волками — мудрые люди-медведи и просветленные олени-люди.

Слияние человека со зверем.

Слияние с предвечным.

В монастырях Мрель никогда не отказывали в приюте, и пустынники и отшельники тоже приглашали ее и ее людей остаться на ночь у своего костерка. Допоздна велись тогда удивительные рассказы о старых, полузабытых временах. Рассказывали о том, как после Великой Стужи приходили обитатели леса к людям и проповедовали среди них. Тогда многие отвернулись от богов Марна, и особенно в пограничных с Мрна землях собирали проповедники много учеников. Позже начались гонения, в иных землях даже войны, и много горело очищающих костров, и много было пролито крови. Это в те времена звероподобные божества были окончательно изгнаны из сонма богов, а части Границы начали отстраиваться в Стену.

И о подвижниках прежних верований рассказывали Мрель отшельники — тех, что не пожелали уйти в Мрна во времена гонений, а скрылись в горах и болотах людских земель. Просветленны были они, и могли обращаться не только в зверей, но даже в деревья, и жили так в древесном обличье, постигая себя. В человеческом же облике им были подвластны духи стихий, и что бы ни произошло на свете, обо всем ведали такие мудрецы, потому что деревья и травы через корни передавали им о происшедшем, и говорили им о том ветер и вода. В самой же глубине Мрна, рассказывали Мрель, еще есть старые-престарые деревья — огромны их стволы, и насчитывают тысячелетия. Но то вовсе не деревья, а суть люди древности, обратившиеся в деревья и по сей день заняты трудом внутреннего постижения.

И часто видела Мрель на старых алтарях символ Мирового Деревя, знака

Мрна. Того дерева, чей ствол соединяет все миры и есть ось всего сущего, чья листва — звезды Небесного Веретена, чье дыхание — жизнь.

Все дальше и дальше уведило Мрель паломничество, но куда бы ни ехала она, чем бы ни пыталась себя занять, повсюду сопровождала ее память о карих с золотыми крапинками глазах, о любящих ладонях, широких и горячих — память об утерянном душевном тепле и единении душ. Ширилась в ней подспудная пустота. Все дальше вел ее путь, но Мрель едва отдавала себе отчет, что развернулся он дугой и пошел окольными тропами на север. Не сворачивала она с него — иначе бы узнала, что в местах, которые проезжала, точно по волшебству появлялся огромный черный волк, которого там прежде никогда не видели, и наводил ужас на всю округу. Но не следовал он за ней в святые места, и долго еще оставалась Мрель в неведении о нем.

Мглистые горы очаровали ее не сразу. Несколько дней двигалась ее маленькая группа вдоль их подножий, останавливаясь на ночлег в монастырях или пещерах монахов-отшельников. Особый покой был в этих горах, и округлы их очертания, словно у камней, долго пролежавших на дне океана.

И здесь, подчиняясь неясному желанию, отпустила Мрель сопровождавших ее людей и пошла дальше одна. Безымянной отшельницей поселилась она в маленькой сухой пещере чуть выше горных подножий, не взяв с собой ничего, кроме одежды на себе, серебряной шкатулки и ватного одеяла. Бринк, теперь уже совсем дряхлый, ослепший пес, нашел ее несколько дней спустя после того, как простилась она со своими людьми, поручив его их заботам. Приполз на животе, и Мрель долго выхаживала его и лечила кровоточащие, дрожащие от немоции лапы. И вновь в пламя огня смотрели две пары их глаз, как когда-то в обветшалом доме на самой Границе, только его глаза теперь стали белесы и мутны, ее же были по-прежнему юными.

А вокруг было молчание гор.

В полудне пути от ее нынешнего жилища оказалась небольшая деревушка. Простота нравов в ней была осенена близостью к святым горам. Когда прознали жители, что меловая пещера в горах более не пустует, стали приносить Мрель хлеб и овощи. Свои скромные подношения они оставляли у входа в пещеру и уходили быстро и незаметно. Встречаясь же случайно с Мрель, молча кланялись ей до земли. Глубокое почитание читалось на их загрубевших, темных от тяжелой работы лицах. Здесь крепки еще были старые представления о мире, и отшельникам отводилась в них немалая роль. Отшельники молились о мире и о людях, и молитва была их работой — работой еще более значимой, чем труд пахаря.

Не шла и за себя с сердца Мрель молитва — не могла она молиться за приносящих ей дары. Иначе благодарила она за доброту. В молчании гор, в единении, вновь вернулась целительная сила ее рукам, ослабевшая было за долгую жизнь в городе, и вновь окрепло чувствование трав, отточенное некогда глубокими познаниями Мрышека. Одним возложением рук облегчала она застарелые боли, и всегда помогали ее сборы трав. Слух о ней обошел всю округу, и множилось число тех, кто искал у нее помощи. Вновь исполнилась смыслом жизнь Мрель и вошла в нее радость.

Быть может, навсегда осталась бы она в этом благословенном крае, но скоро уже вновь начало охватывать ее беспокойство, и забытая было душевная пустота стала тихо напоминать о себе. Все было у нее теперь — и не было чего-то самого главного.

Настала осень, самое тревожное, полное внутренних исканий время. Однажды далеко ушла Мрель за редкими корнями от своего жилища и приметно для себя вышла к северо-западным подножьям Мглистых гор. И там увидела Границу.

Где предгорья переходили в равнину, пролегала она, Черта, разделяющая Марн и Мрна. Впервые с той памятной ночи увидела ее Мрель. Как стояла она, так и опустилась на колени, не в силах оторвать от нее глаз.

То была знаменитая Стена северо-запада, овеянная легендами, устрашающая. Надежно строили ее три последовательно сменявших друг друга на троне властителя древности, и до сих пор не было по всей длине Границы более монументального сооружения. Пять человеческих роста в высоту была Стена, и две колесницы свободно могли пройти по ее увенчанному зубцами верху. Много людей полегло на ее строительстве, и не было когда-то более страшного наказания, чем ссылки на ее возведение. В этих краях Стене поклонялись как живому существу. Когда в самом начале строительства, как ни крепок был камень, постоянно осыпалась и рушилась она, стали каждые сто шагов закладывать на крови тех, кого приносили ей в жертву — только тогда перестал осыпаться ее остов. Не счесть было камер в ее недрах, где замуровывали заживо, не счесть было костей, на которых стояла она, и нечисто бывало здесь ночами. Неохотно подходили люди к Стене, и много странного и страшного происходило возле нее даже при ярком свете дня.

Долго смотрела Мрель на это каменное чудовище, которое прославляли как символ мощи и единой державной власти в городах, и боль стесняла грудь.

Сколько помнили себя люди, всегда строили они стены, проводили границы, разделяли, отгораживали и огораживались — от всего, даже от самих себя. Всегда был закон: свое — чужое, здесь — и там. И даже кварталы любви в городах были отгорожены, чтобы не мешали чувства, влечение и красота упорядоченному течению дней. Но сколько ни возводи стен — так ли чуждо, так ли отодвинуто то, что оттесняется за ограду? Можно ли взять часть себя и отгородить стеной — стеной из камня или стеной повседневности, стеной устоев и законов, представлений о благе и вреде?

Ушел ее взгляд дальше. Та бесконечная равнина за стеной была Мрна. Горячее, жгучее чувство охватило Мрель, встало комом в горле. Прошел день, спустился вечер, а она все сидела и смотрела в сизую даль. Смотрела в нее, смотрела в себя. И ясна становилась ей ее жизнь, пустота ушедших годов, скрытые устремления души. Все уяснила она себе, и приняла решение.

Была поздняя ночь, когда Мрель вновь поднялась на ноги, и многое передумала она за время пути назад. Когда же вернулась в пещеру, увидела, что Бринк только и ждал ее, чтобы умереть. Тяжело дыша, лежал он на пороге, и глубоко вздохнул, почуяв ее приближение. Мрель положила его

уродливую голову себе на колени — и уже в который раз увидела, как приходит смерть к живым.

— Только мы вдвоем и помнили его, дружок, — сказала она тихо, когда тело пса, вытянувшись в последней мучительной судороге, начало остывать. — Ты да я, а теперь только я.

Больше ее в тех краях не видели.

С дорожным посохом, пешком отправилась она в путь, и не наняла возницу даже тогда, когда выбралась на тракт: она шла в свое последнее паломничество, и знала об этом, как знала теперь, где ее дом и родной очаг. Тяжел был путь, и только к началу следующего преддизья добралась Мрель до той деревушки, в которой нашла когда-то приют в года поветрия.

Долго не могла она заставить себя войти в нее. Все стояла на недалеком холме и смотрела на крыши низких, покосившихся домов, собирая дыхание для последних шагов по пути. Но вот, наконец, — частокол, деревенские ворота, главная улица. Мрель шла по ней и не верила своим глазам. Здесь ничего, почти совсем ничего не изменилось. Все так же узки и грязны были улочки, все так же темны от времени дома. И люди все те же. Не видно было среди них знакомых лиц, но по-прежнему замкнуты и настороженны были они, и все та же враждебная подозрительность читалась в их угрюмых взглядах. По-прежнему неприветливы были женщины и лениво, без стеснения, разглядывали ее мужчины, все так же согбенны были изнуряющей работой старики и насмешливы, глупы и оголтелы дети. Самые маленькие из них, как когда-то, следовали за ней по пятам и, громко переговариваясь, показывали на нее пальцами.

А вот и ее прежний дом. Он обветшал, и темны были его окна. Его и только его согласились выделить Мрель деревенские старейшины, когда обратилась она к ним с просьбой о постое. Подозрительно и сурово, поджав губы, оглядели они ее и, дотошно расспросив обо всем, что казалось им важным, заломили изрядную цену.

Скрипучая калитка, ступеньки, входная дверь. Мрель медленно выпустила из рук котомку, и медленно же прошла по дому. Наглухо были забиты все окна в сторону Мрна, и заложен черный вход. У стен стояла лишь казенная мебель. Видимо, с тех пор, как исчезла она, никто более не хотел жить в этом доме, и в нем стали размещать на ночлег солдат, перегоняющих каторжников на новые места отработок.

Внезапно холодно стало Мрель: показалось, будто никуда она отсюда не уходила. Не была она в Мрна, не парила на спине огромного Зверя. Не было в ее жизни тепла, любящих рук, предательства и расставания. Не знала она брачных покоев и замужества, никогда не мастерила кружева, не была известной жрицей любви в великой, многоголосой столице, и не жила в сухой пещере у подножья Мглистых гор. Никогда не было ничего подобного и, спасаясь от поветрия, она только что ступила в этот покинутый дом и грезила краткое мгновенье, устав от тягот пути.

Последовавшие дни не избавили ее от этого наваждения. Все казалось Мрель, будто грезит она, или будто гредила и только что проснулась, или

будто только собирается заснуть. Что-то случилось со временем внутри нее и со временем внешним: течения их вошли в разлад, механизмы расшатались. И сколько ни топила она, все никак не могла протопить дом: постоянно холодно было в нем, словно никогда не знали его стены живого тепла очага.

Поначалу Мрель редко выходила за околицу, разве лишь для того, чтобы выменять у соседей еды. Но потом поняла — напрасны были страхи, что могут ее признать. Ошиблась она в тяготах жизни на Границе, ошиблась — сама по-прежнему юная — в возрасте других. Полна непрестанной работы была жизнь в деревушке, свирепы болезни и суровы зимы. Кому шел тридцатый год, уж считался стариком. Кого помнила она, все умерли, а те, кто бегал в распашонке в ее времена, сидели, скрюченные, у ворот домов, качали люльки и мастерили посылную работу. Почти ослепли их глаза, ввалились рты: цинга, давний бич этих мест, не ослабила своей хватки.

И словно тень большого горя лежала на землистых лицах людей.

Текли дни.

День и ночь, во сне и наяву звала Мрель Мрышек и знала, что должен был он ее услышать. Но не приходил он. Во снах преображалась она в птицу и парила над бескрайностью лесов, разыскивая его — но без ответа оставались ее протяжные птичьи крики. И все же не отступала она. Когда Мрышек нашел ее, изувеченную, в Темном Логе, не было у нее выбора, вступать ли в новую, чуждую лесную жизнь, или нет. Но теперь желание ее было определено и бесповоротно. Ее дом был там, по ту сторону Границы. И был только он один, Мрышек, из древнего и исчезающего племени, с кем хотела она разделить свой жизненный путь и для кого поставила на нее зарок судьба.

Мрель звала и ждала.

Дни уходили за днями. Умерла одна полная луна, назревала следующая.

Мрышек не появлялся.

Пришла и ушла зима, как никогда краткая в этом году, и вступала в свои права весна.

Мрышек не появлялся.

Промелькнули первые теплые дни. Что-то тревожное начало чувствоваться в воздухе — и недаром. Едва распустились почки, едва отгрелись первые ручьи, а уже перешло ласковое тепло солнца в сухой жар. Долгие алые закаты полыхали в небе, предвещая раннюю засуху, и горько благоухала в полях молодая полынь, чуя свою скорую смерть.

А Мрышек все не появлялся.

Торопливые облака проходили высоко в небе, не принося долгожданного дождя. Сохла земля, и не стали пахари высевать к сроку зерно, побоявшись, что убьет его ссохшееся лоно.

Каждый день прибавлял жара.

Вода в колодце, опустившись до самого дна, смешалась с глиной. Пожухла трава, перестал давать молоко домашний скот и забили молодой приплод — все равно пал бы он с голодухи. К самому началу лета недалекая речушка

текла уже только по самой середине своего ложа. Вода в ней стала совсем мутной, а в засохшей корке ила у берегов разлагалась рыба.

Голод грозил в этом году, и уже начали дети толочь ивовую кору. Охотники уходили все дальше в лес, но возвращались с пустыми руками, словно покинули пастыри животных эти места и увели свои стада. Только одинокие волки, осмелев, выли на луну совсем недалеко от стен домов, и было в их ночных песнях вождение и злорадство.

А Мрышек все не приходил.

Позже начались лесные пожары. Ночами зарево их обнимало полнеба, и если ветер дул со стороны Мрна, то от гари и копоти было не вздохнуть, черная пыль ложилась на крыши домов, а в переулках собирались черные комы.

Перестала Мрель что-либо различать в своих снах. Непроглядная чернота разлилась перед ее сновидящим оком. Только чувствовал она, что что-то страшное творится по ту сторону Границы, и отнимало у нее силы ощущение приближающегося несчастья. Дни напролет сидела она в пустом доме — устав звать.

А дни текли неумолимо. Подходила середина лета.

Совсем худо стало с водой, и странно стали смотреть на Мрель в деревушке. Она же, уйдя в себя, едва обращала внимание на эти непонятные взгляды, и если случалось ей дни напролет ничего не есть, то не чувствовала и голода. Потух живой свет ее глаз, и глухое отчаяние поднималось в душе. Но не ожесточилось ее сердце.

Едва перебирая ногами, проходила раз возле околицы Мрель дряхлая старуха. Остановилась передохнуть. Хриплым и тяжелым было ее дыхание, и ловила она потрескавшимися губами горячий воздух. Мрель вышла из дома и молча протянула ей кринку с водой. Оторопело, испуганно взглянула на нее старуха. Потом кадык ее дернулся, она мелко закивала. До капли, с долгими перерывами выпила всю воду до дна и вернула Мрель дрожащими от слабости руками кринку.

— Хорошая ты, молодуха, — прошамкала она. — Уходи отсюда, пока можешь. Давно плохо стало у нас, а нынче, сама видишь, уж совсем худо приходится. Не здешняя ты, молодая. Мы-то, старики, всю жизнь здесь прожили. Мы сразу отличаем. Лисья болезнь у тебя. Любит тебя Великая Глушь, а что она любит, то ей отдают — иначе она, как сейчас, с других собирает. Это наш молодняк пусть зовет Вороний Глаз. А нам-то сразу видно, кого хочет себе Мрна. Уходи, пока можешь, пока лето к середине не подошло. Добрый совет тебе даю. Уходи в города. Уйдешь — и, может, сам по себе успокоится лес.

Она тяжело вздохнула и прикрыла белесые глаза. В их уголках засох черный от пыли гной.

— Давно, но на моей памяти еще, тоже была у нас одна пришлая. Точила ее лисья болезнь, сразу то видно было. Терпели ее люди. Думали, станет хуже, будет кого отдать Мрна. Но сама она гинула — верно, взяла ее себе глухомань. Хорошо после того жить стало. Особенно в первый год благодатна

была земля, да и потом тоже. Всего в достатке было. Травы много, дичи много, рыбы много. Детей много рождалось, скот приплод богатый давал. Ни жары особой, ни холодов не было, и дождя в самый раз. А потом дело к перелому пошло. Все хуже становилось, а в последние года — то червь посевы подточит, то волки кого заедят, а то и хворь какая объявится. Ну а этим летом сама видишь, что творится. Уходи, молодуха. И старухе жалко с жизнью расставаться, а молодой-то уж и подавно.

Она вновь тяжело вздохнула, невнятно пробормотала что-то и, опираясь на палку, побрела прочь. Как громом сраженная, обмерев, смотрела Мрель ей вслед.

...Когда не помогали боги, к кому было обратиться людям?

Вороний Глаз никогда не жил среди людей, но и в Мрна не разводил он свой чадающий костерок. Он приходил по зову сельских барабанов, а где обитал — того никто не ведал. Он был той силой, которая заботилась о равновесии влияния Марна и Мрна на Границе. Расщепив на священном огне панцири речных черепах, указывал он людям, как следует себя вести, чтобы не прогневать Великую Глушь, и он же охранял поселения людей от сил ее обитателей.

Странен был его облик. Если был он мужчиной, то носил женские одеяния. Если же доводилось стать Вороньим Глазом женщине, то облачалась она в одежды мужчин. Когда умирал Вороний Глаз, раздражалась буря, и худые наступали времена, если прерывалась линия, и новый Вороний Глаз не сразу заступал на место старого.

Если длительна была непогода, приходили неурожай, случались наводнения или стояла засуха, значило это, что прогневили люди Мрна. Бывало такое, когда преступались неписанные законы: травили рыбу больше, чем могли съесть, чрезмерно били дичь, не по времени усердствовали в рубке леса, или если были большие смертоубийства в деревнях. Много неправого мог совершить человек, и старался не допускать того Вороний Глаз, вовремя выравнивая отношения людей между собой и их отношения с глухоманью. Задабривал он Мрна, если случалось кому-то обидеть ее духов, а если гневалась она, то находил тому причину.

Бывало, появлялось у людей что-то, принадлежащее Мрна или что хотела она взять себе. И пока не отдавали ей желаемое, не кончались беды.

...Так вот, значит, к чему вела ее судьба! Жертва и подношение во время праздника солнцестояния!

Ошеломленная, стояла Мрель еще несколько мгновений неподвижно. Потом очнулась и, неверно ступая, вернулась в дом. Немного было у нее вещей — все только самое необходимое. Она собирала их и бросала в дорожную котомку. Но все медленнее становились ее движения, все задумчивее. Вот взяла серебряную шкатулку — и остановилась вовсе.

Матово блестящая, стояла шкатулка на ее ладони, и вновь проходили перед глазами Мрель все события тех недолгих, счастливых месяцев в Мрна. Заново переживала она первые краткие взгляды и улыбки, слышала беззаботный смех, ощущала запах гладкой, рыжеватой кожи Мрышека...

Она осторожно поставила шкатулку на место.

Неожиданно, стремительно смертны люди, и идут по жизни рука об руку со смертью. Кто отрицает это — не живет. Осознание смерти как части жизни, готовность переступить в нее, когда придет на то время, когда бы оно ни пришло — вот что сохранила в себе Мрель от заповедей своего рода. И теперь, когда и ей пришло время решать о своей жизни и смерти, решение ее было столь же твердо и бесповоротно, как было оно некогда у тех, кто, отослав своих детей, с честью, с мечом в руке, соединился с предками.

Если до последнего не отзовется на ее зов Мрышек, значит, не нужна она ему.

А если не нужна ему, то себе не нужна тем более.

Несколько дней спустя увидела Мрель во сне круг сидящих мужчин. В центре его вертелась маленькая, скрюченная фигурка в развевающихся одеждах — вдруг остановилась, упала на землю и забилась в судорогах камлания. Необоримая сила поднесла к ней Мрель, и она заглянула в белесое лицо с закатившимися глазами. Будто в падучей бился Вороний Глаз о землю, и пена шла из его перекошенного рта. Внезапно он вытянулся, глаза его распахнулись, и с птичьим криком указал он на нее.

Вскрикнув, проснулась Мрель. Загнанно билось сердце, кружилась голова — поняла она, что жребий ее брошен. Вся дрожа, поднялась с постели и распахнула окно.

Тишь стояла над деревней. Молчали даже волки. А в небе звезда Небесной Ткачихи подошла совсем близко к звезде Небесного Пастуха. Лишь раз в году — на летнее солнцестояние — встречались они. На остальное время разлучали их боги.

Уняв дрожь, Мрель вернулась в постель и заставила себя забыться до утра.

Утром же за ней пришли.

Она не сопротивлялась. Молча дала себя увести, и кто уводил ее, видел, что знала она об их приходе и желала его. Безмолвно шло шествие по заполненным народом улицам деревушки.

Мрель привели к деревенской кумирне и заперли в подсобном помещении. Обычно хранились здесь различные принадлежности священнодействий, но все в деревушке, и даже чуждая в ней Мрель, знали его истинное назначение: оно исполняло его в эти дни. Оттого регулярно подправлялись его стены, хотя не всегда починалась и сама кумирня, ныне закрытая: жрец богов, раздетый по пояс, тоже стоял в толпе. Подсобное же помещение было вымыто и проветрено. Со всей округи собрали в него самую лучшую мебель, и рода, пользовавшиеся наибольшим почтением, спорили за честь отдать обреченной в последнее пользование хоть гребень для волос. Отсветы ее убажжающей жертвы падали на все, к чему она прикасалась, и освященные ее прикосновением предметы должны были потом принести в дом владельцев благоволение духов Мрна.

Мрель оставили одну. Никто не говорил с ней. Единственное окно в помещении было хоть и открыто, но зарешечено.

Шли дни. Не отступала засуха, и чем страшнее становилась она, тем больше старались все Мрель угодить. Ей приносили лучшую снедь и сладкое вино. Благовонные масла умащали ее тело, ее облачали в самые богатые одежды, и подносили самые дорогие украшения. При каждом ее движении звенели вплетенные в волосы серебряные монеты. Малейшее желание ее исполнялось. Она была Жертва. Она была униженным подношением Мрна. Она должна была вновь призвать милость леса и восстановить пошатнувшееся равновесие. Проходя мимо ее окна, люди останавливались и кланялись ей до земли, а вечерами Мрель видела молящихся — их распростертые в черной пыли руки были обращены к ней. Две маленькие девочки, отряженные прислуживать ей при умываниях, не смели в ее присутствии подняться с колен.

Ночь летнего солнцестояния приближалась. Мрель не знала, как будет выглядеть праздник, и старалась не думать о жертвоприношении. А если редкая дрожь пробегала по ее телу, то закрывала глаза и представляла себе, как парит в образе птицы над теми горами в Сердце Мрна, у которых не было названия на языке людей.

В ночь перед солнцестоянием она в последний раз попыталась дозваться до Мрышека, но не отозвался он. И глубоко равнодушна стала ей поднявшаяся вокруг суета.

Строги и суровы были законы империи, и беспрекословно следовали им Срединные Земли. Но в местах отдаленных и глухих, в бедных деревушках и селах, многое было иначе. В кумирни ходили по всеобщему закону, и так же пели заутреню, но старые боги и старые образа стояли, прикрытые платками, на домашних алтарях. Весь год истово почитались боги Марна, но были ночи, когда пограничные земли отворачивались от законов Срединных Земель и возвращались к своим истокам. А в одну такую ночь — ночь летнего солнцестояния — Мрна вновь всецело вступала в свои права на Севере. Мрна, извечное начало, питающее и дающее жизнь. Двудликая Мрна, жизнь забирающая. Великая Мрна — мать изобилия. Образ женщины и образ зверя.

Тогда сходились со всей округи поселяне, сливались в огромную толпу и с песнями и танцами, с факельными шествиями устремлялись в лес. Там разводили костры, и прыгали через них, очищаясь, а если была поблизости река, то купались и пускали по воде свечи на листьях кувшинок. Там все были обнажены, волосы женщин были распущены, и никто не имел сраму. И когда гасли костры, сливались тела, и никто не знал, сколько был и с кем, и юные девушки обретали дар женственности и материнства, а юноши — дар мужественности и отцовства. Это была ночь свободы, это была ночь зачатия и плодородия. В нее стирались различия родов и сословий, и каждый сливался с Мрна.

А в этот раз ночь летнего солнцестояния должна была стать и ночью жертвоприношения.

Весь день царило в деревушке скрытое оживление. К вечеру оно стихло, перейдя с заходом солнца в ясно ощутимое напряжение множества людей.

Мрель слышала, как прибывает к кумирне толпа. Отдельных голосов было не разобрать, и гул молитв заглушала только поступь множества босых ног.

Две женщины вползли на коленях в камеру Мрель и помогли ей раздеться. Они сняли с нее украшения, выплели из волос монеты и омыли ее тело водой с уксусом. Нагая пришла она в этот мир, нагой должна была его и покинуть.

Стемнело. Снаружи начали негромко и неразборчиво напевать, притоптывая ногами и хлопая в ладоши. Зажгли факелы. Отсвет их упал в камеру, и Мрель отчего-то вновь подумала о жреце богов, который сейчас тоже был там, снаружи, в толпе — он втирал себе в кожу смешанные с красной глиной масла, и его белый живот безобразно отвисал на высохшем теле. Она знала, что были в толпе пахари и охотники, учителя и чиновники из соседних городков, богачи и последние запаршивевшие бедняки — все пришли, все были равны, и ничего закона сегодня не было превыше закона Мрна, закона крови и жертвы.

Но вот, раздались снаружи три гулких удара посохом о землю, и все смолкло.

Женщины в комнате Мрель коснулись лбами пола, поднялись с колен и, почтительно поддерживая ее, встали рядом с ней.

Распахнулась дверь.

В ее проем увидела Мрель море обращенных к ней лиц, красных и лоснящихся. Бесчисленные факелы освещали их. Словно волна прошла по морю — опустились перед ней люди на колени. А в дверях стоял Вороний Глаз и бесстрастно, словно сама судьба, протягивал ей руку.

Едва смогла Мрель сделать первый шаг. Но, сделав его, уже с высоко поднятой головой позволила сопроводить себя к носилкам.

Так подходил к концу путь госпожи Нежный Ирис — самое большое ее выступление на сцене жизни. Так кончалась жизнь Мрель, чьи руки любили травы и были искусны в целительстве. Все трепетало в ней. Глаза ее были лихорадочно сухи, и пересохло горло. Прямо сидела она на своих увитых ветвями деревьев носилках, и ее светлая кожа словно бросала вызов темно-ночи и красному зареву огней.

Все необычайно ясно и четко осознала она. Тысячи мелочей бросались ей в глаза, и никак не верилось, что все это происходит с ней. Вот подняли носилки, вот понесли их — и, качнувшись, поднялась единым движением на ноги толпа. Мрель оказалась поверх бесчисленных голов, и кожа ее горела от устремленных на нее взглядов.

Выпирали кости на изработавшихся телах, благодатью были осенены лица. Разные были они: широкие и узкие, круглые, высокоскулые, с ранами и шрамами, со следами оспы. Мрель смотрела на них, на их суровую торжественность — и вдруг поняла, что вовсе не жестоки они, эти люди, но хочется им жизни, хочется есть хотя бы досыта, не бояться следующего дня. И острое чувство сострадания к ним — забитым, замученным, исковерканным жизнью — вспыхнуло в ней. Не видела она больше их ограниченности, но видела живое страдание душ, судорожно ступающих по жизни и в последнем усилии цепляющихся за нее.

Толпа расступалась перед носилками и смыкалась за ними. Мерно стуча посохом с водруженным на нем черепом оленя, шел впереди Вороний Глаз, ведя глухой напев — его подхватывала толпа.

Широко, как зев, были распахнуты ворота в частоколе Границы.

Так Мрель вновь оказалась в Мрна.

Как только они пересекли выжженную прогалину за Чертой и вступили в лес, Вороний Глаз оборвал напев, и все смолкло — слышно было только монолитное движение людской массы. Мрель не оборачивалась — не могла заставить себя, — но спиной чувствовала, сколь длинна была колонна следующих за носилками. Она не сводила глаз с факела в руке Вороньего Глаза. Казалось, пламя пляшет в согласии с ее дыханием.

Недолго продолжалось шествие. И вот уже расступился лес, разошлись в стороны могучие деревья с натертыми охрой стволами, и шествие начало вливаться в огромную округлую поляну. Стара была она. Выжгли ее в лесу первые поселенцы в этих краях, и давно это было — так давно, что никто уже не мог сосчитать ушедших поколений. В центре ее беспокойно стояли коровы и быки, лошади, ослы, козы и бараны.

Носилки Мрель внесли на высокий помост. На голову ей возложили венок.

Толпа постепенно разливалась по поляне, оформляя просторный круг. В нем не было ни совсем юных, ни совсем старых — срок одних еще не пришел, срок других закончился. Только зрелые жизнью стояли здесь, и выделялись лица тех из них, кто должен был сегодня вступить в возраст, красной полосой через все лицо.

Когда круг оформился, Вороний Глаз вышел вперед.

Стало очень тихо.

Вороний Глаз звучно ударил в ладоши.

Тогда выступили из круга пахари. Они освободили быков и неторопливо, во всем осознании священнодействия, была вспахана земля, а после уложены бревна для костров. Оборотились теперь все взгляды на Мрель, и она почувствовала, что уже не горит — пылает ее кожа от взглядов.

Ладони Вороньего Глаза повели ритм, и круг подхватил его. Застучали трещотки и барабаны. Ритм убыстрялся. На помост поднялась женщина, а за ней мужчина. Мужчина встал позади Мрель, женщина поднесла ритуальную чашу к ее губам. В ней было вино — тягучее, красное как сок граната. Сделав глоток, поняла Мрель, что была в нем кровь и крепкий дурманящий настой. От него огнем опалило горло, и острая боль спустилась к груди. Зашлось, едва не остановилось сердце. Мрель пила и пила, и перестала чувствовать свое тело, а когда уже не могла больше пить, запрокинул мужчина ее голову, и дальше вливали они в нее вино, и знала Мрель, что лилось оно красными струями ей по груди и животу, по ногам — но не чувствовала того. Голова кружилась и пылала. С трудом воспринимала она окружающее, и все расплывалось перед глазами, словно открыла их в мутном, сильном потоке реки.

И запылали костры, и едва помнила Мрель, что было потом. Ее заставляли есть и пить, много есть и пить, а вокруг были крики, визг и хохот, и бешеные

пляски. А потом закружилось все вокруг нее в дикой круговерти, и были голые тела под животными и на животных, и женщины спаривались с быками, и женщины спаривались с козлами, а мужчины с козами, и кони с кобылами, и кобылы с ослами, и танцевали все вокруг них, пели и хлопали в ладоши. Словно ураганный ветер вырывались зверь и животное из человека Мрель в лицо, опаяя, и не могла она закрыть глаза. А потом начали лить на нее молоко, и много мужчин подходило к ней. Она приносилась в жертву, и как жертва должна была получить все — и молоко женщин, и семя мужчин. И, не чувствуя своего тела, не чувствовала она и того, что делают они с ней. А потом костры залили водой, и стало темно. Гарь, копоть и чад поднялись ввысь и заволокли вызвездившее небо. И хохот в темноте не смолкал. Курилась теплом вспаханная земля, и были крики и плач.

И кто-то милосердно закрыл ей глаза.

А потом несли ее. Словно кусок мутного льда выскользнула она из своего тела — не могло оно более держать ее в себе, — и со стороны, каким-то и ей самой неведомым зрением различила, как принесли кол, и еще один, и еще. И как прибили два кола к основному, и как положили ее на них и, распяв, подняли вершину основного кола к невидимым звездам. И поняла: если бы жертвовали небу — ее бы сожгли на костре, чтобы ветер унес пары ее души. Если бы жертвовали земле и воде, ее бы, связанную, опустили в реку, чтобы обе приняли ее в себя. Но ее приносили в жертву Мрна, что между небом и землей. И нижний из двух колов была земля, а верхний был небом, и спина ее прилегала к соединяющему их основному колу, который был за человека, ведь он — от земли и от неба. Когда придет утро, и празднество окончится, оставят ее одну среди смятой земли, среди пепелищ костров. Много жизней родится от этого празднества, а ее заберется. И вновь вернется плодородие, потому что удобрится земля пеплом, семенем мужчин и кровью девственниц, а жертва ее осенит чернозем. И вновь пойдет животворящий дождь, оплодотворяя землю, как мужчина — женщину.

И висела Мрель словно скованная птица между небом и землей. Едва хватало ей дыхания, и вели вокруг нее тройной хоровод.

Вдруг осветилось небо дальней зарницей.

Крики ликования разразились на поляне, и прославляли имя Мрель в голос.

Но много, уже слишком много стало для нее, и ушла она в черноту.

Брежущий свет проник в ее широко распахнутые глаза, и с ним пришли ощущения. Она начала ощущать боль в своей сжатой груди и разгорающееся в ней, словно пожар, жжение. Начала ощущать боль в горле, боль в распростертых к небу, вывернутых в суставах руках, во всем своем измученном теле — и боль эта становилась все сильнее и мучительнее. Неправильно было это. Навсегда должен был увести ее в темноту убивающий ощущения напикот и никогда больше не вернуть к жизни — и в людях есть сострадание. Поняла она, что слишком живуча, что кончается действие дурмана, и что теперь начинается пытка.

С трудом взглянула Мрель на мир — и не захотела больше смотреть.

Рои мух слетались к ней и облепляли ее тело. Жадно льнули они к ней, подбираясь к глазам, и лакомились, лакомились ее плотью.

Весь день опаляли ее жаркие лучи солнца, и муки ее были неимоверны.

К вечеру же пришла прохлада. Но ее она уже не ощутила.

Гнилостный холод обьял ее, стараясь проникнуть вглубь, в самую душу. Мрель вздрогнула, дыхание с хрипом вырвалось из груди. Она отчаянно забилась, сопротивляясь. Мучительная боль вернулась в тело, и от боли вновь пришла она в себя.

Взглянула из опухших глаз — и поначалу ничего не увидела. Потом различила ночь, трупы лошадей и быков пред собой. Обгладывали их крадущиеся тени волков. По-прежнему сух был воздух и ненапоенна земля.

И вновь обьял ее омерзительный холод и попытался проникнуть вглубь. Застонав, дернулась она на колу — и только теперь различила грузную фигуру возле себя. Это от нее исходила холодная мертвящая волна, и Мрель сразу узнала Красноглазого Аи. Глаза его блекло светились в темноте, и глумливая усмешка играла на толстых губах.

— Надо же, жива еще, — сказал он. — Кто бы мог подумать!

Бесстрастно смотрела она на него вниз, переступив последнюю черту страха. А он довольно взирал на нее вверх.

— Удивительные существа — люди, — проворковал он. — Сколько их не направляй, они все сделают еще лучше тебя и превзойдут во всем. Долго шел я по твоему следу и думал уже — улетела голубка. Ан нет, все равно завершилось все к моему удовольствию. Прими мой поклон: мучительней конца и я бы не смог тебе подгадать. Это же надо, позволить принести себя в жертву...

Аи с наслаждением втянул в себя ее запах.

— Ты теперь — ничто, — произнес дружелюбно. — Тело твое скоро умрет, но я скажу тебе, как ты нас оставишь, и что ждет тебя потом. Счастье твое, что не владею я исцеляющими силами, как друг мой лис, иначе продлил бы твои мучения. Но не горюй, и без того получишь от меня все сполна. Скоро начнется твоя агония. Я останусь с тобой и не дам тебе ни минуты покоя, а когда последний вздох освободит твою душу, я не позволю ей обратиться к небу. Правда, когда-нибудь оно все равно призовет ее к себе, но до тех пор я привяжу ее к твоему же опустевшему телу, и ты не сможешь уйти от него, пока оно не разложится, и будешь чувствовать его разложение — души в посмертье ведь тоже ощущают. Когда же плоть твоя сгниет, я привяжу тебя к тельцу новорожденной летучей мыши или белой крысы с красными глазами, и буду держать при себе, пока моя власть над тобой не иссякнет. И я сдержу свое слово, как держал его до сих пор. Сегодня как вчера, как все последние года, друг твой будет чувствовать все, происходящее с тобой, и будет чувствовать и дальше. И ему будет больнее, чем тебе, потому что он ощущает твою душу полнее, чем даже ты сама. Что ему дорого, в том он слаб. Твоя боль будет и его болью и, страдая сейчас и в посмертии, помни, что от твоих невидимых ран более тебя страдает он.

Красноглазый Аи отрывисто захохотал. Вспугнутые его необузданным весельем, прыгнули и прижались к земле тени волков. Он захохотал громче — безудержно, запрокинув голову, с предвкушением потирая руки.

Мрель смотрела на него, и как ни мучительна была боль, с удивительной ясностью воспринимала его слова. Но иное взяла она из них, самое важное для себя — и удивительное ощущение счастья, облегчения и освобождения исполнило ее. Что бы ни ждало ее в будущем и чтобы ни было в прошлом, была любовь в ее душе, и любовь эта не иссякла и в душе другой. Ослепительное осознание того приникло ей в самую душу — и понесло ее прочь.

Красноглазый Аи перестал хохотать. Глаза его налились кровью.

— Ты, девица, — прохрипел он зловеще, — не для того пришел я сюда, чтобы облегчить тебе конец.

Но Мрель уже не слышала его. Закрыла глаза и почувствовала, как мощный несказанный поток, целая симфония ликующих, щемящих чувств и благостного света, принимает ее в себя, обнимает и тянет вслед за собой.

Красноглазый Аи завыл.

Мрель ощутила странную, мешающую тяжесть. Что-то прохладное коснулось ее. Вновь, устало и счастливо, открыла она глаза и различила, что Аи, подпрыгнув в исступленной ярости, вцепился ей в голень, и рвет и мечет, и пена клочьями падает у него из пасти — но не было в ней больше боли, и не властен был он над ее душой. Поток звал ее за собой, и ночь выплетала в его золотистом, ласковом свете. Кажется, она благодарила Аи и смеялась над ним — так же безудержно, как только что он над ней, — а он бранился и выл в ответ на ее слова. Но память могла ее и подвести, и быть может, не было того вовсе.

Но еще резко и четко отпечаталось в ее глазах, как внезапно вылетел из ночного сумрака огненный ком и набросился на исходящего бешенством ползуверя. Сцепившись, покатались они прочь.

Тут свет залил ее всю, и Мрель перестала воспринимать мир.

ЧАСТЬ III. ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Тебе лучше? — спросил нежный детский голосок, и прохладная рука легла Мрель на лоб.

Она пошевелилась. Прерывисто вздохнула.

— Это я, Акира. Ты помнишь меня? Я — ацуи, что жила когда-то в самом большом на севере зачарованном холме. Теперь-то ты вспомнила?

Мрель открыла глаза. Некоторое время она смотрела прямо перед собой, ничего не различая и не ощущая. Потом ощущения вернулись к ней, и она ощутила себя, свое тело, его глубокий покой — и удивилась. Все естество ее еще было настолько исполнено отголоском той мучительной боли, которая переходила в свет и растворяла ее душу в мировой скорби и милосердии, что странно и отупляюще было теперь это состояние тишины и покоя. Она привкала к нему, смиряясь. Глубокий поцелуй лег потом ей на губы, и что-то

теплое потекло в горло. Мрель ощутила вкус чужой, не соленой, но полынно-горькой крови, и содрогнулась. Небытие вновь овладело ей — лишь на мгновение, но в это мгновение перед ней успела пройти череда страшных видений.

Когда она вновь пришла в себя, в глаза проглядывал свет, а вкус чужой крови в горле стал вкусом меда и растворился.

Она лежала в низкой, пахнущей летним разнотравьем постели. У ее изголовья сидела юная женщина невыразимой красоты, улыбаясь ей доброй и грустной улыбкой. Но не на ней остановился блуждающий взгляд Мрель. Она смотрела на светлые тени за спиной у сидящей.

Как никогда явственно, словно во плоти, предстали они сегодня перед ней. Одухотворенные, мудрые лица с любовью были обращены к Мрель, и казалось, с их взглядами переливается в нее текучая, подвижная сила, согревая и возвращающая волю к жизни. Лишь несколько ударов сердца оставались с ней светлые тени, и как всегда не заметила Мрель, как ушли они от нее — разве только что появилось у нее на мгновение ощущение безвременья.

— Они знают, что я хочу остаться с тобой наедине, — произнесла Акира негромко. — Но все это время, что ты здесь, были они с тобой. Без их поддержки тебе было бы не выжить, а мне — не излечить тебя. Даже силам многожилых положен предел.

Сложив руки на коленях, удивительно прямо сидела перед ней Акира, и Мрель едва узнала ее — столь изменился ее облик по сравнению с тем, который запечатлелся в памяти. Тусклой стала улыбка Акиры, и высохло, словно от длительных лишений, ее тело. В лице же не было ни кровинки, а кожа стала мраморно бела. Изменились даже глаза. Из карих они стали серыми, словно припорошенными пеплом. Душевная боль и глубокая, надорванная усталость читалась в них, и было на дне их что-то тревожащее. Только у сильных духом бывают такие глаза — у тех, кто идет наперекор всему и сломить кого невозможно, кто потерял все и лишь любовью или мстью, ненавистью или долгом удерживается на поверхности жизни. Против обычая своего племени куталась в одежды Акира, темные и бесформенные, и легкий шарф траурного белого цвета накрепко обвивал ее шею. Но что осталось в ней от прежних времен, так это ослепительная, нечеловеческая красота, свойственная многим созданиям-полулюдям Мрна, и ацуи в особенности. Только красота эта более не причиняла боли.

Многожилкой назвала Акира ее. Что ж, быть может, и справедливо. Жизненная сила насильно соединившихся с предками никогда не исчезает бесследно — она переходит на живущих. Мрель вновь взглянула за спину Акиры, невольно ища светлые тени.

И тут дыхание ее перехватило. Она судорожно приподнялась, только сейчас осознав, что могла бы осознать и раньше. Эта комната...

Она не поверила себе. Беспомощно взглянула на Акиру, когда-то смеявшуюся над ней у пяти каштанов, а теперь следившую за ней с заботой и тревогой кровной сестры. Акира едва заметно кивнула.

— Если не веришь своим глазам, то верь своим чувствам, — сказала она. — Это — твой дом, и это значит, что ты — дома.

Не сразу отпустил страх радости. Мрель откинулась на подушки. Она лежала, смотрела на знакомые предметы и чувствовала, как робко, словно боясь спугнуть самое себя, расцветает в ее душе ликование.

Дома, все же, дома! Как долг был путь домой, как мучителен был его конец. Теперь все позади. Она вновь в родных стенах — тех, которые не возводились руками. К горлу подступил ком.

Акира тихо сидела рядом с ней. Когда Мрель, наконец, перевела на нее сияющие глаза, она покачала головой и упреждающе коснулась ее губ своими длинными, прохладными пальцами.

— Тише. Молчи. Тебе долго еще нельзя будет говорить, иначе голос никогда к тебе не вернется. Позволь мне говорить сегодня. И поторопимся: время мое на исходе.

Она внимательно посмотрела на Мрель, словно желая удостовериться, что та поняла ее, и только потом отвела руку.

— Не бойся, я пойму тебя и без слов, — произнесла серьезно. — Ведь ты человек, а человек произошел от зверя, я же из тех зверей, которые произошли от человека. Я ясно вижу, что у тебя на сердце — и оно тебе не лжет. Это на самом деле был Огненный Лис, или Мрышек, как он себя называет. Он пришел поздно, но он пришел, и его схватка с Красноглазым Аи, верно, достойна быть воспетою в песнях. Я юна по нашим понятиям, и все же помню, как пришли на север первые люди, но с самого моего рождения еще никогда не ярились так души стихий. Даже сейчас не до конца успокоились они, и долго еще будет вздрагивать земля, и сходить на нее при ясном небе молнии. Но засуха уйдет из этих краев, потому что она была отражением засухи в душе Огненного Лиса. Ведь он — повелитель здешних ветров, а ветры делают погоду. Сам же он — от души огня: оттого жарки и сухи были последние года, а этот год и подавно. Но теперь все вновь войдет в равновесие. И успокойся: он жив и здоров, но ему тоже нужен покой. Он спит в соседней комнате. Пока он слаб, у меня еще хватает сил, чтобы погрузить его в сон, и спит он беспробудно уже вторую неделю.

В глазах Акиры вспыхнули проказливые огоньки, и на мгновение она вновь стала похожа на ту Акиру, как помнила ее Мрель.

— Этот год станет первым на моей памяти, как безбоязненно можно будет вступать в лес Тысячелетних Деревьев. Нет больше Красноглазого Аи! Ацуи нашего холма освободили забарьерные земли от происшедших из его крови и семени, и открыты теперь прямые пути до Сердца Мрна. Так что счастье принесла ты нам в Мрна, Мрель, и благо тебе. Когда-то из страха за тебя отделил Огненный Лис свой путь от твоего, об этом известно мне. Страху этому больше нет жизни. Велика оказалась сила твоей любви, что смогла ты противостоять бешенству старейшего из последовавших. Суть твоя отразила его безумную ненависть и не переняла ее. Воистину должна ты гордиться своими шрамами. Они не сойдут никогда, и отныне любой сможет узнать тебя по ним, какую бы личину ты ни приняла. Потому что нет и не было среди ныне живущих таких, кто носил бы на себе следы зубов Красноглазого Аи, и не изменился бы в своей сути.

Акира замолчала. Несколько мгновений смотрела на нее Мрель, не понимая, к чему она клонит. А потом встала в памяти та страшная и радостная серая ночь, и вспомнилось, как, исходя яростью, рвал ее тело Красноглазый Аи.

Она помедлила, приподнялась — и одним движением откинула с ног легкое льняное покрывало.

Жестокие, едва зарубцевавшиеся раны поднимались от щиколотки до колена по правой ноге. Вся голень была исполосована, и если нижние раны еще подсыхали, то у колена уже шли свежие, белесые шрамы.

— Раны заживут, и плоть срастется, — произнесла Акира очень мягко. — Самые страшные повреждения уже исцелились.

Мрель осторожно провела рукой по одному из шрамов.

Не захотел просто так уйти из ее жизни Красноглазый Аи, навсегда оставил по себе памятку в ее судьбе, а теперь и на теле. Уже сейчас поняла она, что когда бы ни взглянула на следы его зубов, всегда, неизбежно будет вспоминать освобождающие муки на скрещенных колах и жар долгого, замутняющего разум дня. Вспоминать то, что лучше было бы забыть...

Мрель вновь укрылась покрывалом.

Недаром говорили мудрецы древности, что самый тяжкий груз, какой только приходится нести с собой по жизни человеку, это груз памяти. Оттого иные люди, старея, теряют ее, иначе им не вознестись на небо, а низвергнуться в предвечную темноту. Воспоминания последнего пути от кумирни до пробуждения серой ночью от смрадного, гнилостного дыхания Красноглазого Аи, раз придя, не пожелали оставить Мрель, и страшные картины прошлого теснились в памяти.

Акира молча смотрела на нее. Глаза ее вновь запорошило серым пеплом.

— Есть предназначенные друг другу, — проговорила она совсем тихо, и нежный голос ее спугнул темные видения. — Верно, вы с Огненным Лисом из таких. Если бы я поняла это раньше, многих бы мы избежали бед, и многое бы сложилось иначе. Большая вина на мне. Я уйду искупать ее, и часть уже искупила. Едва ли свидимся мы вновь, так что выслушай, что мне есть сказать.

Огненный Лис — он из исконных звероловцев, а в душевной привязанности они всегда были иными, чем мы, следовавшие им, или чем вы, люди. В любви мы сродни вам, но, стоя ближе к истинному зверю, мы привязчивей в этом чувстве и оно в нас истовее и сильнее. Исконные же звероловы — они, полюбив, не разлюбивают, а потеряв, не забывают. Кто у них любит, тот любит навсегда. Влюбленностей может быть много у них, и много же увлечений, но любовь — только одна, и один спутник сопровождает их по жизни. Оттого-то страшил всех в нашем холме ваш союз. Жизнь с человеком приносит столько же радости и невзгод, как и любая другая жизнь, но она быстротечна, а память таких, как Огненный Лис, не знает к ним милосердия. Люди, даже теряя, могут искренне любить вновь и вновь. Исконные же звероловы, потеряв, навсегда остаются в одиночестве, и если не уходят добровольно вслед за ушедшими, не сходятся больше ни с кем. Раз зарекла вас друг для друга судьба, и ты выбрала его, а он выбрал тебя, береги себя во имя

его, не рискуй собой понапрасну. Будь серьезна в своем познании. Человек посредством постижения себя может удивительно долго продлять свою жизнь, не подпадая при этом старости, и кто знает, быть может, и тебе удастся достигнуть бессмертия в теле, как некогда в древности вашим мудрецам. Ведь и для человека, и для зверя нет ничего страшнее одиночества, и страшнее его только одиночество жизни почти бесконечной.

Акира помолчала.

— Когда давным-давно в эти земли пришел Красноглазый Аи, и между нами, ацуи севера и им, началось противостояние, мы возвели барьер по границе наших с ним владений — своего рода Границу людей, только невидимую. Долго длилось противостояние. Однажды напряжение барьера стало столь велико, что землю вдоль него разорвало на части, на теле ее появилась глубокая рана, а в огне погибло столь много моих соплеменников, что до сих пор не оправились мы от последствий. Тогда-то Огненный Лис и решил поселиться в этих краях. Его земли разделили наши владения и владения Аи. Говорят, что вовсе не из желания помочь нам обосновался он тут, а потому, что его глубоко ранила гибель многих великих и могучих деревьев здешнего векового леса, с которыми был он дружен. Особенно гибель Саан — прародительницы нынешних деревьев севера и подруги Нрэгэ, ныне Одинокого Дерева, а некогда могучего патриарха погибших лесов — не простил Огненный Лис ни нам, ни Красноглазому Аи. Никогда не жаловал он племя наших зачарованных холмов, почитая нас хитроумными и злоязычными.

Шаткий, но долгий мир установился в этой части Мрна с приходом Огненного Лиса, и опасны стали только те времена, когда разум его затмевался перед лицом одиночества долгой жизни. Каждый раз, когда тоска обращала его в безрассудное животное, пытались мы ему помочь. Но чурался он нашей помощи, стремясь к людским жилищам, и только от их обитателей принимал поддержку и участие, теряя ее всякий раз: ведь смертны люди, и смертны непредвиденно, а Красноглазый Аи помогал им в том. Но теперь, когда ты с твоим безумным бесстрашием встанешь по руку Огненного Лиса, когда найдет он в тебе опору, прекратятся для него времена затмений, и мир и покой вновь воцарятся в этих краях. Кто знает, если бы было среди людей больше таких, как ты, открытых себе и Мрна, бесстрашно готовых идти до конца, чаще слышалась бы в лесу мощная поступь исконных звероловцев. Но так пали они проклятью своего одинокого долголетия, и Огненный Лис — один из последних из них. Обеднеет наш мир и несчастно станет то время, когда исчезнут они с просторов Эа, и хотя кажется это неизбежным, лучше бы не наступило никогда.

Тень прошла по лицу Акиры. Она поднялась и подошла к окну — черные одежды стлались за ней. Скрестив руки на груди, Акира пристально смотрела какое-то время в сад. Наконец, обернулась.

— Кто любит, тот отпускает, и старается, чтобы легок был путь уходящего — так отпустил тебя Огненный Лис, — произнесла она, сцепив пальцы. — Что принадлежит нам, к нам возвратится, а что не наше, уйдет навсегда. Свое не потерять, и взять обратно можно лишь то, что твое по праву, что

же не твое, к тебе уже не придет. Многое в твоей судьбе — моя вина и моя заслуга, Мрель. Но и моя ревность была, быть может, орудием в руках другого.

Это я отправилась к Черному Лису и уговорила его помочь Красноглазому Аи проникнуть во владения Огненного Лиса. Это я спутала потом следы Аи. И это я, когда стал строиться этот дом, взяла у Черного Лиса его Черный Камень. Сильна и страшна мощь его. Тот, кто носит его на себе, может приказывать другому, и тот, кому приказывают, не осознает своих поступков. Мнится ему, что исходят они из его собственной воли и разума, и, совершая их, находит он им причину.

Последовал моему напеву Огненный Лис и провел со мной три ночи. Желал он, чтобы ты, в обиде своей, покинула его, думая так спасти и облегчить тебе путь. Уже тогда не мог он по своей воле оставить тебя, и не мог предать — я знала это. Но я знала и другое — что *ты* можешь оставить его, потому что незрела была твоя любовь, и еще не знала ты, где твой дом и очаг. Кто любит — тот прощает, а ты плохо умела тогда прощать. Я приказала Черному Камню, и Огненный Лис последовал за мной. Ты ушла, а он остался, и я была с ним. Я приказала Черному Камню — и как когда-то был привязан ко мне Огненный Лис. Но не изменить природы обманываемого, и не принудить к обману вечно. Тоскливо стало мне его вынужденное обожание, и еще раньше, чем раскололся Черный Камень, расколола я его сама. Страшен был гнев Огненного Лиса, когда понял он, что произошло, и страшно его отчаяние. Он отправился за тобой в земли людей и бродил по твоим следам, пока тоска вновь не лишила его разума и не обратила в животное. Хотела так того судьба, однажды слишком близко подошел он к северной Границе, и подпал власти Красноглазого Аи. Я узнала об этом потому, что сама бродила вслед за Огненным Лисом, надеясь вымолить прощение. Пригнал его в свои владения Красноглазый Аи и заточил в самой глубине леса Тысячелетних Деревьев, под корнями старого Злого Дуба. И ни я, ни наши старейшины — ничем не могли мы Огнному Лису помочь. Меня же изгнали из зачарованных холмов.

Когда-то, отпуская тебя обратно в земли людей, не мог и подумать Огненный Лис, что Красноглазый Аи отважится последовать за тобой, ведь как всякий, кто ищет власти, Аи всегда укреплял свои владения, а не свой дух. В своих владениях он был почти всевластен, но чем дальше отдалялся от них, тем больше терял силы, а в глубине людских земель становился не более чем огромным, свирепым волком, подвластным даже обыкновенному оружию. Но, сам не умея по-настоящему ненавидеть, не мог Огненный Лис понять и силу ненависти других. Всегда был изощрен Аи в жестокости, но на этот раз превзошел самого себя. Он позволил разуму Огненного Лиса приподняться над животным, ощущать тоску и одиночество, но не вспоминать себя вполне, зато вспоминать тебя, — а сам последовал за тобой, чтобы держать своего узника в постоянном страхе. Ты не ведала о том, но если проезжала по безлюдью, то за тобой следовал огромный черный волк, а когда была среди людей, следили за тобой глаза черноволосого человека и его

слуг. Под многими личинами скрывался Аи. Вельможа Оана — ты наверняка слышала о нем — тоже был он.

Наверное, навсегда остался бы Огненный Лис там, под корнями Злого Дуба — не зверь, но и не животное, зачарованный, со скованной памятью, — если бы ты своим безрассудством не принудила его вспомнить себя. Твой зов доходил до него еще зимою — все мы слышали его. Но сильно зимой и животное, и звериное начало, и медленно просыпалась память Огненного Лиса. Лишь весной, с крепнущим солнцем, стал он все больше вспоминать себя. Не противился тому Красноглазый Аи, с изощренной жестокостью не давая ему отозваться. Все сильнее становились муки Огненного Лиса, и жгла всех нас пустота его души жаркими дуновениями ветра. Все, что происходило с тобой, все чувствовал он и знал обо всем, и сила его росла с его отчаянием. Нам всем говорил об этом ветер, и только Красноглазый Аи был точно слеп в своей ненависти. Когда пришла та ночь, ночь твоего жертвоприношения, он ослабил свои чары над Огненным Лисом, чтобы вполне дать ему ощутить твои муки, и наложил двойное заклятье на темницу. Но ошибся и в себе, и в вас обоих...

Акира внезапно смолкла. Ее и без того бледное лицо вдруг стало блее снега, глаза расширились. Она пошатнулась и поднесла свои точеные, почти прозрачные руки к горлу, словно не стало ей более дыхания, и белый шарф ее и одежды слабо светились. Ясно ощутимая волна боли от нее дохнула на Мрель. Мгновенье стояла Акира так, потом судорожно, коротко вздохнула и опустила руки.

— Лежи, это ничего, — проговорила хрипло. — Уже отпускает. Это всего лишь еще одно напоминание, что время мое на исходе.

Несколько долгих минут стояла она неподвижно, потупив голову. Потом подняла глаза на Мрель.

— Впрочем, и история моя подходит к концу, — произнесла спокойно. — К ней уже почти нечего добавить. Когда пришла ночь твоего жертвоприношения, я смогла, наконец, пробраться к Злому Дубу, но моя помощь Огнному Лису уже не понадобилась. Он сам разрушил свою темницу. Страшная гроза без дождя бушевала тогда над лесом, а сам Лис был словно ожившая молния, когда летел над тысячелетними деревьями, и дыхание его поджигало их вершины. Мне было не угнаться за ним, и когда я появилась у жертвенного круга, все уже было кончено. Красноглазый Аи был мертв, но в вас обоих еще теплилась жизнь. Я принесла вас сюда, потому что это ваш дом и столп мощи Огненного Лиса. Дом впустил меня в себя и не впустил тех, кто не хотел твоей жизни — потому что все думали, что, выжив, ты уподобишься Красноглазому Аи, и со временем можешь стать страшнее и сильнее, чем когда-либо был он. Моего лечебного искусства не хватило ни на одного из вас. Я не сильна в целительстве, моя сила в другом — в преображении и превращении. Но за тобой стояли твои предки, и сильна была твоя воля к жизни. Я давала тебе свою кровь, и ты начала поправляться. Но плохо было с Огненным Лисом. Ослабла его воля к жизни, и умирал он. Тогда я в третий раз пошла к Черному Лису, и он дал мне другой Черный

Камень. Я применила его по тому назначению, для которого когда-то создавались все Черные Камни. Силой его я приказала Огненному Лису вернуться от порога смерти — и он подчинился мне. Его жизнь теперь вне опасности. Я же уйду выплачивать свое владение Камнями, и отныне надолго властен их создатель надо мной. Таков был уговор и такова цена Черных Камней, ведь они создаются из жизненной силы своих творцов, укорачивая отпущенный им в поднебесной срок. Нет во мне нужной прозорливости, и не могу я сказать с уверенностью, была ли сама некогда подвластна Черному Камню, но не оставляет меня чувство, что так оно и было. А чувства не обманывают. Давно питает ко мне привязанность Черный Лис, и думается мне, многое в хитросплетениях последних лет было его игрой, а владение мной — его целью. Но поздно теперь об этом рассуждать. Свои ходы я сделала, договора скреплены, и на мне их чары. Здесь меня держала только вина перед тобой.

Взгляд Акиры открыто встретился со взглядом Мрель:

— Один мудрец из людей оставил некогда завет: почитай своих врагов выше своих друзей, ибо от них ты учишься большему. Я была врагом тебе, Мрель, но я была тебе и другом. Мы многому научились со времени нашей последней встречи, и я обязана тебе своим учением так же, как ты обязана мне своим. Я уйду с легким сердцем. Расстаешься ли и ты так со мной?

Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза. Потом Акира тепло улыбнулась и протянула Мрель руки.

— И тебе спасибо за все, — прошептала она, коротко сжав ее руки в своих. — Что ж, мне пора в путь, и он неблизок.

Выпрямившись, она огляделась, словно стараясь навсегда запомнить окружающее.

— Хороший это дом, — проговорила задумчиво. — Добротный. И дел у тебя теперь прибавится. Освободились забарьерные земли, надо вычищать накопившуюся в них вековую грязь, вытравлять нечисть. Не забудь посадить там когда-нибудь каштаны: под ними хорошо резвиться в весеннюю луну. А возле Одинокое Дерево можно было бы насадить новый лес. Молодая поросль не восполнит его утраты, но скрасит дни. Оно уже больше не будет столь одиноко, и кто знает, быть может, в его памяти со временем померкнет тот день, когда в здешние края пришел Красноглазый Аи и началось большое противостояние.

Печаль была в ее голосе, но вновь появились в нем знакомые кристально-чистые тона. Задумавшись, Акира стояла некоторое время недвижимо. Потом неожиданно вскинула голову и рассмеялась, словно неведомому противнику в лицо — звонко, вызываяюще, — и сладко потянулась. Широкие рукава ее одеяния распахнулись, напомнив крылья невиданной птицы.

Не сказав более ни слова, она развернулась и вышла из комнаты. Движения ее были бесшумны, и лишь когда гулко захлопнулась тяжелая главная дверь, Мрель поняла, что Акира покинула дом.

И тут Мрель начала ее ощущать. Акира стояла на пороге и дышала часто и неглубоко. Потом ее дыхание успокоилось. Она замерла. И вдруг ее тело

стало стремительно уменьшаться. Прежде, чем Мрель успела понять, что происходит, легкая тень взмыла над лесом и стремительно понеслась вдаль, вскоре затерявшись в бездонной шире неба.

Усталость накатила на Мрель. Она больше не могла ни думать, ни переживать — закрыла глаза, и сон сразу же накрыл ее своим покрывалом, столь похожим на покрывало смерти.

Когда она проснулась, сгустились сиреневые сумерки. В доме было тихо. Мрель смотрела в его глубины, на знакомые вещи, и ей казалось, что здесь ничего не изменилось. словно с ее последнего часа в Мрна распростерло время свои руки над домом и запорошило его глубокими снегами. Но теперь она вернулась, и стайвал невидимый снег.

Начиналось настоящее.

Долго шла она к нему, и тернист был путь, но все же вывел туда, где хотела она быть. Тишина убаюкивала беспокойные воспоминания. Бездумно, тихо лежала Мрель, наслаждаясь покоем.

Наконец, села в постели и осторожно коснулась босыми ногами пола. Бояли по-прежнему не было. Она встала. Прохлада зрелого лета охватила ее, даря ощущение свободы. Дом смотрел на нее дверными проемами, и всем телом чувствовала Мрель слабые потоки воздуха из разных комнат. Но удивительно обострившиеся чувства — словно кровь Акиры и кровь Аи вдохнула в них новую силу — уводили ее дальше, много дальше, давая столь явственно распознать все земли вокруг, словно была она их госпожой. Казалось Мрель, что срастается она с ними и сливается с трепетаньем каждой былинки в них.

И Мрна была вокруг.

Ее чащи и раздолья, просторы и трясины. Глаза ее заповедных озер, вены могучих рек, ветры ее дыхания, сердце неведомых людям гор. Мрна дышала, Мрна жила. Мрель чувствовала биение ее жизни, как чувствовала биение сердца своего. Мощные, невидимые, но ясно ощутимые токи тела Великой Глуши струились сквозь нее, и она была плоть от плоти этого дремучего, сплетенного в самом себе необъятного мира, этой благодати, этой бесформенности форм, этого извечного начала.

Казалось, могла бы стоять так вечно и слушать дали. Но о другом взмолилось сердце. Бесшумно ступая, Мрель подошла к двери в соседнюю комнату, и та неслышно отворилась под ее рукой.

Мала была эта комната, низка и сумрачна, словно берлога. Уютно играло в очаге пламя. Здесь не было мебели, а стены были обиты темным деревом с красноватым отливом. Затвердевшие капли янтаря в нем сияли, как золотые слезы. Запах можжевельного леса стоял тут, и лучились два древних светильника, два матовых шара в выложенных опалами чашах.

А в центре комнаты, на застланном свежим сеном настиле, спал Мрышек. Он привычно свернулся на боку, но лицо его было обращено к ней. Изможденным было оно. Заострились его черты, и тени залегли под глазами. Каштановая копна волос потемнела, и более не пробегал по коже теплый рыжеватый отсвет.

И единожды взглянув на него, больше не отводила Мрель глаз. Она тихо подошла к настилу и легла рядом с Мрышкеком, не решаясь к нему прикоснуться. Смотря ему в лицо, незаметно задремала.

Слепая темнота была во сне — и тепло далекого присутствия.

— Все я делаю не так, — раздался голос Мрышкека, словно донесенный эхом, и эхо шло со всех сторон.

Радостно забилось сердце Мрель.

— Где ты? — спросила она. Вопрос отзвуком ушел в темноту.

Молчание. Потом слабый порыв ветра коснулся ее.

— Я не должен был отпускать тебя, — сказал Мрышек совсем близко. Мрель стремительно обернулась — но его по-прежнему не было рядом с ней.

— Если бы ты не отпустил меня, как бы я уверилась, что хочу быть с тобой? — возразила она. — И как бы узнала, где хочу быть и где мой дом?

Мрышек не ответил. Но просветлела тьма, и Мрель почувствовала тепло его рук на своем лице. Она открыла глаза.

Не изменились золотые крапинки в карих глазах Мрышкека. Опершись на локоть, лежал он возле нее и гладил ее лицо. Их взгляды встретились, и переплетались и врастали друг в друга, как корни деревьев.

— Эй, — сказал негромко Мрышек, и глаза его взблеснули смехом.

ЭПИЛОГ

Так заканчивается эта история о Мрель. Кто знает, когда и как попала она к людям, но рассказывают ее часто, и каждый раз на иной лад.

Рассказывают помимо того еще многое. Говорят, что во времена второго владителя тринадцатой династии, избравшим девизом своего правления слова «Долгий мир», не раз видели Мрель в образе белой лисы, окруженной целым выводком лисят. Также говорят, что прославленная Мренавил, легконогая лучница, обладавшая способностью менять обличье и всем им предпочитавшая облик ласточки, была ее дочерью, а мудрый предсказатель, чародей и толкователь снов Мреноршек из низины Четырех Вязов, тоже обладавший даром менять облик, был ее сыном. Была ли жизнь Мрель благословлена дальнейшими детьми, о том ничего достоверно не известно, но видели ее на протяжении многих поколений и даже династий, и потому заключают, что удалось ей достичь если не бессмертия, то завидного долголетия, и юность ее была неизменна. В приграничных землях севера ее давно уже почитают как мудрую оберегиню, святую и даже богиню, благосклонную к людям и хранящую их на путях Мрна. Жертвоприношений она не признает и к охотникам не благоволит. Распространено мнение, что это она в образе Почтенной Старейшины из долины Серого Камня жила и наставляла своих последователей во времена пятого владителя тринадцатой династии, девиз правления которого был «Сияющее благополучие», пока не ушла обратно в Мрна. Ее руке приписывают известный травник «Девясилье», а также запрещенный и много раз подверженный сожжению безымянный труд, подробно описывающий

процесс достижения просветления и бессмертия посредством пути «дождя и облака». Кроме того, принято считать, что это она составила объемное сочинение «Описание земель и вод», состоящее более чем из двухсот свитков и подробно повествующее о святых местах Марна и Мрна, а также об обитающих в их окрестностях великих духах, богах и странных существах.

Северяне приписывают святой Мрель множество чудотворных сил, таких, как исцеление возложением рук и повеление ветром, водой и деревьями. Она может принимать образ различных животных и птиц, и погружать своим напевом в исцеляющий сон. Ее танец связывает злую волю. Редко, почти никогда не появляется она без сопровождения своего спутника, огромного Огненного Лиса, древнего, наделенного магической силой существа, и много историй сложили о них и передают, приукрашивая, из поколения в поколение и из уст в уста. Рассказывают об их любви и верности, об их странствиях вдвоем. О том, как повержен был Черный Лис и достигнуты Безымянные Горы. Рассказывают о глубинах Мрна, о тайнах и опасностях, подстерегающих в них путника, и об удивительных превращениях живущих там существ. О том, как стала Отторинка, дом Огненного Лиса и его госпожи, зачарованным приютом, радушно привлекающим усталых странников, куда бы ни лежал их путь по глубинам Мрна. Случается, ведут на севере рассказ и о лисице-ацуи Акире, судьба которой накрепко переплелась с судьбой Мрель. Детский голос ее, присущий женщинам-ацуи, особенно нежен, и звонок ее хрустальный смех. У лисицы этой черно-бурая отметина на лбу, и говорят, встреча с ней предвещает несчастье, которое можно предотвратить.

Кто знает, быть может, забылись бы в веках все те истории о Мрель и ее странствиях, которые и поныне еще рассказывают бродячие певцы севера. Но не одни только северяне почитают ее. В южных, и даже в восточных землях, ее судьба тоже оставила свой след.

Под родовым именем Аннорэ знают Мрель южане, и не приписывают ей ни божественных черт, ни святых сил. Спорна ее роль в судьбах юга. Когда Аннанэ и Анноэ, кровные брат и сестра, близнецы, тайно воспитанные на юге, вступили в брачный союз, чтобы сохранить силу своего рода в потомстве, и были подняты родами юга на щиты как предводители Девятилетнего Восстания, встала Аннорэ на их сторону. Никто не знает, откуда вдруг появилась она и как, но признали в ней одну из Анаурак. Могла она, как предки ее в древности, предвидеть будущее, толковать знамения и повелевать силами стихий. Всегда мудр был даваемый ею совет, но никогда не выходила она сама в ратное поле, и не раз уговаривала двоих предводителей сойти с пути воюющих родов и вернуться к истокам Анаурак, ибо никогда не воевали их предки прежде. Когда же главные рода, получив привилегии и торговые права из рук властителя, предали восстание, она исчезла, и в последовавшей междоусобице теряются ее следы. Полагают, что это она встала несколько лет спустя под иным именем и иным обликом у истоков двупальной ереси, приведшей

к расколу в учении богов. Не однозначно это мнение, и все же многое убеждает в его правоте.

Но как бы ни рассудили люди, все это — были, предания и легенды из тех далеких времен, когда Марн и Мрна еще не были во вражде друг с другом, Граница не была сплошной Стеной, а великие звери еще хаживали в мире людей и их богов, и под поступью их прогибалась земля.

МИХАИЛ МИЛОГИН

МАРШ ДЛЯ МАРШАЛА

ОННЫЕ ИНОГДА ПРИВОДИЛИ НА АРКАНЕ чухонца — языка. Обступали, спрашивали его по-русски и по-татарски — как здесь живут? Глупый был народ чухонцы — только моргал коровьими ресницами. Таких языков отпускали редко, — связав, отсылали в обоз, продавали за три четвертака, — иных, очень здоровых, и дороже, — маркитантам».

— Вот таких чухонцев, — сказал Ваня, ткнув пальцем в проходящего финского солдата, и закрыл книжку.

Солдат повернул голову, увидел подростков, глядевших на него из окна, махнул им рукой, поправил винтовку на плече, пошел дальше.

— Ты бы Ванька, осторожней, — сказал Коля.

— А чего бояться? Слова — из книги, книга — из библиотеки, библиотека вся просмотрена херром Саарелайненом, большевицкая литература — изъята. Я разве виноват, что капитан Саарелайнен не знает, что в русской литературе три графа Толстых, а не один?

— Погоди, еще и третий Толстой есть? — удивленный Жуля даже встал с подоконника и начал загибать длинные пальцы. — Один, который про Буратино книжку сочинил, второй — который мяса не ел, а третий — кто?

— Третий — тоже граф, и тоже — Алексей, как и тот, который сочинил про Буратино, — рассмеялся Ваня. — Только он Алексей Константинович. Я как-нибудь, если сна не будет, расскажу про семью вурдалаков. Есть у него такая история.

Оля, шушукавшаяся с Таней на соседнем подоконнике, услышала последние слова и тихо взвизгнула — «оййй, страшно». Жуля, напротив, заинтересовался.

— Ванек, я не забуду. Читать мне не в масть, а вот когда ты рассказываешь — дико выходит.

Ваня усмехнулся, давно уже уяснив, что на языке Жуля «дико» означает сильную и положительную эмоцию.

— Хорошо.

* * *

Если верить капитану Саарелайнену, Ване повезло. По словам офицера, уже к весне второго года войны в осажденном Ленинграде никого из мир-

ных жителей не осталось, все вымерли от голода. А значит, надо радоваться прошлогоднему ранению, которое и привело его в финский интернат.

Поезд, в котором четырнадцатилетний Ваня возвращался из Мурманска в Ленинград, попал под бомбежку. Ваня покинул Питер в июне, обратно отправился в августе, но проехал лишь половину пути и застрял в Петрозаводской больнице. Выздоровел к началу октября, когда в город вошли финны.

Ваню задержали сразу же за больничными воротами и отправили в интернат. Собственно, детдомовских детей, сирот, здесь не было, все от живых родителей.

Финны взялись за ассимиляцию захваченной Восточной Карелии с той же свирепой, неукротимой энергией, с которой они столетиями рубили лес, осушали болота и очищали пашни от черных гранитных валунов. Карелы и велсы получали синие паспорта, славяне — красные. Красный паспорт обычно становился путевкой в переселенческий лагерь, ничем от концлагеря не отличавшийся, а в лучшем случае позволял русским безвыездно жить в родной деревне или городе, выполняя приказы финской администрации.

По одному из приказов, в городах и поселках появились интернаты, в них собирали детей учебного возраста. Уроки — только на финском, вели их учителя из Финляндии, или местные, знавшие язык. Говорить в классах тоже полагалось по-фински, но многие русские детишки выучили в первые недели лишь «пита антекси опитайся» — извинялись перед учителями.

Прежде Ваня не знал ни одного финского слова, кроме обычного топонимического питерского набора: Парголово, Лигово, Коломяги. К удивлению сверстников, выросших в Карело-Финской республике, он уже через полтора месяца говорил на языке победителей и даже подсказывал одноклассникам.

В самые же первые дни, когда Ваня понимал по-фински не лучше новых друзей, ему не раз приходилось выручать директора — госпожу Ханну, почти не знавшую русский. Однако она знала немецкий, Ваня — тоже, поэтому, пока русский словарь госпожи Ханны с двадцати слов не пополнился до трехсот, Ваня помогал директрисе общаться с учениками и рабочими, переводившими часть школы под интернатские спальни.

Позже, на одном из уроков, директор выяснила, что мальчик из Ленинграда читает по-французски. Это повысило статус Вани в глазах госпожи Ханны, а также привело к беседе с капитаном Рейно Саарелайненом, однажды заглянувшим с инспекцией в интернат. Офицера из комендатуры заинтересовало происхождение Вани: не сын ли он высокого советского чина? Объяснить по-иному знание языков и прочую образованность он не мог.

Ваня ответил, что его родители беспартийные. Мать — актриса, отец — преподает в институте, а языкам его учила бабушка, бывший гимназический учитель.

— В Петрограде хороший театр, — улыбнулся офицер, — я хотел увидеть на сцене твою маму. Это быть скоро. До Рождества немцы взяли город. Мы отправим тебя домой, а потом я приехал смотреть спектакль.

— Я не хочу, чтобы это случилось, — ответил Ваня по-фински и повторил по-русски.

– Ты не хочешь увидеть маму? — без улыбки спросил капитан.

– Я не хочу, чтобы немцы взяли город.

Капитан Саарелайнен внимательно взглянул в глаза мальчику. Короткая пауза, и разговор завершился.

* * *

Жулю повезло тоже, причем, в отличие от Вани, в самом раннем детстве. Пусть он и потерял родителей в голодной неразберихе ранних 30-х, на российском юге, но сам остался жив.

Все его детские воспоминания начинались с краснодарского детдома. Документы расстались с ним, как и родители, а директор оказался поклонником знаменитого французского беллетриста, потому и записал безымянного мальчишку Жулем. Как позже выяснилось, подаренное имя действительно символизировало таланты, но отнюдь не писательские, а иные, вытекающие из русской этимологии этого слова.

В детдоме Жуль познакомился с последними солдатами недавней армии беспризорников. С ними же и убежал, благодаря им познакомился с уголовниками постарше. Имя было воспринято как кликуха, и сам его хозяин уже скоро привык, что он не Жуль, а Жуля.

Мелкий, сильный, верткий — природный гимнаст, Жуля несколько раз забирался в форточки, а однажды даже пролез между прутьями решетки, когда их навели на богатого дантиста, жившего в старинной квартире — окна ванной выходили на «черную» лестницу. Как раз за это его и взяли.

Тюрьма понравилась Жуле еще меньше, чем детдом, поэтому, он два раза убегал с малолетки. Каждый побег административно перемещал его на север; после второго, его отправили в карельскую колонию. Поезд ехал как всегда медленно, а потом вообще стал сутками отстаиваться между станциями. Добавились непонятные звуки: вой сирен, разрывы. Караульные скоро и неохотно объяснили: началась война. С кем война, что происходит — они и сами не знали.

Позже вагон с малолетками загнали в какой-то тупик, в безымянном комарином царстве и, похоже, забыли. От тоски и голодухи задумали побег. Сорвались шестеро, но когда охрана, увидевшая беглецов, пальнула в воздух, пятеро вжались в мох и только ожесточенный Жуля помчался дальше, растворяясь в серой карельской полуночи. Болотистое озерцо, в которое он ввалился, стало спасением. Пес потерял след, а снаряжать команду для дальнего поиска по окрестностям, охрана не стала.

Неведомо сколько Жуля плутал по дикому, непривычному лесу, среди быстрых ручьев, озер, болот, огромных валунов, в облаках ненасытного комарья. Также неведомо сколько пролежал у доброго дедушки с доброй бабушкой, живших в полупустой деревне, до которой дополз из последних сил (правда, слышал в полудреме разговор благодетелей: бежал, так сдать надо, а кому сдать, власти уже нет?). Поправился, узнал, как добраться до ближайшего города — Петрозаводска, и, не прощаясь, ушел, прихватив лишь сто рублей. Из чувства благодарности других заначек в избе не искал.

Дорога оказалась долгой — без попуток. На окраине Петрозаводска Жулю арестовала какая-то странная вохра, не понимавшая по-русски. Жуля все же наладил контакт, показав несколько простейших фокусов с копеей и пуговицей. Белокрысы парни смеялись, дали Жулю кусок хлеба и отвезли в интернат. Там Жуля узнал, что Петрозаводск захвачен финнами и теперь называется не Петрозаводск, а Янислинна — Онежская крепость.

Жуля умел подлаживаться к любому начальству, поэтому директор интерната уже через месяц разрешила ему прогуляться в город, естественно, с возвратом до комендантского часа. Жуля вернулся вовремя и расстроенным. Янислинна ему решительно не понравилась.

Не дойдя до рынка, он увидел парнишку, старше его на пару лет, под конвоем двух финских солдат. Нос парня был расквашен, на шее висела пустая канистра. Несколько прохожих глядели на него с печальным равнодушием.

— За что его? — спросил Жуля у старушки, торговавшей шанежками.

— Керосин со склада воровал. В комендатуру ведут, верно, расстреляют, ироды, — ответила бабушка, причем последнее слово произнесла тише остальных.

Это происшествие существенно притушило энтузиазм Жуля, решившего было попрощаться с финским детдомом и пробавляться на свободе, по старым привычкам. Поэтому он решил повременить с прежними увлечениями, пока в Петрозаводске не сменится власть.

Покинуть город — тоже не отважился: других путей, кроме железной дороги, он не знал, а эшелоны были под охраной. Жуле не хотелось выяснять на собственном опыте, как наказывают финны за несанкционированный проезд в товарняках.

И Жуля остался в интернате. А так как, несмотря на свои блатные похождения, характер у него был добрый и уживчивый, Жуля дружил со всеми сверстниками. В том числе и с ленинградцем Ваней, которого уважал за то, что этот парень, его возраста, знал гораздо больше, чем большинство взрослых, встречавшихся Жуле прежде.

* * *

Чуть позже директриса познакомилась с другими Ваниными талантами, которыегодились ей больше, чем разовая переводческая помощь.

В классе стояло пианино; учителя музыки не было, и школьникам запрещалось открывать инструмент. Исключение сделали для Вани, который, без особого труда играл известные песенки и даже мог побаловать слушателей более серьезными номерами, в том числе и «Грустным вальсом» Сибелиуса — это тоже расположило к нему финских педагогов.

Однажды после уроков Ваня наигрывал «В лесу родилась елочка», а Таня стала подпевать.

— Нарушаешь третий пункт школьных правил, — усмехнулся Колька.

— А я не знаю, как эту песню по-фински петь, — ответила Таня.

— Сейчас попробуем.

Ваня наморщил лоб, не просто переводя текст старой рождественской песенки, но и укладывая ее в трехстопный ямб. Пальцы заплясали по клавишам, а он, сам, посмеиваясь, запел первые строчки.

Метясяся сюнтюнют кууси,

Метясяся касванут

И продолжил, добиваясь хотя бы минимальной созвучности рифм.

Госпожа Ханна заглянула в класс. Послушала, потом обратилась к Ване по-фински — тот уже достаточно понимал недавно незнакомый язык.

— Эту песенку нужно спеть перед гостями, которые приедут в школу через неделю.

— Я же петь не умею, — усмехнулся Ваня, — мне медведь на ухо наступил.

Госпожа Ханна поговорку про медведя поняла, но от идеи не отказалась.

— Тогда найди тех, кто умеет хорошо петь. Пусть они выучат слова этой песенки. И начните репетировать с завтрашнего дня.

Причина поспешности выяснилась скоро. В Восточную Карелию приезжала делегация из министерства образования — посмотреть на первые успехи в недавно созданных школах. Госпожа Ханна здраво размышляла, что на вопросы комиссии русские детишки вряд ли ответят по-фински, так пусть хотя бы споют.

Затая удалась на славу. Руины недавних боев и свежая колючая проволока переселенческих лагерей подпортили гостям настроение, но маленький прощальный концерт в школе-интернате их успокоил. Ваня аккомпанировал, Колька, заучивший слова на трудном языке, спел песенку. Сам пианист, а также Оля и Таня, подпевали последние строчки.

Гости, слыша исковерканные, но все же внятные слова, улыбались и умилялись. Пожилой господин, верно посещавший в детстве русскую гимназию, попросил ребят повторить песню уже по-русски и даже сам принял участие:

Метель ей пела песенка,

Спи елошка, бай-бай.

Мороз снежком укутывать...

Потом предложил спеть «какой-нибудь русскую романс». Ваня начал наигрывать «На Муромской дороженьке...», на этот раз запела Таня. Старый парламентарий пробовал подпевать и одновременно переводил песню своим коллегам. Все опять улыбались, подтверждая догадку директрисы о полной удаче своего замысла.

* * *

В следующий раз, уже после Нового года, пришлось вспоминать и петь только романсы и баллады, вроде «Из-за острова на стрежень...». Петро-заводск посетила комиссия шведского Красного креста и благотворительные организации. Расчет финнов был прост: каждая тонна дареной муки снизила бы расходы на прокорм оголодавшего местного населения. Однако концлагеря и пустые деревни могли впечатлить шведов еще больше, чем финских депутатов, одоббивших войну летом 41-го года. В интернат

заглянул капитан Саарелайнен, госпожа Ханна рассказала ему о недавнем концерте, и он решил непременно пригласить шведов в школу, тоже под конец поездки.

— Пусть дети поют только на своем языке, — сказал он директрисе, — гости должны увидеть, что это русская школа. Перед концертом я посмотрю репертуар, чтобы не было большевицких песен.

Директриса кивнула. Знание русского языка пока не позволяли ей отличить советскую песню от фольклорной.

Для нового концерта Ваня уже создал подобие ансамбля. Певицами были Таня и Оля. Колька — лирический тенор, знал немало романсов. Лешка Серов мастерски управлялся с баяном и пел басом.

Лишь на год старше Коли и Вани, пятнадцатилетний Лешка смотрелся как их старший брат с трехлетним разрывом. Паренек из села под Повенцом, он тайком от родителей увязался с деревенскими парнями, направившимися в военкомат, и выглядел столь взросло, что районный военком не разглядел обмана. Позже, когда истинный возраст все же открылся, Лешку направили в трудовой батальон, он рыл окопы к западу от Петрозаводска (выяснилось — ненужные) и попал в плен. Финны все же признали его школьником и направили в интернат. Ваня попросил госпожу Ханну достать для Лешки баян, а Колька и Таня научили его нескольким романсам.

Свои таланты обнаружил и Жуль. Он неплохо пел — правда, не таким пронзительным тенором, как Колька, и отбивал чететку.

Концерт наспех сколоченного ансамбля завершился полным успехом. Прощальное посещение интерната помогло шведам забыть безрадостные картины, увиденные днем. Уже в марте, когда однажды кухня разнообразила меню печеными завитушками из белого теста, без привычных ячменных примесей, госпожа Ханна сказала Ване.

— Мука заработана вашим концертом.

Кроме булочек для всей школы, ансамбль подарил его участникам и сугубые выгоды: право уединенных репетиций, без надоевшего надзора финских педагогов, и защиту от полевых трудов. Господин Саарелайнен распорядился, чтобы подростков из интерната, певших и плясавших в ансамбле, не отправляли сажать картошку. В мае были еще два концерта, для чиновников, приехавших с инспекцией в Восточную Карелию. По просьбе директрисы Ваня переложил с финского на русский несколько детских песен — наглядный пример ассимиляции.

Ваня также собрал небольшую танцевальную группу из малышей; в пришкольной швейной мастерской для них сшили сарафанчики. Однажды заглянув на репетицию, капитан Саарелайнен тихо заметил госпоже Ханне:

— Это наше самое неоспоримое достижение в Восточной Карелии.

* * *

— И вот настал вечер десятого дня, когда старый Горча должен был вернуться домой с победой. Или не вернуться. Вся семья сидела за столом.

Как всегда, все молились и глядели на часы, ожидая, когда они пробьют восемь раз.

Ваня рассказывал медленно, с нужными паузами, цепко держа слушателей.

— И вот часы начали бить. Надтреснутый, глуховатый звук раздавался в полной тишине. И когда они пробили ровно четыре раза, на пороге появился старик. Он был бледен, а одежда — в лохмотьях и крови. Собака, гнавшая домой отару овец, подняла голову и протяжно завывала...

— У-у-у-у-у-у, — Ваня внезапно запрокинул голову и завыл, скорее по-волчьи, чем по-собачьи.

— Ой, — отчетливо произнесла Оля. Пусть и друзья рядом, пусть за окном бледная июльская ночь — все равно, страшно.

Ночные посиделки, с Ванькиными рассказами, стали еще одной малой поблажкой для школьного ансамбля. Остальные детишки укладывались спать в десять, зато певцы могли задержаться в классе, сославшись на неотложную репетицию. Ну, а так как репетиции сводились не только к музыке, но и заучиванию финских слов, учителей не удивляла относительная тишина.

Однажды, майским вечером, заглянула госпожа Ханна. Она выяснила что-то нужное, но не ушла сразу, а подошла к окну, в тот самый щемящий час, когда солнце пусть ненадолго, но прощается с миром. Госпожа Ханна смотрела на бордовый краешек, уходящий за горизонт, туда, где была ее страна. Русские дети тоже молча глядели на закат, откуда к ним пришла война, угнетение, разлука и страх.

Ваня встал с подоконника, и, пожалуй, первый раз обратился к директрисе сам:

— Госпожа Ханна, вы не скучаете по вашим ученикам?

И кивнул головой, не договорив: «...оставшимся в Финляндии».

Госпожа Ханна поняла.

— Мои ученики учились в Выборге. Их эвакуировали в декабре 39-го года, когда вы перешли границу. Мои ученики окончили учебу в пяти разных лянни, далеко от войны, а я осталась смотреть за школой и уехала из Выборга в начале марта, когда подошел фронт. Я вернулась в город в прошлом сентябре. Школу, в которой я работала, разбили снаряды. Моя квартира была разграблена вашими солдатами.

На секунду замолчала, злясь, что тихий вечер испорчен воспоминанием. Потом добавила, не сдержав злости:

— Мне кажется, ваши солдаты так и не поняли, где в квартире находится туалет.

И вышла из класса.

— Так значит, она зарабатывает здесь деньги на ремонт квартиры, — тихо и зло сказала Таня, слышавшая разговор.

В июньские вечера школьная администрация не удивлялась ночным посиделкам ансамбля. На ближайшие дни намечался концерт особой важности. Если прежде подготовкой интересовалась только директриса, то теперь капитан Саарелайнен ежедневно заглядывал в школу.

Впрочем, по вечерам он не заходил и не мешал Ване пересказывать дру-

зьям книги, которые им вряд ли довелось бы читать самим. «Семья вурдалака» — когда за окном сумерки, лучше и не придумаешь.

Ваня рассказывал, бросая взгляды на девочек. Оля всегда слушала с открытым ртом, не стесняясь громко смеяться, когда смешно, ойкать, когда страшно, и плакать, если все заканчивалось грустно. Иногда даже перебивала рассказчика вопросами: «а он в живых останется?» или «они еще раз встретятся?». Остальные слушатели шикали, и Оля замирала, закрыв себе рот ладонью. Ее веснушчатое, курносое, улыбочливое личико становилось печальным, глаза сквозь выступившие слезинки глядели на Ваню, умоляя быть добрее к героям книги.

Таня тоже слушала внимательно, но без оханья, вопросов и, конечно же, без слез. Не раз выяснялось — она уже читала книгу, и даже поправляла Ваню, упрощавшего рассказ упразднением второстепенных героев («почему ты не сказал, что с ним в Италии был барон Франц д'Эппине?» — когда рассказывался «Граф Монте-Кристо»). Было не всегда понятно, интересна ли ей история, от которой замирали остальные ребята, или она слушает из вежливости.

Дочь начальника станции, Таня с первых интернатских дней избежала многих придилок и обид от учителей-финнов; ее словарного запаса хватало, чтобы объясниться, а училась Таня — всем в пример, схватывая на лету любое новое знание и не подавая виду, если она давно это уже знала. На остальных учеников, в основном из пригородных деревень, она поглядывала снисходительно. Высокая, стройная, еще годок возраста накинуть — и комсомолка-пионервожатая.

Поэтому Ване и было так непросто рассказывать книги. Ему не хотелось пугать или огорчать Олю. И при этом не меньше хотелось хоть смехом, хоть страхом, хоть печалью сдвинуть маску вежливого равнодушия с Таниного лица, заставить вздрогнуть тонкий нос и выгнать хотя бы одну слезинку из-под длинных ресниц...

Хотя и Олин смех слушать было всегда приятно.

— Все на сегодня, — сказал Ваня, любивший прекращать повествование на таком месте, чтобы уж точно запомнилось, — продолжение — завтра.

Ребята замолчали, даже Оля, обычно требовавшая продолжения или пояснений к услышанному рассказу. Сидели на подоконниках, глядели в окна, думали о доме и родителях, понимая, что родителям сейчас гораздо хуже.

— Ванька, — спросил Коля, — а правда, что немцы Севастополь взяли?

— Правда, скорее всего, — нехотя ответил Ваня. — Мне Саарелайнен газету показывал — немцы сфотографировались перед памятником Затопленным кораблям.

Опять молчание.

— Ничего, — нарушил тишину Ваня, — англичане с французами тоже брали Севастополь. А он наш остался. И сейчас так будет.

— Вань, — спросил Лешка, — а немцы могут... Ну, вообще... Всю Россию.

— Нет, не могут. Им уже наши дали прошлой зимой. Мы не знаем как, но сильно дали. Сначала по радио финскому слышал, что немцы взяли Кали-

нин. А в феврале нашел газету, читаю: «германская армия успешно обороняется ЗАПАДНЕЕ Калинина». Долгую войну немцы не выдержат, как и прошлую, Мировую. Кто у них союзники? Италия — не могла два года в Абиссинии негров побить. Румыния, которую те же немцы в 16-ом году разгромили одной дивизией, да еще Финляндия — народу живет как в Ленинграде, ну, может быть, чуток больше. А на нашей стороне — Англия, со всеми колониями, Америка, у нее населения раза в два больше, чем в Германии. Мы потерпим, продержимся, союзники на следующий год раскachaются и — задавим.

Ваня говорил решительно, казалось, он старался убедить самого себя в сказанном.

Давалось с трудом. Каждый раз как он козырял знаниями истории и демографии, перед глазами было недавнее фото немцев в Севастополе.

Может быть, и правда ничего уже не осталось от России. Может, и Ленинград взят, и стерт до основания, даже гранит набережных сколот и сброшен в невскую воду, чтобы берега, как и прежде, казались приютом «убогого чухонца». Нет города, построенного Петром, только и остается втихаря посмеиваться над победителями, читая роман, как воины этого царя приводили на аркане чухонцев.

И единственная реальность этого мира — школа, в которой русские дети учат и поют финские песни.

— Приемник бы достать, узнать новости от наших, — вяло сказала Таня, не надеясь на ответ. Ответа и, правда, не было.

Зимой она обратилась к Ване: «Мы же пионеры, как мы можем сидеть без дела, когда страна воюет? Надо связаться с подпольщиками».

А как? Для них Петрозаводск — чужой город, на знакомство с которым выпадало лишь два-три часа в неделю. Не будешь же эти часы гулять по улицам или рынку, спрашивая: где найти подпольщиков?

Все равно, обидно. И потому что ничего не мог ответить, и потому что не мог ответить именно Тане.

Опять молчание. И глухая тоска, которую не забьешь никаким, самым интересным вечерним разговором. Тоска, унылая, как белесые карельские полуночные сумерки.

— Спать пора, — наконец сказал Ваня. — Завтра с утра репетировать. Концерт уже скоро.

— Ваня, извини, — сказала Оля уже в дверях, — так этот Горча вурдалаком стал или нет?

— Завтра узнаешь, — тихо хохотнул Жуль, любивший поддразнивать и попугивать Ольку.

* * *

Ни покоя, ни крова не ждем над головой,
И ненависть наша всего сильней.
Пусть услышат враги наш клич боевой,
Голос брошенных наземь юных дней.

— Сойдет, — уныло, сам себе сказал Ваня, как человек, пусть и плохо, но все же сделавший часть противной работы, — ничего лучше не придумаю. Ребята, как у вас?

— Идет дело, — ответил Лешка раскатистым баском. Он уже смог подобрать песню на баяне, а Колька, как всегда, запевала, разучил первый куплет на финском. Ваня, еще не решивший, как разложить песню по голосам, все же приказал и ребятам, и девчонкам, прослушать ее еще несколько раз, чтобы запомнить знакомые финские слова и зазубрить новые.

Слушали. Репетиционный класс уже второй день стал строевым плацем — звучал марш, причем только один.

Перевести на русский и выучить «Егерский марш» — «Jaakarimarssi» — предложил капитан Саарелайнен.

— На концерте будет много офицеров, которые начинали службу в Егерском батальоне, — сказал он. — Спойте «Егерский марш» на финском, а потом — переведя на русский. И еще пару красивых русских романсов. Но марш — главное.

В подтверждение серьезности просьбы в тот же день в интернат доставили из комендатуры патефон с нужной пластинкой — именно она и превратила класс в маршировальню.

За страну, что ломает столетний лед,
Сегодня уходим в бой мы.
Солнце правды на наших штыках взойдет,
Финляндия будет вольной.
Пусть солнце
на наших штыках взойдет,
Финляндия будет вольной!

— Ванька, что это за егеря такие? — спросил Коля.

Уже к середине зимы Ваня научился бегло читать по-фински, а так как в школьной библиотеке не было недостатка в недавно завезенных книгах по новейшей истории Финляндии, ответил сразу:

— В Первую мировую финны захотели от России отделиться. Ну, не все финны. На самом деле, в этом егерском батальоне всего служило тысяча триста солдат. Они бежали из Финляндии в Германию, а немцы создали из них отдельную часть.

— Предатели, — тихо сказала Таня, — но ведь Россия была тюрьмой народов.

— Стены у тюрьмы были — мелом на асфальте, — усмехнулся Ваня (Жюль хохотнул тоже, представив себе такую тюрьму), — если бы нас стерегли, как эту «тюрьму народов», мы давно бы ушли к нашим. Я читал, как они уходили в Швецию — сел на рыбацью шхуну или перешел залив по льду зимой, — вот и весь побег. Немцы их берегли, ждали, когда смогут в Финляндию высадиться. Так и случилось, после революции. Кто-то из егерей еще раньше в Финляндию прибыл, когда там только гражданская война начиналась, поэтому в белофинской армии у бывших егерей сейчас самые высокие

чины. А этот марш Сибелиус написал. Я и не знал, что в гражданскую войну белофинны воевали под Сибелиуса.

— А Маннергейм, который сейчас всеми финнами командует, тоже был егерем? — спросил Коля.

— Нет. Он служил в царской армии, причем давно, даже в японскую войну воевал. И в Первую мировую, против германцев, тоже воевал в нашей армии (сказал и на секунду замер от логичной и невозможной мысли: как это Маннергейм мог воевать в «нашей армии»?). А после революции приехал в Финляндию. Белофинны его и назначили главнокомандующим, как самого опытного генерала.

— Так что же, если бы мы ту самую, первую германскую войну выиграли, финны бы тогда с нами сейчас не воевали? — спросил Лешка, всегда старавшийся найти какой-то смысл в любой отвлеченной беседе. Сейчас он тешил себя фантазией, представляя, как было бы здорово, не начнись война год назад, и не случись ему бросить родную деревню.

— Но ведь тогда и революции бы не было, — удивленно ответила Таня, не понимая, как можно даже допускать такой поворот истории. — И Сталина.

— Ладно вам, если бы да кабы... — сказал Ваня. — Нам сейчас надо этот марш учить. Я его до конца и не перевел.

Опять заиграла пластинка. Колька, прислушиваясь к финскому звучанию, пел:

Пусть солнце на наших штыках взойдет,
Финляндия будет вольной!

— Ребята, — сказала Таня, когда пластинка в очередной раз доиграла до конца, — а ведь мы тоже... а ведь мы немножко предатели. Если только можно быть немножко предателем.

Тишина была общим вопросом.

— Ведь зачем все это нужно? Они хотят доказать самим себе, что завоевали Карелию навсегда и даже русские их любят. А мы, мы их в этом убеждаем. Песни поем про то, как они с нами воевали. Про то, как они нас ненавидели.

Мальчишки промолчали. Оля удивленно спросила:

— Нам что ли отказаться?

— Нельзя теперь, — ответил Жюль и сплонул в открытое окно, как всегда делал, говоря особо серьезное. Тут уж, когда тебя мусора заловили: раскололся, хоть одно имя назвал, разницы нет, молчишь дальше или нет, ты уже крыса. Или, как на зоне: хоть раз на кума поработал, все, ссучился. И возврата нет.

Ребята, не раз слышавшие рассказы Жуля о блатных порядках, слушали молча. Колька даже кивнул, хотя сам знал о них лишь от Жуля.

Общий взгляд на Ваню. Тот тоже оглядел друзей.

— Самому противно, — наконец сказал он. — Но откажемся, не будет никакой пользы. Офицеры-егеря останутся без концерта, и все. А нас самих — на лесозаготовку. Или в переселенческий лагерь, там от голодухидохнут. Хотите? Молчим. Ну, тогда продолжаем.

* * *

Мы восстанем, как некогда Куллерво,
И священной испив мести чашу,
С мечом в руках, не боясь ничего,
Шагнем горизонты дальше!
С песней новой Суоми,
не боясь ничего,
Шагнем горизонты дальше!

Перевод марша был уже почти завершен. Ребята, запомнив финские слова, вовсю грохали ногами по полу, репетируя оригинальный вариант. Они были одеты в финские военные шинели — капитан Саарелайнен распорядился найти на складе обмундирование подходящего роста. Госпожа Ханна обещала одеть девочку перед концертом в финские платица.

Капитан также решил понаблюдать за репетицией. Ему явно нравилось, он одобрил и поэтический труд Вани. Подсел к нему (Ваня работал за пианино, постоянно наигрывая музыку, чтобы верно уложить слова) и спросил:

— Ты знаешь, кто такой Куллерво?

Настроение у Вани было мрачное и злое — после недавнего разговора.

— Беглый раб, который убил свою хозяйку, обесчестил родную сестру, проклял родных и бросился на свой меч. Если бы я не прочел это в книге, которую прислали из Хельсинки, я бы решил, что это большевицкая пропаганда.

Капитан посмотрел на Ваню, не скрывшего злую ухмылку, так же пристально, как в тот день, когда тот ответил, что не хочет вернуться в Ленинград. Капитан Саарелайнен умел скрывать гнев.

Наконец, заговорил. Фразы были медленными и тяжелыми. Он говорил по-фински, стараясь, чтобы собеседник разобрал каждое слово.

— Я вижу, тебе не нравится переводить песни и играть на рояле для нас. Твоим друзьям это не нравится тоже. Мне не хотелось быть военным. Я инженер, но вы напали на нас, отняли наши земли и заставили нас воевать. Теперь мы победили, и поэтому ты будешь делать то, что прикажу я. На лесозаготовках, недалеко от города, работают русские парни, твои сверстники. Их кормят так же, как и вас, хотя вы не таскаете бревна. Если они ленятся или портят древесину, их наказывают розгами. Я надеюсь, что концерт, который посетит маршал Маннергейм, не будет испорчен. Ты умный парень, и ты понял меня.

Капитан ушел.

— Что он сказал тебе? — спросила Таня.

Ваня взглянул на нее, пытаясь представить, можно ли отнести к этой девочке угрозу Саарелайнена. Не смог.

— Сказал, что концерт посетит Маннергейм, и мы должны отнестись с особой ответственностью.

— «Кровавый маршал Маннергейм», — Таня вспомнила газетный заголовок из прежней, советской жизни. — Вот для кого стараемся.

— Может, домой отпустят после концерта, — несмело предположил Колька.

— Все может быть, — голос Вани стал рассеянным, что-то легло ему на ум.
— Ладно, продолжаем.

Снова играла пластинка, а в перерывах — пианино. Но теперь, доходя до второго куплета, Ваня непроизвольно тихо напевал:

Мы восстанем, как некогда Куллерво,
Обесчестив сестер перед этим...

Оля, раз услышав эти слова, покраснела, а Жуль — усмехнулся. «Калевалу» Ваня пересказывал им месяца три назад, причем историю сиротки Куллерво расписал подробно, учитывая богатство сюжета.

* * *

Перед сном Ваня собрал парней отдельно.

— Вот что, ребята. Ты прав, Жуля, если говорить по твоей фене — мы ссутились. Или стали предателями, если по-русски говорить. Сдались и продались за белую плюшку. Теперь должны показать Маннергейму, что мы уже финны. Еще спасибо, Гитлер не приехал, ему тоже петь бы пришлось. Отказаться — смысла нет. Зато...

Ваня вдохнул, не решаясь сказать. Решился.

— В общем, я первый эти концерты придумал, я за все и отвечу. Вы так по-фински говорить и не научились толком, с вас спрос небольшой. Вы сначала споете этот марш по-фински, потом — по-русски. И скажете — Ванька вам дал этот текст. Сказал — все так и переводится, слово в слово.

После чего, уже прекрасно помня мотив, пропел весь марш, в новом переводе, над которым трудился весь вечер.

Жуль, подвижный на любые хохмы, заржал уже на первом куплете. Лешка крепился до второго, но потом хохотнул тоже. А Колька то посмеивался, то напугано озирался по сторонам.

Все отсмеялись. Ваня глядел на друзей с надеждой и страхом.

— Ты в одном неправ, Вань, — наконец сказал Лешка. — Отвечать — все будем. Ну и что? Я когда хотел воевать пойти, не боялся же, что убьют. А тут, уж, наверно, не убьют, тогда чего бояться?

— Вообще, по-нашему это «выдраться на эшафот», — хохотнул еще раз Жуля, — Когда у тебя на суде последнее слово — лепишь от души, чтобы потом вспоминать весело было. Подписываюсь. Только вот знаешь что, — быстро, горячо добавил он, — чтобы девчонки подальше от этого всего. Мы споем — нам и отвечать. А они вообще не должны на сцену выходить. Особенно Таня.

— А почему именно Таня, не Оля? — невинно и наивно спросил Ванька.

— Ну... Ты сам должен допереть. Она же у нас комсомолка без значка. Крикнет со сцены: «Да здравствует товарищ Сталин!» Всем будет хуже, и ей особенно.

— А почему девчонки не должны? — спросил Лешка, привыкший с детства, что бабы и мужики одинаково трудятся на сенокосе, да и на всех остальных сельских работах.

Жуля подскочил к нему. Казалось, он вырос и надулся, сравнившись на миг в габаритах с Лешкой.

– Не понятно? Может, тебе ума дать?

Ваня, слегка подучивший жаргон, понял, что Жуль намерен не поделиться с Лешкой интеллектом, а заехать в морду. Он успел подскочить и встать между готовым к драке Жулем и ничего не понимающим Лешкой.

– Жулька прав, нечего в это дело впутывать девчонок. Потому что...

Ваня запутался в мыслях, не находя подходящий пионерский аргумент, внятно объясняющий, почему девчонок следует держать подальше от битвы с врагом.

– Потому что... Просто, чем больше людей в курсе, тем труднее тайну хранить. Проще всего говорить «не знаю», когда и вправду не знаешь; пусть девчонки ничего и не знают. И вообще, я это все придумал, я руковожу, я и решаю, кому петь, а кому играть.

Лешка вздохнул. То, что во всех серьезных делах распоряжаются городские, он понял еще до войны.

Жуля что-то тихо ворча, но уже вернувшись к своему привычному росту, отошел от Лешки. Ваня поглядывал на него с чувством уважительного превосходства — мол, понимаю все. Не понимал только, почему выходя из класса, тихо засвистел «Течет реченька, да по песочечку», пару раз кивнув, с улыбкой.

А ведь эту грустную лагерную песенку о любви блатаря-жульмана к девочке-комсомолочке он узнал именно от Жули.

Жуля покосился, но промолчал.

Все торопились разойтись — чтобы девчонки не узнали об этом разговоре, поэтому не заметили боязливого, но все же согласного кивка Кольки.

* * *

План провалился на другой день, по крайней мере, в одной части. И Жуль, и Ваня, а позже, по их примеру Колька с Лешкой, старательно наблюдали за Таней, возвращаясь к первому переводу, когда она входила в класс.

Берег Белого моря, Карелия моя!
Финляндии хватит на всех одной.
Непокорная силе свободная семья —
Под северным небом не быть иной.
Наше счастье — нести твое знамя льва,
Сквозь грохот ружейных залпов,
Идя по дорогам огня и льда
В омытое солнцем завтра,
Породнившись с сияньем,
огня и льда,
В омытое солнцем завтра!

От Тани убереглись, а вот Олину догадливость не предусмотрели. Оле полагалось спеть «Березоньку», но ей было скучно в соседнем классе (куда ее вежливо выставил Ваня), и она то и дело обращалась к нему за советами.

Говоря с Ваней, она всегда глядела на него, широко открыв глаза, казалось, удивляясь, что на свете существуют такие ребята, не похожие на

деревенских и даже городских парнишек, которых она встречала прежде. Ей хотелось, чтобы Иван (как она называла его про себя) говорил с ней о чем угодно, хотя бы и распекал за так и невыученное финское слово. Все равно, обращал внимание.

Однако сегодня ее уши оказались так же внимательны, как и глаза. И после нескольких визитов в класс, где мальчишки вовсю заучивали новый текст, она пришла к Тане.

— Слушай, Тань, ребята затеяли чего-то. Я когда заходила — слышала, они третий куплет марша разучивают и про какие-то могилы поют. И не шутят, серьезно репетируют.

Таня ничего не ответила, зато начала приглядываться к друзьям и скоро добилась успеха: выхватила у Кольки из рук листок бумажки с текстом.

— Вот как здорово, — сказала она, пробежав глазами, — что это мне попало, а не госпоже Ханне.

После чего обратилась уже к «товарищу худруку», как иногда называла Ваню.

— Так вот о чем вы вчера секретничали? Диверсию затеяли? Значит, мы должны этому маршалу в ноги кланяться, а вы хотите ему в глаза плюнуть? Нечестно так. Не товарищески.

Под ее взглядом Ваня смутился. Все объяснения, пригодные для мальчишек, остались на языке. Кроме одного.

— Слушай, Таня. Руковожу я. Эта песня — военный марш, петь и маршировать будут только мальчишки. А вы споете романсы и уйдете со сцены. Можете смеяться в зале.

— Особенно громко, когда вас в комендатуру потащат, — сказала Таня. — Нет уж, давайте будем все вместе. Мы все им кланялись, мы все пропагандой занимались, все и восстанем.

— «Как некогда Куллерво», — сказал Ваня, не зная, что еще ответить возмущенной подруге.

Слова «потащат в комендатуру» обдали его душу холодной жутью. Вспомнил интернатских мальчишек Ваську и Саньку, пойманных на краже картошки из опрокинутой телеги. После посещения комендатуры следы ударов виднелись на их теле и через месяц.

На секунду представил Таню на их месте...

— Споете романсы, и все. А когда мы будем петь «Егерский марш», тебя и Ольги на сцене не будет, — повторил он.

— Ах так! Тогда я вместо романса просто закричу со сцены: «Убирайся, кровавый палач финского народа!» А потом скажу, что сама так решила, без вас. Ну, давай, запрещай мне выходить на сцену! Увидишь, что будет!

Ваня печально вздохнул, чувствуя поражение.

— Оля, а ты как думаешь?

— Ребята, вы молодцы, что такие смелые, — сказала Оля. — Они нас сюда загнали, как скотину, а мы не будем себя, как скотина, вести. Скажем этому, Маннергейму такое спасибо, чтобы запомнил.

Пришлось сдаться. В душе Вани вертелась мешанина самых разных

чувств и мыслей: гордости за девчонок, страха за них (чего врать, за себя тоже), досады, что все обернулось не как задумал, и радости — будем вместе.

Ваньке было всего четырнадцать, но он уже знал: выход из такого состояния — один. Надо вспомнить, что надо делать и начать делать, отгоняя мысли-помехи. А сейчас полагалось готовиться к концерту.

* * *

Капитан Рейно Саарелайнен ненавидел большевиков не по газетным статьям, и не по детским воспоминаниям недолгой гражданской войны 18-го года — в его родном Оулу постреляли пару дней в районе вокзала, и война прекратилась. Большевики отняли у него старшего брата Оскара, умного и справедливого Оскара, который никогда не ошибался...

... Кроме одного-единственного случая, двенадцать лет назад. Тогда в Америке, с крыш небоскребов, имевших свои имена, как корабли, прыгали разорившиеся биржевики. В Германии после уличных боев трупы десятками увозили в морги. Капитализм опять валился в пропасть, уже без мировой войны. Оскар окончательно разочаровался в социал-демократах, вступил в компартию, а потом, оставив младшему брату все родительское наследство, уехал в Советскую Россию.

Уезжая, посоветовал Рейно так и быть дальше инженером, не связываться ни с какой, даже мелкой частной собственностью — все равно лет через пять коммунизм победит по всей Европе.

Оскар поселился в Петрозаводске, в Карело-Финской автономии. Несколько лет от него приходили письма, исключительно восторженные. Правда, половина восторгов основывалась на умелом преодолении бытовых проблем.

А потом послания прекратились. Находчивый и веселый Оскар исчез, как исчезают исследователи Антарктиды, пославшие родным последнее письмо с отходящим кораблем и ушедшие вглубь континента. Разница в том, что таких путешественников находят на следующий год, когда Географическое общество посылает новую экспедицию, и привозят тело для печального обряда.

Оскар исчез в населенном городе. Но бесконечные запросы в советское посольство, письма в Петрозаводск, расспросы тех, кто мог знать, не дали ничего.

Надежда и ожидание перегорели в холодную ненависть, когда грянула война. В декабре 39-го лейтенант запаса Саарелайнен оказался в северном секторе фронта, там, где Красная армия пыталась разрубить Финляндию пополам, вырвавшись к Ботническому заливу.

Рота Саарелайнена несколько дней и ночей (точнее, ночей и дней; в тех краях зима оставляла дню не больше пяти часов), греясь лишь у горящих подвод и грузовиков, терзала тылы 44-й дивизии, пока почти вся дивизия не сгинула в черных лесах, гремящих сорокоградусным морозом. В тех боях, когда слова «отдых» и «пленный» временно вышли из словаря, Саарелайнен заработал контузию, легкое обморожение и капитанский чин.

Когда началась новая война и финны вошли в Петрозаводск, капитан, к удивлению командования, вызвался поработать в городской комендатуре. Не все знали главную причину: младший брат пытался выяснить судьбу Оскара. Не преуспел, но из обрывков и мешанины сведений нетрудно было понять, куда делось большинство финнов, занимавших значимые должности в Карело-Финской автономии. Особенно тех, кто не так давно поселился в стране победивших трудящихся.

Пусть из всех советских учреждений НКВД эвакуировался в наилучшем порядке, капитан Саарелайнен выяснил: большинство финнов расстреляли за «буржуазный национализм». Скорее всего, так погиб и Оскар. Это особенно злило и удивляло Рейно: старший брат не раз спорил с ним, доказывая, что от учреждения всемирной коммунистической республики, которая отменит государства и национальности, больше всего выиграют малые народы. «Все в мире знают, что существуют Германия, Россия и Англия, а кто знает, про Финляндию? — смеясь, говорил он, — вот пусть и не будет ни одной страны». И этого человека могли расстрелять за национализм!

От всего этого, от упорного изучения советской жизни, Саарелайнен еще больше возненавидел большевиков, а русских — просто презирал, за то, что они терпели такую власть. Он ликовал душой, когда в комендатуру поступал очередной донос соседки на соседку, устроившуюся на работу, и скрывающую комсомольское членство, или мелкая советская сошка, отправленная в лагерь, просилась на свободу, обещая оказать любые услуги. Для Саарелайнена русские были выносливыми солдатами (пока не убьют командира и комиссара), в остальном же — трусливыми и коварными существами, всегда готовыми лизать руку с плетью. Существами, которые заманили и убили его брата, всерьез поверившего, будто в такой стране можно построить царство справедливости.

Но Саарелайнен уже привык, поэтому особенно и не удивился, когда русский мальчишка (вообще-то, талантливый, сообразительный) — стоило ему намекнуть на лесозаготовки — начал готовить концерт с удвоенной энергией. Даже когда подбирали романсы, проявил знания, выбрав «На сопках Маньчжурии», ведь именно Японская война стала первой войной маршала Маннергейма.

— Вы молодцы, — сказал редкий на комплименты финн и больше не тревожил интернатских ребят до концерта.

* * *

Госпожа Ханна всегда следила за чистотой в школе и на детских лицах. В этот день — особенно.

Актовой зал школы был надраен еще с вечера и, на всякий случай, еще раз вымыт утром. Детишек, в основном младшеклассников — старших в интернате почти не осталось, развезли по полевым работам, — заранее рассадили в задние ряды. Ребятя по мышиному перешептывалась, гадая, кому же предназначались два десятка передних мест.

Оправдалось самое фантастическое предположение. В пятом часу вечера зал наполнили офицеры. Пришедших было много, но и дети, и учителя, смотрели лишь на одного визитера — пожилого господина, с короткими усиками и вытянутым овальным лицом. Его походка, прямая и лишь чуть-чуть подшаркивающая, напоминала: я — кавалерийский офицер, способный хоть сейчас опять вскочить в седло и повести в атаку полк. Главнокомандующий Финляндии Карл Густав Эмиль Маннергейм умел заставить окружающих забыть, что ему недавно исполнилось семьдесят пять лет.

Госпожа Ханна забежала впереди, указывая гостям предназначенные места. Она ощутимо волновалась; в ее волнении доминировал не страх за собственную карьеру, а истинное желание послужить национальному герою, дважды вырвавшему в битвах независимость страны. Ее глаза то обегали зал, то снова возвращались к лицу маршала, робкая улыбка, нечастая на ее лице, выглядела вопросом: «Вы довольны моей школой?»

Ване даже стало немного жалко директрису; он притушил жалость, вспомнив, как госпожа Ханна раздавала подзатыльники ребятишкам, и к весне не способным объясняться по-фински. Тем более, глядел он не столько на директрису, сколько на высокого гостя. Старался запомнить, здраво полагая, что видит его первый и последний раз в жизни.

Госпожа Ханна тем временем превозмогла волнение, да и на лице Маннергейма читалось одобрение всему увиденному за день. Интернат ему явно понравился.

— Господин Главнокомандующий, мы рады приветствовать Вас. Наша школа работает меньше года, но мы сделали все, чтобы она стала одним из очагов финской культуры в освобожденной Карелии и городе Яанислинна. Наша особенность — мы дали приют не карельским или вепским, а только русским детям, лишившимся родителей (Таня хмыкнула, чуть слышно и зло). Среди невзгод и лишений войны мы сделали все, чтобы заменить им матерей. Ученики благодарны нам за заботу и стараются хоть как-то отблагодарить нас. Сегодня для них особый день. В Вашем лице, господин маршал, они хотят поблагодарить весь финский народ, освободивший их от большевизма и поделившийся с ними хлебом, когда и в самой Финляндии нет лишнего куска.

«Свинья, — подумал Ваня, — неужели думает, что никто из нас не понимает по-фински? Или ей наплевать?»

— А сейчас мы предлагаем маленький концерт. Вы увидите, как русские дети берегут свою, не оскверненную большевиками культуру, но главное, как они стараются приобщиться к финской культуре и поблагодарить своих освободителей. Пожалуйста!

Послышалось короткое хлопанье. Офицеры переговаривались; под маской вежливого интереса читалась очевидная надежда, что концерт и вправду выйдет маленьким.

Поднимаясь на сцену и садясь за пианино, Ваня взглянул на капитана Сарелайнена. Тот о чем-то беседовал с Маннергеймом, показывал на сцену и улыбался. Ване показалось — показывает именно на него.

Поначалу был простой и невинный номер — Оля и Таня спели по-фински сельскую песенку, про семью на сенокосе. В припеве Колька, на редкость умело для себя, выговаривал финские слова.

Потом они ушли вглубь сцены. Перед зрителями остались двое — Лешка с баяном и Жуля.

— Русский романс «На сопках Маньчжурии», — объявил он.

Ваня, по-прежнему сидевший за пианино, то и дело взглядывал на Маннергейма. Он заметил, как дрогнуло лицо маршала, как одно-единственное слово вынудило его расстаться с прежним равнодушием. До этого он глядел на сцену одним глазом, глядел честно, как человек привыкший соблюдать правила любой игры, в которую согласился играть. Никто не обвинил бы его в невнимании, но никто и не мешал ему думать о линии фронта, о резервах, ресурсах и планах.

Теперь Маннергейм глядел на сцену в оба глаза.

Тихо вокруг,
Сопки покрыты мглой,
Вот из-за туч блеснула луна,
Могилы хранят покой.
Белеют кресты — это герои спят.
Прошлого тени кружат давно,
О жертвах боев твердят.

Жуль умел петь от сердца. В расстегнутой вышитой рубаше, с глазами, поднятыми к потолку, казалось, он горевал над полем далекой битвы, от которой в России ничего не осталось, кроме нескольких песен.

Таня даже не взглянула на маршала, а смотрела только на Жуля. Любовалась, забыв все претензии к его воровским словечкам и смеху, просто любовалась, и все.

Жюль на миг опустил голову, заметил ее глаза и прибавил силы, хотя уж куда больше. Казалось, он хотел прослезить люстру.

Ваня заметил эту переглядку и даже чуть-чуть разозлился. «Ты бы на маршала взглянула, — думал он, — посмотрела бы на реакцию. Ну и что, что Жуля так поет, ведь эту песню я выбрал! Он сам бы никогда не догадался такое ему спеть».

Сам усмехнулся, поймав свои мысли.

А на Маннергейма стоило посмотреть. В его взгляде не было ни рассеянности, ни интереса. Он весь был там, на тех далеких сопках, где ему пришлось принять первый бой в своей жизни, когда он защищал совсем другое знамя и, конечно же, был уверен — под другим флагом биться не доведется.

Так спите ж, сыны,
Вы погибли за Русь, за Отчизну.
Но верьте, еще мы за вас отомстим
И справим кровавую тризну.

Конечно же, он не раз слышал этот вальс в годы шальной первой революции. Слышал и позже, верил: когда-нибудь придет время мести. Но, не пришло.

Говорят, что присягают один раз. Маннергейму пришлось присягать дважды.

Да, страна, которой он присягнул впервые, предала его, отказавшись от патриотизма и даже от своего имени. Да, она отрекалась и глумилась над своими защитниками-офицерами, от царя-главнокомандующего до прапорщика. Да, корчившаяся в красном бреде Россия признала неблагонадежными, но чаще — врагами — людей, сражавшихся за нее три с половиной года. И Маннергейм ничего не был должен распавшейся империи.

Все равно для кадрового офицера первая война — первая любовь. И со сцены текло надрывное, переливчатое напоминание о той первой войне. В которой будущий маршал Финляндии сражался в русской армии, а не против русской армии.

Жуля замолчал. Несколько секунд — тишина. Потом потекли хлопки, по-прежнему негромкие, но продолжительные. Дольше всех хлопал сам маршал.

Капитан Саарелайнен улыбнулся директрисе, та тоже с улыбкой кивнула ему.

Ваня встал из-за пианино. Поправил галстук, обернулся к залу. Говорил по-фински, медленно и отчетливо.

— Уважаемый господин маршал, уважаемые гости. Сейчас мы живем и учимся в нашей замечательной школе. Мы знаем, что это счастье нам подарила финская армия, освободившая Восточную Карелию от большевиков. Мы долго думали, как отблагодарить вождей финской армии за этот подвиг и решили исполнить финский марш, на финском и русском языке.

Вернулся за пианино. Лешка опять растянул меха, а Колька и Жуль, одетые в короткие финские шинельки и с пилотками на голове, спели «Егерский марш» по-фински.

Пели, конечно, путаясь в словах, поэтому, после последнего аккорда в зале и аплодировали, и смеялись. Хлопали, правда, больше.

Ваня опять встал, взглянул в зал. Громко сказал.

— А теперь послушайте, как он звучит в моем переводе. Я очень долго переводил эту замечательную песню и постарался вложить в нее все чувства, которые должен испытывать каждый русский в Карелии, освобожденной финской армией.

Тишина. Ваня ударил по клавишам и запел. Грянул баян, ребята подхватили.

Кроме мести нет чувства для нашей души,
Чуть от злобы душа не сгорела,
Но коль немцы в Россию с войной б не пришли,
Мы в поход не собрались бы смело.

В зале — тишина. И еще глубже, чем перед песней. Офицеры свиты русский знали достаточно, чтобы разобрать хотя бы половину слов.

Горько плача, сегодня уходим мы в бой,
На душе и тоскливо, и грустно,
Потому, что хоть мы все в бою умрем,

Финляндия будет русской
И хотя мы все,
как герои умрем,
Суоми станет русской!

Если возможен взрыв взглядов, то именно это и произошло. Офицеры буквально таращились на сцену. Живой классик Сибелиус, украсивший марш повтором двух последних строк, не позволил затеряться окончанию. Поняли все и поняли все.

Ребята пели от души, сильнее и злее, чем финский вариант. Они оттапывали последние строчки, будто пытаясь заменить целый полк, походным маршем входящий в захваченный город.

Госпожа Ханна встала, шагнула к сцене, но капитан Саарелайнен удержал ее за руку и показал на маршала. Тот еле заметно покачал головой, продолжая наслаждаться концертом.

Двести верст мы прошли по России с войной,
Но не видим ни счастья, ни пользы,
Если нас разобьют и погонят домой,
Как бы тысячу верст бежать не пришлось бы,
Мы познаем сестер своих, как Куллерво,
И родню проклянем напоследок,
Потому что каждый егерь — герой,
Ну, а стыд для героев неведом!
Ведь каждый финский
егерь — герой
А стыд героям неведом!

Госпожа Ханна покраснела. «С чего бы, — удивился Ваня, — ведь в школе проходила “Калевалу”, это у них как “Евгений Онегин”».

Остальные зрители-финны переглядывались. Кто-то шептал соседу на ухо — вероятно, переводил.

Маннергейм смотрел на сцену спокойно. Так умелый командир конницы видит гибель своего дозора вдалеке и старается запомнить картину разгрома, чтобы не повторить ошибку в будущем. Отряд на другом берегу разбит и списан, о его судьбе думать нечего. Лишь бы не сделать поражение двойным, выдав себя растерянностью и гневом.

«Получилось! — думал Ваня, — всадили в десятку!»

И он с еще большей силой и пел, и гнал музыку из пианино, и ребята старались тоже — Лешка рвал баян, Колька и Жуля — глотки. Девчонки тоже подпевали, да еще маршировали, стуча каблуками по доскам сцены. Оля к удивлению друзей — сама придумала, даже нацепила шапочку с «рогами» из сухих веток и старалась перемаршировать всех, чуть язык не высовывала.

От Онеги до Выборга много земли,
Ее хватит нам всем на могилы!
Мы ушли на войну из родимой семьи,
И в России безвестно погибли.
Нет ни сил, ни рассудка назад повернуть,

Будто нами командуют черти,
Сквозь лед и пламя мы держим путь,
Идем к позору и смерти!
Сквозь снег и огонь
егеря идут
Навстречу позору и смерти!

Песня замолкла. Ваня встал, обошел пианино, вытащил из-за него никем не замеченную свернутую школьную географическую карту, встряхнул, разворачивая. Жуля подхватил ее за другой конец и они подняли бумажную развертку на вытянутых руках.

На физической карте территория СССР была заштрихована красным карандашом. Точно такая же штриховка покрывала и всю Финляндию.

Ваня последний раз исполнил дирижерские обязанности на этом концерте, взмахнув свободной рукой.

— Наше дело правое, мы победим! — нестройным хором выкрикнули ребята.

Вот тут наступила настоящая тишина.

Ее прервали аплодисменты. Первым захлопал Маннергейм. Он ударил в ладоши три-четыре раза, негромко, с нарочитой ленцой. Так лидер страны без всякой радости и охоты принимает верительные грамоты посла недружественной державы. Существует неизбежная дань приличию, и Маннергейм ее отдал.

Маршальская свита зааплодировала тоже, но каждый хлопнул по два-три раза и совсем тихо. По залу пронеслось наэлектризованное, злое шуршание. Правда, разбавленное несколькими звонкими хлопками малышей с задних рядов.

Несколько раз хлопнули и учителя. И только госпожа Ханна и капитан Саарелайнен сидели неподвижно, глядя на сцену.

Ване стало страшно. Ему пока хватало сил не бояться за себя, но он представил, как Оля и Таня видят эти взгляды.

Между тем, Маннергейм обратился к капитану. На его лице была улыбка, та самая, что в тогдашней, перемешанной Европе, неизменно выдавала аристократа, пусть и служившем привратником в собственном родовом замке.

— Господин Саарелайнен, не расстраивайтесь. Вы хороший фронтовик, а как я заметил давно, хорошие фронтовики не всегда бывают хорошими пропагандистами.

После чего встал и, не глядя на сцену, направился к выходу. Свита потянулась следом.

Жюль скатал карту, поставил в углу. Оля сняла свой рогатый убор. Ее руки чуть-чуть дрожали. Колька замер в полушаге — казалось, он хотел равняться с места, но не решался.

Гости покинули зал. Последним вышел Саарелайнен; уже в дверях он обернулся и коротко командовал, глядя на сцену: «Остаться здесь!»

Госпожа Ханна немедленно затрепетала выгнала малышня. Потом подскочила к ребятам.

— Вы свинья. Злая свинья без совест! — И, перейдя на финский: — Вы неблагодарные русские свиньи. Вы забыли, что мы освободили, что мы кормим вас.

Ваня шагнул вперед. Его голос дрожал, но финские слова шли на язык так легко, как будто он думал по-фински.

— Госпожа Ханна. Ваша армия награбила в Карелии столько продовольствия, что вы могли бы кормить детей, отнятых у родителей, еще много лет.

Директриса хлестнула его ладонью по щеке, потом, еще сильнее — по губам. Ощущая соленый привкус, Ваня обернулся и схватил за руки Таню, которая шагнула к директрисе, выкрикивая все известные ей финские ругательства.

— Танюша, спокойно, ты ожидала другого? — сказал он по-русски, и опять обернулся к госпоже Ханне: — Вы продолжаете знакомить нас с финской культурой?

Директриса остановилась, тяжело дыша. Потом произнесла:

— Мы старались относиться к вам, как родители к детям, а вы... Родители, у которых дети стали неблагодарными свиньями, обязаны их воспитывать. Мы будем делать это сейчас.

— Что она сказала? — спросил Колька, не в силах скрыть страх. Остальные ребята, кроме Тани (та поняла и стояла, отвернувшись и закусив губу), глядели на Ваню тревожно и вопросительно.

— Она сказала, что хорошие дети так с родителями не поступают, — ответил Ваня, почти беспечно.

Ждать обещанного пришлось недолго. Вошел капитан Саарелайнен, за ним — шестеро солдат комендантской охраны. Двое несли охапки длинных ивовых прутьев.

* * *

— Ванечка, ты как?

— Терпимо, — со стоном соврал Ваня.

Без сознания он провалялся долго и в себя приходил медленно. Казалось, что больно даже открыть глаза.

Кто-то — Ваня не мог вспомнить — перетащил его в спальню. На табуретках перед кроватью сидели Оля и Таня, с покрасневшими и встревоженными лицами. За окном белели вечерние сумерки, а может, даже и ночные — не разберешь в эту пору.

На теле, от плеч до коленей, лежали мокрые тряпки. Даже мысль пошевелить ногой немедленно отдавалась болью.

— Как ребята? — спросил он.

— Порядок, — донесся голос Жуля. — Неделью, вот только, не сядешь.

— А вы?

— Что мы? — невесело усмехнулась Таня. — Мы, видишь, сидим. Зато...

Ваня пригляделся и застонал, закусив и без того искусанную губу. Голова Тани была выбрита. Олина голова — тоже.

— Ладно, — лицо Тани скривилось, то ли в усмешке, то ли в подавленном

всхлипе, — вам хуже пришлось. А уж как тебе — не сказать. Я думала, у меня сердце выскочит, когда видела, как тебя...

Другое чувство, казалось бы, совсем неуместное в эту минуту, толкнуло Ванино сердце. Он взглянул в глаза Тани.

— Правда, чуть не выскочило? — прошептал он.

— Правда, — так же тихо ответила она, нагнулась и поцеловала Ваню в щеку.

Потом Оля вышла, чтобы намочить несколько тряпок — на примочки. Таня рассказывала новости.

— Часа через два после того, как все закончилось, пришел фельдшер. Говорил, что его Саарелайнен прислал. Осмотрел тебя и остальных ребят, объяснил, как нужно лечить. Про тебя сказал: раз ты живой, значит, будешь жить. А еще сообщил, что Саарелайнен покидает комендатуру. На фронт уходит, сам решил.

— Бальзам на душу. Или, на другое место, — усмехнулся Ваня.

Даже улыбка отозвалась болью в «другом месте». А может, потому, что к нему подошла Оля, осторожно сняла подсохшую наволочку, заменив ее мокрой тряпкой.

На его глазах появилась слезинка. От тихой радости, что, по крайней мере, этот день — прошел. А что впереди — неведомо. Но сделано так, как нужно.

— Ребята, — сказал он громко, — так, чтобы его услышали все в спальне, — а все-таки здорово мы им врезали! Крепче, чем они нам! Победили!

ОЛЬГА ЧИБИС

ЦЕПИ ДЛЯ ДЕМОНА

П

ОСЛЕДНИХ ПАРУ НЕДЕЛЬ ОН НЕВАЖНО СЕБЯ чувствовал. В голове поселилась странная тяжесть, да и тело утратило привычную легкость; горло ежеминутно пересыхало, перед глазами плавали красноватые червячки, между рогами чесалось. А в ушах иной раз раздавалось противное скрипучее хихиканье. Впрочем, последний симптом, вполне вероятно, можно было списать на слишком частые посещения подвала.

Наверное, ему просто надо развеесться. Встряска — вот лучшее средство от любых проблем! Пожалуй, он все-таки пойдет на сегодняшнюю вечеринку. Он уже очень давно не был в родной среде, а тут — столетие со дня окончания университета, событие как-никак...

— На чем мы остановились? — спросил Дэвин, с трудом сконцентрировавшись на работе.

— Ты предлагал мне сделку. А я сказал, что мне это невыгодно.

Дэвин вперился взглядом в сидящего напротив умника. Потертая одежда, прилизанные волосы, дорогие сапоги, серьга дешевого золота в левом ухе... Ни рыба ни мясо. Тот еще, одним словом, фрукт! И принесла же его не-легкая именно сейчас, когда он, Дэв, ни рукой, ни ногой.

— Почему невыгодно? Я тебе — удачу, ты мне — правило поведения. Какое тебе не жалко?

— Да бери хоть все!

— Все?

Н-да-а-а... Дэвин опустил на ладонь все больше тяжелеющую голову. С таким он еще не сталкивался. Люди всегда до последнего цеплялись за свои установки, причем тем сильнее, чем больше те мешали им жить. «Бери хоть все»! Такое впечатление, что он просто не понимает, о чем говорит. Дэв бился с ним уже полдня, прощупывая то так, то эдак, — ни один прием не срабатывал! Похоже, само представление о каких-то там правилах у этого фрукта отсутствует. Начисто. Да нет... Ну не может такого быть!

Парень развязно-лениво отхлебнул из кубка.

— Я всегда думал, что демоны стараются купить твою душу, а взамен вы-полняют все желания...

Дэвин заскрипел зубами. Целую душу купить, скажите пожалуйста! Не объяснять же этому проходимцу, что на такое лишь мастера способны, а он, Дэв, пока только практикант!

— На удачу я и так не жалуясь, — продолжал Фрукт, — а вот чего мне хотелось бы, так это как следует развлечься. Что ты мне можешь предложить?

Развлечься... Какой примитив! Дэв даже вздохнул.

Вообще-то можно было попробовать. На душу, конечно, не замахиваться, нет. Просто устроить прощелыге «развлечений» по полной программе (тем более что набор их в местном убогом социуме весьма невелик), попутно нанеся побольше урона окружающим. Один из самых простых и безопасных способов доказать свою вредность для рода человеческого. Проще только «путь беса»: выбираешь кого-нибудь из людей, желательно поамбициознее, и незаметно следишь за ним, чтобы быть в курсе всех его дел и в нужный момент подсказать, как быстрее и эффективнее добиться желаемой цели... А если при этом пострадает кто-то другой — ну что же, бывает. Такова жизнь! А затем просто оставляешь свою визитную карточку там, где организовал неприятности, — чтобы старшие могли проверить твою работу. (У людей это, кажется, называлось «бес попутал». Но это глупости: во-первых, бесы тут ни при чем, они сами по себе; а во-вторых, никто из демонов никого из людей никогда и ничем не опутывал, скорее уж наоборот: люди получали шанс сделать то, чего давно уже требовала душа, задавленная грузом всевозможных условностей. Чем не благородная миссия — с человеческой точки зрения?) Объект ни о чем не догадывается, потому и риска никакого: нет контакта — нет проблем.

По такому пути пошел Дивус, лучший друг... Дэва это, помнится, сильно удивило. Ежеминутно вскакивать, куда-то нестись, постоянно маскироваться, что-то узнавать, организовывать, кого-то убеждать, уговаривать, соблазнять... Столько суеты, возни, дурацких мелочных хлопот! И все ради чего? Чтобы где-то там кто-то на кого-то обиделся? Чтобы один мелкий хмырь перешел дорогу другому, а ты заработал пару баллов? «Путь беса». Ну разве это масштаб для настоящего демона?! Смех один. Вот что значит посвятить столько времени ЗАЧЕСу — больше, чем риторике и прогнозированию вместе взятым! Сам он такой вариант даже не рассматривал.

Дэвин был очень ленив.

Поэтому и не желал в свое время тратить энергию на ерунду вроде этого дурацкого ЗАЧЕСа с его прописными истинами. (Ну в самом деле, сколько можно твердить о важности ЗАщиты от ЧЕловеческих Свойств?! Ему, Дэвину, вполне хватило трех или четырех занятий, чтобы вдосталь наслушаться, как переливается из пустого в порожнее.)

Гораздо больше ему нравился МОЖЕСИТ — моделирование желательных ситуаций. В самом деле, если можно предвидеть основные линии ближайшего будущего, не сходя с места, зачем куда-то нестись? Да, наверное, именно благодаря своей лени он так преуспел в моделировании. Как он управлялся с шаром! На всем курсе ему не было равных.

В МОЖЕСИТе он и упражнялся каждую свободную минуту. И еще в риторике. А ЗАЧЕС — самую нелепую дисциплину, которую только знал, — выбрал исключительно затем, чтобы, прогуливая его, высвободить время

для любимых занятий. Или, прячась на лекциях за спиной Дивуса, дремать, приходя в себя после очередной пирушки.

Дивус же, друг его детства, был всерьез увлечен этим смехотворным предметом: часами просиживал над свитками, хвостом ходил за профессором... И на экзамене, конечно, снабдил Дэва шпаргалкой. Что самое удивительное, она оказалась правильной. (Они частенько разыгрывали друг друга подобным образом. В прошлую сессию, например, Дэвин подсунул приятелю такую «шпору», что того чуть не вышвырнули из университета. Это на последнем-то курсе!)

ЗАЧЕС Дэв сдал блестяще.

А местом двухсотлетней преддипломной практики выбрал небольшой старинный замок в лучшем духе традиции, разогнал привидений, установил в потайной комнатке свой хрустальный шар для МОЖЕСИТА, а в расчищенном подвале — кусок янтаря. После чего потянулся, развалился прямо на полу и стал ждать.

Ждал он недолго. Замок стоял в стороне от полузаброшенной дороги: ездили по ней нечасто (места пользовались дурной славой) и в основном охотники, торговцы, мелкие разбойники и прочие любители приключений. В тот самый первый раз, положивший начало «копилке», к нему за явился мелкопоместный дворянчик в потертом камзоле, с высокомерно вздернутым подбородком и страстной мечтой выиграть затянувшуюся тяжбу с соседом за право собственности на клочок бесплодной болотистой земли. Дело чести. Родовая гордость. На то, чтобы выяснить детали, Дэвину с его опытом риторики понадобилось несколько минут. Дворянчику просто до зарезу нужна была Удача. Но... он очень не хотел за нее платить. Ничем. Вернее, дело даже не в том, что не хотел — как будто просто НЕ МОГ. Не мог до такой степени, что скорее готов был отказаться от заветной мечты... Так они и ходили вокруг да около, пока Дэвиса не осенило: «А ты отдай мне то, что мешает тебе заплатить!» Упрямец подумал, подумал и... согласился, передав таким образом в полное распоряжение Дэвина одно из своих жизненных правил — его можно было сформулировать как «никаких дел с демонами!».

Как только сделка вступила в силу, от головы человека отделилась едва видимая беловато-прозрачная змейка — Дэвин тут же схватил ее рукой в специальной рукавице (мелочь, но близко к себе подпускать не стоит!), смял в комочек, рысью понесся в подвал и там со всей возможной осторожностью поместил в янтарь. И напоследок даже игриво погрозил ей пальцем.

С этого момента все пошло как по маслу...

— Значит, так, — определился наконец Фрукт. — Хочу денег. Побольше и, желательно, золотом. Хочу женщин — самых молодых и красивых, разумеется. Хочу десяток роскошных камзолов и экипаж...

Тоска зеленая! Оживившийся было Дэвин почувствовал, что у него слипаются веки. Прямо как на лекции по ЗАЧЕСу: «Наиболее распространенными качествами людей, заставляющими их страстно желать материальных ценностей, власти, любви красавиц/красавцев и прочего, явля-

ются не только зависть, алчность, неуверенность в себе, но и сострадание, жалость, любовь к ближнему... Внимание: любое из вышеперечисленных человеческих свойств в силу своей крайней информационно-энергетической нестабильности при непосредственном контакте меняет природу демона!» Одно и то же, всегда одно и то же! А Дивус занимается этим десятилетиями... да что десятилетиями — на столетия уже счет пошел! Неужели еще не свихнулся?

«Нет, все-таки я был прав — это не для меня», — подумал Дэв.

Ему гораздо больше нравилось устраивать набеги на погреба крестьян, запасаясь сырьем для коктейлей, а в сумерках шататься по окрестностям и пугать местных девушек, показываясь им в своем натуральном виде. Девуцы так забавно визжали, так быстро улепетывали, побросав корзины... Чтобы немедленно распустить слухи о лохматом призраке с хвостом и рогами. Старики многозначительно кивали в ответ и по вечерам, при неровном свете лучин, принимались шептать об ужасах, что творились некогда в стенах замка (Дэв иной раз подслушивал, умирая со смеху), и обязательно вспоминали поверье: тот, кто отважится зайти внутрь, оседлает удачу... Слухи обростали подробностями, затейливыми, как маскарадный костюм, и разлетались — приманкой для смельчаков и авантюристов.

И они приходили... и попадали в руки Дэвина... и уходили. А потом возвращались — легендами о везучести. Кто-то победил в войне. Кто-то получил огромное наследство. Кто-то отличился перед королем, выиграл пари или выгодно женился... Дэв расслабился окончательно.

Ему ведь даже делать ничего не приходилось! Он просто забирал у них то, что мешало им победоносно идти по жизни. Лишившись привычных внутренних ограничителей, его «клиенты» расправляли плечи и, словно сорвавшись с привязи, неслись напролом, сметая все на своем пути, подобно раненому носорогу. И, как правило, добивались успеха — сами. Замок вполне оправдывал свою репутацию, Дэв жил в свое удовольствие и основную часть времени проводил, экспериментируя с горячими коктейлями на основе местного самогона. Периодически упражнялся в риторике, чтобы пополнить свою коллекцию прозрачных «змеек» — подтверждение его демонической зрелости. В последние десятилетия он и в подвал уже не спускался, отправляя их в камень одним щелчком, лишь силой мысли. Блистательно опровергая широко распространенный стереотип «демона ноги кормят».

— Так что, по рукам? — нетерпеливо спросил Фрукт. — Ты мне обеспечишь красивую жизнь на полгода; ну, а потом, если мне все понравится, получишь душу.

Вот идиот! Неужели не знает, что ничего не бывает за просто так? Не-преложный закон всех миров. Если через полгода пройдемцу «вдруг» что-нибудь «не понравится», оплатить, как минимум, потраченное время он обязан. Не целой душой, нет. Частью, пропорциональной стоимости оказанных услуг. Это даже оговаривать не обязательно. Самому Дэвину, ясное дело, даже частица человеческой души не нужна — была охота

связываться! — но ведь ее можно продать... «По рукам!» — чуть было лихо не ответил он, но какой-то странный голосок в сознании натужно просипел: «Это нечестно!»

«Честно»? Да он значения этого слова толком не понимал! То есть не должен был понимать... Дэвин глухо застонал и вцепился когтями себе в шевелюру.

— Эй, ты чего? — озадаченно поинтересовался Фрукт.

— Заткнись, — почти попросил Дэвин, с тревогой прислушиваясь к ощущениям. «Грубить нехорошо!» — назидательно скрипнул голосок. — Знаешь что? Ты мне надоел!

— Ты это кому? — безмятежно поинтересовался Фрукт.

— И тебе тоже! — взревел Дэв. — Ну помолчи, пожалуйста, что тебе, трудно, что ли?!

— Странный ты какой-то, — заметил хмырь, потягивая вино. — А ты точно демон? Уж больно на человека похож, даром что волосатый...

Нет, ну это уже слишком!

— Думай, что говоришь! — проорал Дэв и с размаху запустил в проходимца серебряным кубком. Конечно, человеческим страстям демоны неподвластны, но своя-то, демоническая гордость у них имеется!

Фрукт, к сожалению, успел нырнуть под стол. Но ничего, он свое получит! Дэвин перевел дух и прислушался. Неужто снова хихиканье?

Он просто слишком долго прожил в одиночестве. Странно, конечно, но в последние годы ему все меньше хотелось видеть кого-нибудь из... своих. Ну ничего, сегодня от вознаградит себя! А заодно продемонстрирует друзьям-приятелям свой «фирменный» коктейль «вырвиглаз»: горячий самогон со жгучим перцем и муравьиной кислотой — второе свое достижение после прозрачных змеек.

* * *

Переступив порог кафе, где проводилась вечеринка, Дэв счастливо вздохнул. В воздухе витал тонкий аромат серы, под потолком горели синим пламенем шары, на сцене отбивала копытами дробь какая-то молодежная группа, повсюду слышался энергичный смех... Каким же надо быть дураком, чтобы из-за собственной лени похоронить себя в жуткой глуши на целую сотню лет!

Но сразу же после этого ему вдруг стало не то чтобы страшно, но как-то не по себе. Очень и очень дискомфортно. Вокруг было столько... столько... ДЕМОНОВ! Увидев Дэвина, все они дружно завопили и бросились к нему, размахивая руками. Он едва-едва успел выставить перед собой бочку...

Они хлопали его по плечам, выкрикивали приветствия, наперебой рассказывали о своих достижениях... Он лишь успевал уворачиваться от дружеских тычков.

— Вы посмотрите, кто к нам пожаловал! — раздался знакомый-знакомый голос.

Дэв оглянулся и облегченно выдохнул. Перед ним с зубастой ухмылкой на полфизиономии стоял Дивус, напوماженный и с начесами на шее и плечах.

После экзаменов они не виделись. Несколько раз Дэв приглашал друга в гости, но тот был слишком занят, организовывая мелкие неприятности людям. В свою очередь, Дэвину, как всегда, лень было тащиться у нему...

Дивус немедленно увлек его за столик в углу, заказал им обоим вина и принялся болтать — обо всем сразу: о последних новостях, о себе, о проходящих мимо однокурсниках... Большинство из них занимались тем же, чем и он сам — мелочным и безопасным вредительством, избегая полноценных сделок с людьми. ЗАБИРАТЬ что-то у людей — так, как это делал Дэвин, — не рисковал никто. Значит, понял Дэв, его шансы получить при распределении хорошее место резко увеличиваются.

Он повеселел и расслабился. Тем более, что обстановка этому весьма способствовала: дым вокруг стоял столбом — как в прямом, так и в переносном смысле: музыканты терзали струны, танцоры скакали в клубящихся сизых спиралях; вверху поочередно зажигались шары, а у входа периодически снопами, как фейерверк, вспыхивали искры — визитные карточки вновь прибывших гостей... Вино на Дэва, правда, не действовало — прирастал к своему «вырвиглазу».

— Вон еще кто-то явился, — сказал Дивус радостно. — Пошли поздороваемся?

— Нет! — вырвалось у Дэвина. Вновь обретенное спокойствие вмиг улетучилось.

— Почему? — удивился Див. — Это же твои старые знакомые, можно сказать, друзья...

— Не хочу никого видеть, и все, — признался Дэвин. — Отвык от толпы, что ли?

На самом деле ему было неуютно, словно он находился среди врагов. Он как будто ждал от них подвоха...

— Странно, — протянул Дивус. — Совершенно ненормальная реакция. И сам ты какой-то не такой сегодня, на себя не похож... — (Дэвин заелозил на стуле.) — Да ты же весь чем-то опутан, словно цепями, — продолжал удивляться Див, пристально его разглядывая. — Вот это у тебя что? — вдруг ткнул он когтем куда-то ему в шею.

— Не прикасайся! — заверещал Дэвин, неожиданно для себя высоко подпрыгнув.

«Демон! Рядом! Никаких дел с демонами!» — пронеслось в голове. Должно быть, он сильно изменился в лице, потому что Дивус нахмурился и сказал:

— Не понимаю, что с тобой. А ну-ка, расскажи ты мне теперь, чем занимался в последние годы.

— С удовольствием! — воодушевился Дэвин. Он вдруг осознал, что его неудержимо тянет похвастаться. «Знай наших!» Странно... Раньше он вроде не был таким тщеславным.

И он рассказал.

Дивус внимательно слушал, не задавая вопросов, а затем потряс головой и, словно не веря своим ушам, медленно спросил:

— А куда ты их деваешь — принципы? Ну, хранишь где?

— Обижаешь, — ухмыльнулся Дэвин не без самодовольства. — Известно где — в камне. Каждый идиот знает, что камень и вода — лучшие емкости для хранения энергетических субстанций. Вряд ли, конечно, эти самые принципы можно так прямо отнести к энергетическим субстанциям, но в камне им самое место...

— Да погоди, — отмахнулся Дивус. — В каком камне? Где ты его добыл? Где разместил?

— В янтаре, — похвалился Дэв. — Мне случайно достался огромный кусок янтара — собственно, это и натолкнуло меня на мысль собирать правила; и вот, когда я добыл свой первый принцип, я свернул его в тугое колечко и запустил в камешек. Потом...

— Идиот! — взвыл Дивус, хватаясь за голову, точнее за рога. — Кретин! Бестолочь!

— Ругаться нехорошо! — не успев сдержаться, выдал Дэв. К счастью, друг этого не расслышал.

— Янтарь!!! Ты бы еще комок глины взял! Неужели ты не знаешь, что подразумевается под словом «камень»? Кристалл! Изумруд, топаз или рубин! Чем чище, тем лучше, и уж как минимум размером с кулак! Именно поэтому с душами так редко связываются: далеко не всем по карману их хранить...

Дэв почувствовал холодок между лопатками, но храбро возразил, стараясь говорить как можно снисходительнее:

— Сам дурак! Сравнил тоже... То Ду-ши, а у меня — какие-то жалкие принципы, всего-навсего искусственные порождения ограниченного разума. Я понимаю, если бы речь шла об эмоциях, а тем паче страстях...

— Идиот!!! Теория о том, что разум и чувства принципиально и легко разделимы устарела столетия три назад, причем доказал ее несостоятельность не кто-нибудь, а наш собственный Куратор! Да ты что, спал, что ли, на ЗАЧЕСе? — (Дэвин машинально кивнул.) — Ну и дела... Ладно. Ты соберись, а то вдруг кто из профессоров нагрянет. Если эти старые хрычи поймут, что с тобой происходит...

— Нельзя так о старших! — нервно выпалил Дэвин и сам же поперхнулся.

— Э-э-э, — сказал Дивус. — Ты знаешь что? Отсядь-ка от меня подальше! Нет, лучше я сам отодвинусь...

Он передвинул свой стул и огляделся по сторонам. На них никто не обращал внимания: большинство демонов или отплясывали что-то зажигательное, или, сгрудившись вокруг бочки, обсуждали коктейль «вырвиглаз»; остальные забавлялись тем, что пускали в потолок разноцветные молнии. Тогда он наклонился к Дэву и шепотом спросил:

— Слушай... А что ты чувствуешь?

— Ну... это... — начал было Дэв. «Никому не доверять!» — противно проскрипело в голове, и он быстро сказал: — Да ничего особенного, если поду-

мать! — «Врать нехорошо!» — тут же «понял» он, и, чтобы скрыть замешательство, залпом опрокинул в себя целый стакан.

— А что... — начал Дивус, но тут по всему залу раздались приветственные возгласы, слившиеся в единый рев, и он обернулся. — Куратор пожаловал, — объяснил он радостно. — Ну, сейчас начнется...

Но Дэвин благоразумно не стал уточнять, что именно начнется. И ждать не стал. Ни минуты. Как только друг отвернулся, он немедленно шмыгнул к себе, в замок.

* * *

Оказавшись в родном жилище («Дом — это святое!»), он первым делом понесся в подвал...

Комнатка, где он поместил кусок янтаря, не открывалась уже много лет. Если не десятилетий... Он с трудом отворил тяжеленную дверь, не без труда вспомнил, где именно оставил янтарь — в самом темном углу, и протиснулся туда.

Камень был там. Лежал на боку. Дэв помянул ангела. Оправдывались его худшие предчувствия! Осторожно, двумя пальцами подняв янтарь, он стер с него бахрому пыли. Так и есть — по всей длине «хранилища» тянулась линия разлома. Камень был пуст.

Ну конечно! Принципов в нем скопилось слишком много, и им попросту стало тесно — тем более, что многие из них друг другу противоречат...

Да, но куда же они подевались?

И тут Дэвин похолодел. Прямо напротив того места, где лежал янтарь, в каменной кладке была щель. Углядеть ее мог разве что глаз демона, но она была. А там, за стеной... О нет, только не это! Его драгоценный «вырвиглаз»! Дэвин взвыл: скорее в «лабораторию»...

Над котлами витали змейки. И не один десяток. Когда Дэв просунул голову в дверь, они потянулись к нему...

Как же он не замечал их раньше, ведь проводил здесь столько времени?! Подумать только, ведь это почти непосредственный контакт! И как долго это продолжается? Трещина в камне успела забиться пылью. И это хихиканье... Когда он услышал его впервые? Дэв не мог вспомнить точно. Сколько змеек на него успело насесть?! Хотя какая разница, сколько бы ни успело, и этих достаточно, чтобы свести его с ума! Не говоря уже о том, что теперь весь запас «вырвиглаза» для него потерян...

Как хорошо, что наверху у него хранится еще пара бочонков!

* * *

Наутро он обнаружил себя на полу в любимой комнате. Он долго сидел, тряся головой и пытаясь сообразить, что доставляет ему больше мучений — похмелье или скрипение принципов. «Напиваться грех!» — не умолкая ни на секунду, зудел один из них. «Нужно себя беречь!» — вторил другой. Время от времени Дэвин убедительно просил оставить его в покое. *Очень* убедительно. «Не хами!» — немедленно заявлял третий...

Внизу периодически принимался громыхать Фрукт. Драгоценности, что ли, ищет? Надо бы пойти посмотреть, чем он там занимается... «Да какая разница?» — резонно возражал очередной голос.

В конце концов, Дэвин не выдержал. То есть как это какая разница?! Демон он или не демон?! Какой-то прощелыга хозяйничает в его собственном замке, того и гляди стибрит что-нибудь, а он тут отлеживается! Эти мысли придали ему сил. Итак, пора за дело.

И тут он обнаружил, что ему сложно даже встать. Принципы! Нет, это не просто ограничители воли! Кандалы, да и только! А ведь люди, эти странные существа, таскают их на себе добровольно, всю жизнь, в большом количестве... Более того — еще и гордятся этим! Мало, мало он знает о людях... «Людей нужно уважать!» — подтвердил очередной голосок в сознании...

Фрукт внизу снова зашумел. Дэвин заставил себя встать и потянуться. Нет уж, куда он этого умника не отпустит. Еще чего! После того, как он с ним столько намучился, вытрясти из него хоть что-нибудь — дело принципа! Справится как-нибудь. «Правильно! Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом!» Дэвин расправил плечи и выпятил подбородок. «Остановись от греха подальше. Лучше синица в руках, чем журавль в небе!» Дэвид, все еще с гордой осанкой, застыл. «Нет, синица в руках!» — «Нет, генералом!..» Некоторое время он покорно слушал препирательства. Затем синица победила, и он, почему-то на цыпочках, начал пробираться к двери...

Но тут прямо в проеме образовалось искристое облачко, и по нему снизу вверх пронеслась молния, изогнувшись причудливым знаком — визитная карточка Дивуса... А через полминуты материализовался и он сам.

— Э-э-э, привет. Не ждал тебя так рано, — проямил Дэв. «Долг гостеприимства — это святое!» — тут же укорил его скрипучий голосок.

Дивус уже стоял посреди комнаты и вертел головой.

— Значит, тут ты и живешь? Веселенькое местечко. А котел с коктейлем где? Покажешь?

— Не сейчас! — взвился Дэв. — Там у меня... э-э-э... секретный эксперимент. Видишь ли, основная проблема в том, чтобы заставить самогон оставаться горячим хотя бы сутки... А ты налей вон из того бочонка — там еще осталось чуть-чуть. Правда, он остыл.

— Совсем не то, — попробовав, подтвердил Дивус недовольно и плюхнулся на потрепанный стул в форме трона. — Ты так неожиданно вчера исчез — даже не поздоровался с Куратором. Кстати, твой коктейль имел большой успех — Куратор даже собирается заказать несколько бочек: скоро юбилей у ректора. А знаешь, ты можешь делать на этом неплохие деньги.

— Куратор? Заказать?..

— Ну да. Кстати, он сейчас присматривает себе помощника. Прикинь, какая красота: местечко неплохое — знай себе бумаги перекладывай да с хорошенными студентками заигрывай, — а уж перспективы... — Див подмигнул крапчато-желтым глазом. — Но я, конечно, замолвлю за тебя словечко...

— Ты настоящий друг!

— Ну еще бы! — Див весело осклабился. — А помнишь, как ты меня подставил на том экзамене по риторике? Вот смеху-то было! Экзаменатор: «Так что вы будете делать, чтобы расположить к себе представителя рода человеческого?» А я ему: «Три раза под дых и один — в челюсть!» Он аж посинел, бедняга!

— Див... — пробормотал Дэвин. — Ты это... ну... не сердись на меня, ладно? Я ведь был уверен, что ты мне это припомнишь — позже, когда я сам чуть не провалил ЗАЧЕС. Ты мне так помог...

Вместо ответа Дивус как-то странно хрюкнул.

— Нет, правда, — все больше воодушевлялся Дэв, — если бы не ты, меня бы здесь сейчас не было!

Дэвин осекся. Друг смотрел на него во все глаза; затем медленно обвел взглядом комнату.

Не доверять демонам! — некстати вспомнил Дэвин. И тоже осмотрелся.

Сырой каменный мешок с окнами-щелями, в котором сквозняки соперничают с тайфунами. Вековая пыль, не выводимая никакими заклинаниями. Прimitивная мебель... если это вообще можно так назвать. А ведь раньше он пытался поддерживать порядок. Почему же перестал? Мало того, он даже шерсть уже давно не расчесывал! «Нельзя размениваться на мелочи!» — услужливо подсказал скрипучий голосок. (Это у него от того юнца с манией спасения мира. Мир он, конечно, не спас, зато двух женушек уморить уже успел и недавно взялся за третью.)

Дэвин мысленно оскалил клыки. Голосок притих. Дивус откашлялся и подозрительно осведомился:

— Слушай, ты это что, всерьез? Нет, ты, конечно, всегда был не от мира сего, но чтобы настолько? Какой смысл мне было давать тебе правильную шпаргалку на выпускном экзамене по ЗАЧЕСу?

— Ты хочешь сказать... — протянул Дэвин. Кажется, он начинал прозревать. — Если бы ты не подсунил мне эту чертову шпаргалку, я бы поневоле стал готовиться к пересдаче, разобрался бы в предмете и не ошибся бы при моделировании, и...

И никогда бы не вляпался в такую историю! Дэвин заскрипел клыками и смял в кулаке кубок. Древний стул, на котором вальяжно раскачивался Дивус, затрещал и рухнул.

— Эй, Дэв, ты чего? — Бывший друг заерзал среди обломков и заозирался. — Ты же понимаешь: ничего личного. Всем надо жить! — Он неуклюже высвободился из захвата сломанных ножек и брезгливо отряхнулся. — И потом, ты так продвинулся в этом своем моделировании, что конкурировать с тобой стало очень сложно — как тут простому работяге вроде меня получить теплое местечко?

— Друзей не предают! — возопил Дэвин. (Это от того бедного рыцаря, сдвинутого на кодекс чести... Теперь уже богатого ростовщика).

— Нет, ты совсем не в себе, — бросил Дивус уже раздраженно. — Ты еще скажи, что у меня совести нет! — Покопавшись с сомнением на другой стул и остался стоять. — Да ну тебя вообще к ангелу!

— Ругаться нехорошо! — (А это, как и «не перечь старшим!», досталось Дэву от девчонки — манерной кокетливой аристократочки, ангел знает как оказавшейся вблизи его замка. Она сбежала от отца, который старался поскорее сбыть ее с рук и не слушал никаких возражений. А у нее и возражать-то толком не получалось — разве можно перечить старшим? После встречи с Дэвином она вернулась домой. Говорили, что отца при ее появлении чуть не хватил удар. Надо думать! Как она выражалась, покидая замок! — сам Дэвин заслушался. Теперь девчонка сама заправляет имением, а папаша у нее ходит по струночке.) — А совести у тебя точно нет!

Див поперхнулся коктейлем и истерично, с подвываниями, захохотал.

— Да ты, вижу, еще больше влип, чем я думал! Надо же, какой дури набрался... А с близкими делиться случайно не нужно?

— Нужно!.. — Дэв исподлобья уставился на приятеля. — То есть, нет, конечно, не нужно... Но нужно! — Еще и это!

— Ладно, как бы то ни было, сделанного не вернешь, и теперь мы с тобой оба примерно в равном положении. Кстати, я глянул на парня там, внизу. Отличный образец для опыта! Одни амбиции — и никаких принципов! Куратору будет любопытно взглянуть, как ты с ним справишься...

— Куратор? Опыт?!

— Ну да... Разве я не сказал? Куратор будет здесь с минуты на минуту. Посмотрит, как готовится коктейль, и проверит, как ты работаешь. Ты же знаешь, проверка — часть нашей практики...

У Фрукта внизу снова что-то зазвенело... Избавиться от него! Немедленно!

— Да, я предупредил его, что объект для опыта у тебя имеется, — заметил вскользь Див.

— Подлец! — взревел Дэвин. — Ты меня подставил!

— Что такое «подлец»? — удивился Дивус, глядя на него во все глаза. Потом выдохнул: — Ну ты даешь! Совсем сбрендил! Можно подумать, сам бы ты этого не сделал?

Дэвин зарычал. Да! Он и сам бы так сделал! Всего каких-нибудь пару недель назад!!!

Див довольно хохотнул и опрокинул в себя остатки коктейля.

— Ну, не скучай! — и испарился прежде, чем Дэвин успел до него допрыгнуть... чтобы три раза под дых и один — в челюсть!

* * *

Куратор! Куратор будет здесь с минуты на минуту! В такой панике Дэвин не бывал никогда в жизни. И было от чего в нее впасть! Куратор — очень опытный демон, к тому же это тот самый профессор, который вел у них ЗАЧЕС (вредный, помешанный на науке старикан... хоть и нехорошо так о старших); он немедленно поймет, что здесь происходит: разглядит и беспринципного Фрукта, и хихикающих змеек над котлом в лаборатории, и кандалы у Дэвина на руках... Тогда все — прощай не только хорошее место при распределении, но и — страшно подумать! — сама репутация; и

быть Дэву полжизни мелким клерком на побегушках... Это если его вообще до защиты диплома допустят. А если нет?! И ведь не спасут никакие заслуги в прошлом...

Заслуги? Ну конечно!

Через минуту он был в соседней комнате — там, в самом центре, на устойчивом треножнике красовался хрустальный шар, некогда составляющий основной предмет гордости, а теперь тоже пыльный до безобразия. Дэв торопливо его очистил. Надо же, а ведь он совсем забросил МОЖЕСИТ!

Дэвин активизировал шар, и тот тускло засветился, готовый к работе.

Итак, исходные данные. Что мы имеем? Шар ожил и, словно зеркало, отразил Дэвина и обстановку вокруг.

Дэва передернуло. Так вот почему Фрукт его совсем не боялся! Видок, надо признать, весьма помятый, как у неудачника после попойки... Хотя почему «как»? И прозрачно-белые жгуты — не только на руках, но и вокруг шеи, и по всему туловищу...

Демоническим усилием воли подавив крик, Дэв продолжил работу.

Значит, теперь задаем параметры желательной ситуации: цветущий вид, свобода мыслей, роскошь, слава, карьера... (Шар послушно изменил картинку.) Вот так-то лучше! И, наконец, самое главное: как от первой ситуации перейти ко второй, причем в ближайшее время — в САМОЕ что ни на есть ближайшее?!

В глубине шара начались изменения. Дэв напряженно следил за ними, пока не понял: он хочет невозможного. Ту кашу, которую он заварил, так просто не разгрести, да еще в ближайшие часы. Руки у него опустились. В ушах тут же раздалось хихиканье. И характерное поскрипывание...

«Да плевать тебе на все!» — посоветовал один голосок. «Бороться бесполезно!» — подтвердил другой. «Без принципов плохо!» — пискнул третий. «Ну вот еще! Всегда добивайся цели!» — возмутился четвертый. «Делай по своему! Из принципа делай!» — вклинился пятый...

— А ну цыц! — прикрикнул Дэвин, почувствовав, что голова пошла кругом. — Сам разберусь. — (Скрипение затихло.) — Вот так-то! А то, ишь, раскаркались!

Однако похоже, что на сей раз змейки, эти враги рода демонического, правы. У него только два варианта: передать кому-нибудь принципы или... или оставить все как есть.

Дэв снова активизировал шар и «полюбовался» на свое отражение.

Просмотр возможных ситуаций. Вариант первый: все как есть. Что будет, если он оставит при себе принципы (признаться, он уже начал к ним привыкать)?.. Шар послушно показал что: у демона отвалился хвост, исчезли когти и рожки, выпала шерсть... Хм! Перед Дэвом стоял обычный селянин — вроде тех, кого ему нравилось пугать по вечерам вблизи замка.

О, нет! Все, что угодно, только не это!

Ну, а второй вариант — сбегать змеек кому-нибудь еще? Он, конечно, намного лучше: решает сразу все проблемы. Вот только... Как может де-

мон добровольно что-то ОТДАТЬ?! Это часть его природы — не отдавать ничего, что сделал своим... Разве только попытаться этим пренебречь? И что получится?..

В глубине шара над головой «селянина» проявился нимб, а за спиной белыми парусами взметнулись крылья. Кошмарное изображение кротко посмотрело на Дэва и, потупив лазоревые очи, послало ему воздушный поцелуй...

— А-а-а-а!!! — не смог больше сдерживаться Дэвин.

От напряжения мышц одна или две змейки, плотно обвивающие его шею, лопнули. Дэвин ухватил их за хвостики и зажал в кулаке.

В три прыжка он скатился с узкой винтовой лестницы и еще в четырех доскаках до «лаборатории». Пинок — и массивная дверь распахнулась. Парящие в клубах пара змейки повернули к нему безглазые головки. Чувствуя, как глаза наливаются кровью, Дэв оглядел помещение. Змейки прекратили хихикать, съежились и попытались расползтись по углам...

— Ну уж нет! — рыкнул он. — С меня хватит! — и недолго думая, могучим усилием мысли согнал их в одно место и сгреб в бесформенный клубок; к нему же прилепил тех, что держал в руке. Оставалось лишь придумать, что с ними делать дальше, ибо, как он немедленно понял, долго их удерживать не получится.

И тут он услышал голос Дивуса:

— Прошу вас, Куратор, направо и вниз, лаборатория там... Осторожно, здесь камень!

Нет, ну каков гад! Дэвин схватил прозрачный клубок руками и сжал так, что змейки истошно запищали. Все ведь успел разнюхать — где, что и зачем, даже камень в коридоре высмотрел... Камень? Камень! Камень и вода — лучшие емкости для хранения энергетических субстанций! Воды тут, правда, нет, но...

— Он сказал, что проводит секретный эксперимент... — Голоса раздавались уже совсем рядом. — Отличная возможность посмотреть, пока его нет поблизости. Сейчас свернем за угол...

Больше у него не было ни минуты! Дэвин размахнулся и, игнорируя протестующий писк, зашвырнул змеек в котел. В запале ярости (пополам с ужасом) он успел еще нескольких отодрать от себя — и отправил следом.

Коктейль в котле немедленно вспенился, раздалось шипение, взметнулся серебристый фонтанчик... Но выяснять, какими будут последствия, Дэвин уже не мог: выскочил из комнаты и забился в угол.

Буквально тут же из-за угла вынырнул Дивус под руку с Куратором — солидным, хотя и франтоватым демоном (из тех, что курят сигары и носят монокли) — и оба скрылись за дверью лаборатории.

Не успел Дэвин перевести дыхание, как услышал, что крадется кто-то еще, а затем из-за того же угла выглянула плутовская физиономия. Фрукт! И что же он здесь забыл? Дэвин подпустил его к самой двери и только потом глухо прорычал:

— А ну стой! — Фрукт подскочил, Дэвин сгреб его в охапку и хорошенько встряхнул! По полу со звоном покатались серебряные ложки. — Так ты еще и воррруешь?!..

— Ладно, ладно... — забормотал Фрукт. — Ну чего ты так нервничаешь? Я как раз искал тебя, чтобы попросить разрешения взять себе что-нибудь на память...

— Заткнись! — Для пущей убедительности Дэвин потряхнул его еще разок... изво всех сил.

Только бы они там, в «лаборатории», не услышали шума! Он осторожно заглянул в приоткрытую дверь.

— Удивительный цвет, — говорил Куратор, склонившись над котлом и рассматривая в монокль варево, — никогда такого не видел. А запах!

— Попробуем? — Дивус уже стоял наготове с ковшиком. (Вот прохиндей!) — А то сами понимаете, этот жадюга не даст! — Осторожно зачерпнув серебристого коктейля, он протянул ковш Куратору...

Дэвин дернулся: «Об опасности надо предупреждать!» — шепнул ему голосок. Но другой скрипнул сварливо: «Каждый сам за себя!» Второй постулат показался ему убедительнее (тем более, что как нельзя лучше соответствовал природе демона), и Дэв остался на месте. Как все-таки хорошо, что принципов у него стало меньше: управляться с ними теперь значительно легче.

Куратор тем временем «уговорил», смакуя, полковша («Недурственно! Очень недурственно!») и передал остатки Дивусу...

Дэвин, в голове которого начал рождаться хитроумный план, следил за ними, затаив дыхание... пока не раздался первый вопль.

Тогда он медленно обернулся к Фрукту, которого, оказывается, все еще держал за шиворот.

— Значит, так. Слушай меня внимательно. Я прощу тебе воровство. И даже подарю эти ложки. И даже не стану отдавать тебя тем двум страшным демонам...

— К-каким страшным д-демонам? — пролепетал тот, клая зубы — то ли от страха, то ли от удушья.

— А вон... — Дэв поудобнее перехватил руку и поднес парня к двери.

Тот глянул и в ужас задергался. Дэвин его понимал. На это действительно стоило посмотреть! Два демона, из-за вставшей дыбом шерсти казавшиеся вдвое больше, дико вопя, с вытаращенными глазами носились по комнатке, натываясь на все предметы и шарахаясь от котла. Правда, видеть из всего этого Фрукт мог только их горящие синим огнем безумные глаза: в подвале было темно, а демоническим зрением он не обладал. Но так было даже эффективнее.

— Согласен! Я согласен! — прохрипел он, дрыгая ногами. — Только спрячь меня куда-нибудь! На все согласен!

— Не скули, — прервал его Дэвин. — Всего от тебя не требуется. От тебя вообще почти ничего не требуется...

— Согласен!

— Вот и отлично. — И, по-прежнему держа его мертвой хваткой (на всякий случай), Дэв помчался к себе наверх.

Там у него остался еще один, последний бочонок коктейля.

* * *

Хорошо! Дэвин счастливо вздохнул. Какое наслаждение сбросить цепи! Какое счастье — вновь почувствовать всю мощь своих способностей! Э-э-э... Счастье? Хм! Что за странное понятие! Значит, еще что-то человеческое в нем осталось. Дэв вторично наполнил кубок свежееизобретенным коктейлем и сделал приличный глоток. Ладно, Фрукта он благополучно выпроводил. Остаются те двое в винном подвале.

Он даже не стал утруждать себя спуском по лестнице, а, прихватив с собой кубок, сразу материализовался в полутьме лаборатории. (Как и большинство демонов, телепортироваться внутри помещений он не любил, но сейчас испытывал просто небывалый подъем.)

— И-и-и! — взвизгнул при виде него Дивус и спрятался за котел. — Демон!

Куратор вздрогнул, но попытался сохранить лицо:

— Ну почему же сразу — демон? То есть, я хотел сказать, рад вас видеть, Дэвин!

— И я вас тоже, профессор, — осклабился Дэв. — Я вас так ждал! Ну, как самочувствие? Как коктейль? Новый. Я назвал его «оцепин». Начи-айте рассказывать, а я буду фиксировать. — Он небрежно достал из воздуха маленький столик, гусиное перо, чернильницу и бумагу. Обычно он не тратил энергию на подобные дешевые фокусы, но сейчас эта демонстрация силы пришлась как нельзя кстати — окончательно деморализовала противника.

— Фиксировать? — переспросил Куратор, дрожащей рукой поправляя монокль. — Да что тут происходит?!

— Эксперимент, Куратор, — объяснил Дэв и, покачиваясь с носка на пятку, как это делал на лекциях профессор, размеренно заговорил: — Все мы слышали, что бывает с нашими собратьями, неосторожно подпустившими к себе человеческую душу или относительно значимую частичку души. Болезнь, мутация, потеря магических способностей, развоплощение, наконец... — (Куратор содрогнулся, Дивус посинел). — Но, насколько мне известно, до сих пор никому из демонов не удавалось принять их внутрь. — И он демонстративно отхлебнул из своего кубка. — Вот кстати, профессор, у вас рога еще шататься не начали?

Куратор затрясся и обеими руками вцепился в рога.

— Негодяй! — первым опомнился Дивус и даже выскочил из-за котла. — Ты нас подставил!

— Спокойно, дружище, — проникновенно сказал Дэвин. — Ничего личного. Ты же понимаешь: наука прежде всего. Итак, продолжим. Желания сделать что-нибудь доброе и бескорыстное, часом, не появилось? Ну же, соберитесь — ради науки-то!

— Наука? — любимое слово, очевидно, придало Куратору сил. Он прекратил

раскачивать собственные рога и оживился: — А ведь вы правы, Дэвин: это новое слово в теории и практике ЗАЧЕСа! Я понимаю, лстыть нехорошо... О! Это я сказал?!

— Вы! — подтвердил Дивус, не успев, по всей видимости, отцепиться от какого-нибудь «всегда говори правду!».

— Ну, как бы то ни было, — заторопился Куратор, — такое даже мне в свое время не пришло в голову. А вы, — повернулся он к Дивусу, — вы говорили, что он ни с чем не справляется!

— Не справляюсь? — оскалился Дэвин, в упор глядя на приятеля. — Вот как?

— Я говорил? Я не говорил, — залебезил Дивус, старательно отворачиваясь.

— Брать нехорошо, — укорил его Дэвин и подсказал: — Но ты можешь попросить прощения...

Казалось, Дивус только этого и ждал:

— Дэв, прости! Я такая свинья! — всхлипнул он, ударив себя в грудь кулаком. — Ты мой самый верный, самый испытанный друг, а я?..

— Дивус! — возмутился Куратор, отшатнувшись. В целом он гораздо лучше боролся с принципами, хоть и было заметно, что дается это ему нелегко. — Вы ведете себя в высшей степени неприлично! И вообще... Я вас, кажется, переоценил! Дэвин, место моего помощника ваше — если, конечно, вы соблаговолите согласиться...

— Не соблаговолю, — победно ухмыльнулся Дэв. Уселся на столик, скрестив ноги, и широко зевнул.

— Что? — Куратор надменно выпрямился. — Вы отказываетесь занять должность моего помощника — место, за которое ваши сокурсники бьются десятки лет? И извольте встать, когда говорите со старшим!

— Ой, профессор, — Дэвин округлил глаза, — кажется, у вас за спиной что-то светится...

Куратор бестолково замахал руками, выронил монокль, подпрыгнул и изогнулся, пытаясь заглянуть к себе за спину. Дэвин довольно хмыкнул и хлебнул коктейля. Ему все больше нравился его вкус.

— Что это ты все время пьешь? — подозрительно осведомился Дивус, пытаясь заглянуть в кубок.

— Это? — Дэвин поднял руку повыше. — Новый рецепт. «Отпустин» называется. Хочешь?

— Нет!!! — Дивус снова исчез за котлом.

— Зря. — Дэвин пожал плечами и одним глотком допил остатки. — Заметь, я предлагал.

Куратор перестал вертеться и, тяжело дыша, тоже уставился на кубок.

— Как, вы сказали, это называется? — Все же он был настоящим демоном — практичным и цепким. И профессором к тому же. — «Отпустин»? Так это что же, противоядие?

— Оно самое, — подмигнул Дэв.

Покосившись на котел, в котором все еще взрывались фонтанчики, Куратор сдался.

— Ладно, ваша взяла. Чего вы хотите?

И Дэв изложил чего. Подробно, без стеснения и страха. Ха! Ведь он снова был полноценным демоном — свободным и бестрепетным.

— Диплом досрочно и без защиты? Ему? — истерично выкрикнул Дивус.
— Да еще компаньоном? Его?! Да для этого нужно пятьдесят лет по специальности проработать! А как же я?! Я протестую!

— Заткнись! — рявкнули Дэв и Куратор одновременно.

— Продолжайте, Дэвин, — попросил Куратор, — это очень интересно. Значит, практический курс? Я читаю лекции — вы ведете практику и в числе учебных пособий всем желающим предлагаете «оцепин»...

— Ну да, чтобы любой молодой демон на короткий срок мог почувствовать себя человеком, — пояснил Дэв. — В конце концов, должны же мы выяснить, чего они им больше приносят, эти добровольные кандалы, — вреда или пользы? И как они с ними справляются, если мы не вмешиваемся. В интересах ЗАЧЕСа, конечно... А противоядие продаем. Дорого. Очень дорого.

— А я? — снова подскочил Дивус.

— А у тебя сейчас хвост отвалится, — пообещал Дэвин и заткнул уши. — Да не вопи ты так, сам оглохнешь! Ладно уж, будешь поставлять нам «сырье» — людей, желающих избавиться от принципов. И не имеющих таковых вовсе. — Последние гораздо ценнее, но об этом молчок. — А теперь поклянитесь... поклянитесь природой демона, что, получив от меня противоядие, не передумаете. Оба.

— Вы нам не доверяете? — оскорбился профессор.

Дэвин пожал плечами:

— Я же демон.

— Ну да, конечно... — поспешно пробормотал Куратор. — Клянусь. Дивус? Но Дивуса, очевидно, все еще терзал один из принципов серии «ни за что не уступай!»:

— Не буду! Это изначально провальный проект. Ректор ни за что не согласится ввести настолько экстремальную практику!

— А ведь действительно... — задумался Куратор. — Может не согласиться.

— Согласится, — пообещал Дэвин. — Куда он денется? Вы ведь, кажется, хотели заказать к его юбилею коктейль?

Все трое обернулись и окинули взглядом огромный черный котел: над весело побулькивающим «оцепином» поднимался светлый пар и закручивался в замысловатые фигуры.

— Дивус? — повысил голос Куратор.

— Клянусь! — выдавил тот, бочком отодвигаясь от котла. — А каков состав противоядия?

— Коммерческая тайна, — хохотнул Дэв. Так он им и рассказал про состав! Хотя вообще-то, что может быть проще? Клин клином вышибают. У Фрукта все же было свое жизненное Правило, просто он этого не осознавал. «Не иметь никаких принципов!» — это ведь тоже принцип, да какой! — Ну, пошли уже, что ли? А то неизвестно еще, что с вами через полчаса станет. Вы же не хотите это проверять на себе?

Дэвин шел за припустившими вперед компаньонами и довольно улыбался.

В голове у него разворачивалась программа быстрого карьерного роста, и первыми ее ступенями были: коктейль «расчувствин» для аспирантов и «задушин» — для профессоров...

СВЕТЛАНА ТЯПИНА

СЛУЧАЙ НА МАЛОЙ СТРАНЕ

Черт побери, никакой Ринсвинд не сыр! — прокричал декан, внезапно выходя из себя.

Ринсвинд — бельмо на глазу, вот кто он такой!

Позорное пятно на белоснежном покрывале волшебства!

Т. Пратчетт

СЫРОЙ И ПРОМОЗГЛЫЙ, ВЕТЕР С ВЛТАВЫ ПРИНЯЛСЯ играть полой мехового плаща Агриппы. Выругавшись, тот завернулся поплотнее и ускорил шаг. Туман окутывал искаженные страданиями лица святых Каменного моста, по какому-то адскому произволу превращая их в гримасничающие демонические хари. Впереди тусклыми зарницами светились огни Града.

Агриппа Неттесгеймский, как человек здравомыслящий, не был склонен оправдывать собственную халатность адскими кознями, но сейчас, усталый и промерзший до костей, он не раз и не два помянул врага рода человеческого, кисло раздумывая, что без чертовщины на сей раз явно не обошлось. В Праге он должен был появиться еще третьего дня, но, как назло, его гнедая захромала неподалеку от местечка Усти над Лабем, которое и в лучшие времена от столицы отделял целый день пути. Он попросил хозяина постоялого двора порасспрашивать, не продаст ли кто ему коня, без особой, впрочем, надежды на успех. Хозяин вернулся часа через три, распространяя густой сливяночный дух, и, как и ожидалось, заявил, что верховых лошадей в местечке всего с полдесятка, и хозяева расставаться с ними не намерены. Хотя, если пану конче надо в Прагу, то хозяйский кум послезавтра отправляется в город с обозом и пан, если не поскупится, может выторговать себе место в саниах, а иначе, про-ошу пана, придется ждать, пока ваш коник поправится.

Выбирать не приходилось. Щедро заплатив за передержку лошади в хозяйской конюшне и сговорившись с хозяйским кумом — медведеподобным молчаливым богатырем, похожим с лица на лубочный портрет короля Пшемисла, — поутру третьего дня Агриппа отправился, наконец, с обозом в город. Он утешал себя надеждой на то, что его дорогой учитель и друг, аббат Тритемий, буде уже добравшись до Праги, вряд ли тотчас же пустится в об-

ратный путь по зимнему холоду и бездорожью и все же дождется незадачливого путешественника.

Путешествие с обозом в санях на мягком ходу, под теплой полостью волчьего меха имело ряд плюсов, которые с лихвой перекрывал единственный минус. Пройдоха-хозяин умолчал о том, что обоз снарядили для доставки свежей и соленой форели на ярмарку. Ядреный рыбный дух пропитал все вокруг, и к концу путешествия Агриппе начало казаться, что даже сливовица в его фляге, предусмотрительно прихваченная в дорогу «для сугреву», при каждом глотке ощутимо отдает рыбой.

В Прагу въехали в сумерках. Поплутав с четверть часа по узким улочкам, обоз въехал на Староместскую площадь, лихо проскочив в опасной близости от виселицы, на которой болтался весь покрытый инеем какой-то незадачливый воришка и, свернув в одну из подворотен неподалеку от Девы Марии пред Тыном, нырнул в широко распахнутые ворота постоялого двора.

«Пшемysl» предлагал Агриппе остановиться здесь же, а уже утром отправляться по своим делам. Однако одуревший от рыбной вони мыслитель, которому не улыбалось ночевать в непосредственной близости от виселицы и ворот еврейского квартала, наотрез отказался от приглашения. Он решил пешком добраться до Страхова монастыря и провести ночь там, воспользовавшись гостеприимством брата приора, которого заочно почитал другом, состоя с ним в оживленной научной переписке.

Так Агриппа и оказался на Каменном мосту, зябко ежась и через слово поминая нечистого. В горах в эту пору уже лежал снег, и не раз и не два обозу приходилось останавливаться, чтобы прокопать дорогу в глубоких сугробах. В самой же Праге днем светило солнце, на волнах не взявшейся еще льдом Влтавы лениво покачивались сытые осенние утки, но к вечеру подмораживало, и на город ложился густой, как овсяный кисель, туман, в котором с трудом можно было разглядеть собственную вытянутую руку.

Справа от Агриппы что-то тускло блеснуло. Он пригляделся и увидел в колеблющемся сером тумане черную тень Распятия. Над головой Спасителя золотым нимбом рассыпались золотые буквы, почему-то еврейского алфавита. «Свят... Свят Господь», — прищурившись прочитал путник. «Интересно, — подумал Агриппа, — зачем писать молитву Христу на древнеиудейском? Чтоб понятней было? Родной язык, как-никак...» Агриппа фыркнул из-за пришедшей в голову богохульной мысли и продолжил свой путь. «Интересно, — продолжал размышлять он, — а знал ли Господь латынь? Теоретически должен был, ведь римские гарнизоны стояли по всей Галилее. Хотя если знал, то наверняка латынь грубую, разговорную. В таком случае понимает ли он слова мессы? Предложить, что ли, студентам в Гейдельберге на следующий год тему для рождественского диспута?» «Нет, — по здравом размышлении решил он, — не стоит. На него и так уже косо поглядывают из-за его естественнонаучных опытов, за глаза, а то и в глаза рядя в колдуньи. А позволю ли себе подоб-

ного рода выходку, дело ощутимо запахнет горелым. «Господи, твоя воля, — тяжело вздохнул Агриппа, — ну почему элементарные опыты по изучению свойств металлов обязательно назовут занятием сатанинским, в то время как богоугодным делом почитается изведение пергамента на научные изыскания, вроде «Kurzgefasste curieuse Historie derer Gelehrten». В этой «Кратко изложенной странной истории ученых» на восьмистах девяноста четырех страницах представлена классификация ученых по следующим признакам:

Те, кто были влюбчивы по натуре
непорочны по натуре
умерены
гневливы
неуживчивы
добродушны
веселы
честолюбивы
боязливы
прижимисты
расточительны
льстивы
игривы
музыкальны
любителями-садоводами
друзьями животных
бедны
должниками
имели хороший почерк
имели плохой почерк
прилежны в работе
небрежны в работе
болели подагрой
имели дурацкую физиономию.

«Впрочем, — Агриппа пожал плечами, — если Господь и успел за время своей земной жизни изучить латынь, с немецким у него вряд ли сложилось. Так что этот экзальтированный выскочка Лютер, гоняющий чертей чернильницей, тут, скорее всего, глубоко просчитался». Рассуждая таким образом, он подошел к сторожевой башне. Предвкушение близкого отдыха придало ему сил и, казалось, даже ветер умерил свою коварную натуру, прекратив на время разносить сырость и сыпать в лицо мелкой, колющей снежной крупой.

И снова фортуна оборотилась спиной к несчастному путешественнику. Уже добравшись до мощеной дороги, ведущей к воротам монастыря, Агриппа обнаружил, что подтаявший за день снежок к ночи взялся гладкой, как зеркало, ледяной коркой. Карабкаться в темноте на крутой холм было рискованно. Даже если дело обойдется сломанной ногой, он просто замерзнет

до утра на пустынной дороге — и некому будет оказать ему помощь. Оставалось свернуть на Малу Страну и поискать хоть какой-нибудь постоянный двор, а если и с этим не повезет — тащиться сквозь ночь по волглому мосту обратно в Старе Место.

Резкий порыв ветра чуть не сбил его с ног. Прямо над головой Агриппы закачалась, зашлась надсадным скрипом невидимая в тумане доска. Он ускорил шаг, будучи уверенным, что если не поспешит, у него есть все шансы схлопотать ею по голове. Агриппа тяжело вздохнул. Он любил Прагу. Бывая здесь редкими наездами, он пытался приручить, умаслить этот город, как новичок-подмастерье — хозяйскую собаку. Прага же относилась к нему настороженно, милостиво принимая знаки внимания, но стоило хоть чуть-чуть ослабить бдительность, могла показать зубы, а то и тяпнуть недотепу. Вот как сейчас...

Треплетая доска так и не удержалась на ржавом гвозде и, с новым порывом ветра, рухнула Агриппе прямо под ноги, пробив ледяную корку на подмерзшей глубокой луже и взметнув тучу грязных брызг. Путник безгласно потыкал в деревяшку носком сапога, но вдруг, приглядевшись, различил на малеванные краской буквы.

В тот же момент Агриппа кинулся к неприметным, ничем не отличающимся от прочих, воротам и что есть силы загрохотал по ним висающим рядом дверным молотком.

— Да слышу я, слышу! Кого еще черти несут в такую погоду! — раздался зычный бас.

— А я вот по твоей спине так дубиной погромыхаю, как ты вот тут гатишь! Или собаку спустить?!

Послышался скрежет отодвигаемого засова, и на пороге предстал двухметровый детина, гневно зыркая ясно-синими глазами из-под кустистых пшеничного цвета бровей.

— Эй, потише, — осадил грубияна Агриппа, — мне нужна комната и ужин, — и нарочито звякнул увесистым кошель на поясе. Взгляд детины потеплел, но освободить проход недоверчивый крепыш не спешил. «Вырастают же здесь, такие здоровенные, — раздраженно подумал Агриппа, — как дубы над Мольдау. И умом эти дубы вряд-ли превосходят». Со вздохом путник выудил из кошель серебряную монету и протянул ее хозяину.

— Я Агриппа из Неттесгейма, шел в Страхов, к приору Авенариусу, — пояснил он хозяину, чтоб развеять последние сомнения по поводу ночного визита, — да на ваших дорогах и убиться недолго.

— Это да... Подморозило нынче к ночи. Проходите, пан профессор — хозяин наконец определился со статусом нежданного гостя, — есть комната, как не быть...

— Да, кстати, — бросил Агриппа через плечо, удаляясь в направлении дома, если хотите, чтоб ваша господа звалась «У трех волхвов», а не «Над тремя волхвами», — подберите вывеску на улице, ее ветром сорвало, — и не дожидаясь разразившегося причитаниями хозяина, открыл тяжелую дверь и шагнул в долгожданное тепло.

Поначалу он был настолько сосредоточен на отогревании, что не обратил внимания на разношерстную публику, в изобилии заполнявшую общий зал господы, но воздав должное густой грибной похлебке с кнедликами и подогретому пиву с пряностями, с интересом начал оглядываться по сторонам и тут же скривился, словно отхлебнул кислого.

— Только его здесь не хватало, — пробормотал себе под нос Агриппа и горько подумал, что превратности судьбы еще не исчерпали себя.

Сказанное относилось к невзрачному краснолицему человечку, с важным видом восседавшему за угловым столом. Черная профессорская мантия обтягивала выдающееся вперед брюшко, служившее подпоркой для двух огромных, по-мужицки обветренных рук, униженных перстнями с камнями, размер которых не допускал даже мысли о возможной подлинности. Рукава мантии были тщательно расправлены, так, чтобы стороннему наблюдателю сразу бросились в глаза украшающие их две полоски золотого позумента.

— Ишь, расфуфырился, как куртизанка на Масленицу, — зло подумал Агриппа, — до сих пор мы назывались ни много ни мало кладезем некромантии, астрологом, магом, хиромантом, аэромантом, пиромантом и преуспевающим гидромантом. А, учитывая всю эту красоту на рукавах, мы уже успели защитить диссертат по правоведению... гм... экстерном. Ох, не видят, тебя, паяц, настоящие доктора наук, они б тебе ворованный позумент в глотку затолкали бы, не со зла, конечно, а дабы была шарлатану наука... Ставлю своего лучшего коня против хромой ослицы, что простыми посиделками этот деятель не ограничится и сейчас же затеет свои балаганные трюки...

И Агриппа не ошибся. Картинно встряхнув рукавами, человечек принялся демонстративно шарить в сумке, чем-то позвякивая и погромыхая. Запахло серой, из сумки вырвался клуб желтого дыма, полыхнуло огнем и, наконец, на свет божий появились две диковинные птицы, яркое оперение которых резко контрастировало с простотой дубового стола, на который они были брошены.

— Эй, хозяин, — произнес человечек хорошо поставленным голосом, — изжарь-ка мне это к ужину.

Шарахнувшиеся было посетители, все как один вытянули шеи в сторону чародея, пытаясь разглядеть диковину. Молоденький монашек, случайно затесавшийся среди купцов и школяров, ахнул, закрыл лицо руками и, мелко крестясь, забормотал слова молитвы.

Агриппа громко фыркнул, нарушив торжественность момента. Человечек захолопал белесыми ресницами и попытался испепелить насмешника взглядом, что, ему, впрочем, не удалось. Сумка, по-видимому, разделив негодование хозяина, выплюнула еще один клуб вонючего дыма.

— Ну-ну, — подумал Агриппа, демонстративно опираясь подбородком о кулак, — это только присказка, сказка начнется, когда ты попытаешься это сожрать. А увильнуть от процесса я тебе не дам, ой не дам. Уж больно ты меня достал, Георгий Сабелликус, Фауст младший.

Меж тем хозяин, уже подобравший отлетевшую вывеску, подошел боком к столу Фауста, долго оглядывал неведомых птиц, аккуратно, словно боясь обжечься, дотронулся до одной кончиком пальца и, наконец, взмолился:

— Прошу пана доктора... Как же их готовить-то? Я эдаких никогда и не видел... А ну как испорчу кушанье...

Чародей тут же навесил на лицо выражение разочарования и скуки.

— Полно тебе, любезнейший, неужели ты птицу изжарить не в состоянии?! Ладно уж, Вагнер, ступай на кухню, а то и впрямь испортят жаркое. Да прихвати с собой *Piper nigrum*, *Apium Graveolens* и *Petroselinum crispum*, да побольше.

Высокий, долгоязыый студиозус сорвался с места, подхватил птиц и скрылся за кухонной дверью.

— Ай да Фауст, ай, молодец! — восхитился Агриппа. После пары фокусов о птичках забудут, и их можно будет спрятать, чтобы потом продемонстрировать на другом постоялом дворе. И так — пока не протухнут. *Petroselinum crispum* ему! А без латыни петрушку петрушкой нельзя называть?! Или на двор он тоже выходит *alvum exonerare*?! Ладно, поглядим, что дальше будет.

Тем временем из недр сумки, разумеется, совершенно случайно, появились запаянная реторта, содержащая какую-то мутную жидкость, обломок рога, разноцветные кристаллы, карты Таро, волчий клык, оправленный в серебро, шар цветного стекла, размером с волошский орех и много всяких разностей. Толстые, мясистые пальцы Фауста заставляли это добро переливаться, играть в свете очага, манить колдовским блеском. Посетители трактира, вытянув шеи и раскрыв от удивления рты, глядели на диво-дивное, как деревенские мальчишки, впервые выбравшиеся на ярмарку.

— Что за дела, куманек? Аль не помнишь, с тебя должок, — капризно произнес Фауст — и зрители, крестясь, отпрянули — известно же, что за куманька он поминает! Впрочем, это не помешало им краем глаза поглядывать на заветную сумку.

Фауст поднял глаза и оглядел всех присутствующих. Взгляд его задержался на смуглом, черноволосом купце, вероятно, мадьяре или валахе, до глаз заросшем черной, курчавой же, бородой.

— Ба, — возопил Фауст, растянув рот в усмешке, исполненной фальшивого дружелюбия, — гляжу я на тебя — а вижу своего куманька. Просто одно лицо! Он тебе, чай, не родня?! Ну-ка, ну-ка дай я гляну, может, у тебя мой должок сыщется?! — и не слушая возражений, запустил руку в бороду опешившему купцу. Цепкие пальцы спустя мгновение вынырнули, сжимая две новеньких золотых монеты. Купец, охнув, схватился за бороду и принялся тереть ее так, что, казалось, вот-вот оторвет.

— А вот и должок! — торжествующе завопил магистр некромантии, гидро-мантии, этсета, демонстрируя монеты собравшимся. — Верно я говорю, куманек?!

Резкий порыв ветра что есть силы хлопнул ставней, пламя в очаге затрепетало. В глазах присутствующих заплескался дикий, первобытный ужас.

— Да ну тебя, куманек, ты зануда! Убирайся-ка ты прочь, да не порти мне настроения. И не смей пугать добрых людей, а то мне и выпить будет не с кем! Хозяин, — опять взревел Фауст, швыряя золотой на стол, — пива мне и всем этим добрым людям — за мой счет! И к пиву — раков! Да покрупнее!

— Сию минуту, — засуетился хозяин, только где же их, раков, взять? Зима на дворе!

— О-хо-хо, — притворно завздыхал Фауст, — что же это, чего ни спросишь, ничего у тебя нет! Дай-ка сюда какую посудину, да побольше!

Хозяин тотчас же приволок огромный горшок, Фауст ловким движением руки опять развязал свою сумку и в подставленную посудину хлынули, сердито шевеля клешнями, живые раки.

— Ну ладно, — подумал Агриппа, — с монеткой все понятно. Дешевый ярмарочный трюк. Со ставнями тоже — пока хозяин ломал комедию, Вагнер в нужный момент приоткрыл дверь черного хода. Но где же он раков среди зимы взял? Сам в полыню, что ли лазил? Или слугу послал? А что, с него станется... Как бы тебя, голубчик, вывести на чистую воду... Вывести... а, собственно, зачем?

Настроение испортилось напрочь. Даже вожаденное тепло не радовало. «Ну, и чего ты взвился, — уговаривал себя Агриппа. — Подумаешь, шарлатан! Безобидный, спокойный, старый добрый шарлатанище. Ну, продаст кому-нибудь фальшивую мандрагору или безоар, ну, развлечет толстопузых своими ужимками и прыжками — до конца дней, небось, уважаемые негоцианты будут вспоминать за кружкой пива о том, что сидели рядом с нигромантом, — да, да, тем самым — за одним столом и видели такое... ой, такое... Чего не доглядыт, то доврут... Все людям радость... Зато на большую дорогу с ножом не выходит, и лечить пока, слава Богу, никого не берется — Агриппа содрогнулся, вспомнив идиота, порекомендовавшего одной из высокородных пациенток вызолотить лицо в качестве средства от оспы. Золото с несчастной женщины потом пришлось сдирать скребком. — Живет человек — и другим жить дает. Тогда откуда это глухое раздражение, которое каждый раз, стоит увидеть этого Сабелликуса, подкатывает комом к горлу?»

Пока Агриппа предавался своим мыслям, представление набирало обороты. Хозяин уставил весь стол пенящимися кружками. Центр композиции украсило блюдо с вареными раками, и запах деликатеса сладко зашекотал ноздри. Посетители господа поначалу жались и мялись, но жажда дармовой еды и выпивки пересилила страх перед сверхъестественным, и гости бочком, бочком, сначала по одному, а затем и группками потянулись к вожаденному столу. Вскоре тишина сменилась пивным бульканьем, хрустом разгрызаемых панцирей, прозвучала здравица, за ней другая. Кто-то молотил по столу кружкой, требуя наполнить ее, кто-то затынул

похабную песню, кто-то, перекрикивая остальных, пытался высказаться. Пирушка набирала обороты.

— Сказывают, вы встречались с Лютером? — поинтересовался один из студюзусов, сидящих напротив Фауста, — и как он на ваш вкус?

— Несъедобный, — фыркнул Фауст, обсасывая рачью клешню. — Говорят, свиней нельзя пугать, от этого у них мясо горчит. Если подходить с этой меркой к Лютеру, по вкусу он уже сравнился с полынным отваром.

— В смысле?

— В прямом. Я с ним не встречался. Пару раз нас пытались свести общие знакомые, но этот горе-праведник меня панически боится. Мне передавали, что он заявлял, что стоит ему протянуть мне руку, и я тотчас же утащу его в ад. Хотя он полагает, что дьявол, противопоставляя ему, является лично, не прибегая к помощи колдунов, ergo, противоречит сам себе.

Пьяненький приятель студента, тихо дремавший в углу, вдруг дернулся, и, с трудом сфокусировав взгляд перед собой, заорал песню, то и дело сбиваясь с мотива:

Доктор Лютер дорогой

Замахнулся кочергой

Черт ему привиделся

Лютер разобиделся

Крикнул: — Эй, католики!

Все вы алкоголики!

Негоцианты покосились на нарушителя спокойствия с неодобрением, бурши же, участвующие в пирушке, захохотали и засвистели. Второй куплет подхватили еще трое-четверо.

Католический священник

Заорал: — Молчи, мошенник!

Завопила страница:

— Лютер, сам ты пьяница.

Лютер тут нахмурился

Взял да окочурился.

— Говорят, дела курфюрста Саксонского пошли на лад из-за того, что он, — один из купцов, подвинувшись ближе к Фаусту, перешел на шепот, — купил себе в Праге целых четыре мандрагоры?

— Видел я эти мандрагоры, — заметил Фауст, — не в Праге, а в Кракове, не четыре, а две, да и те не стоили трат, поскольку невооруженным глазом видно, что корни резали и подвязывали. Если хотите получить мандрагору, а не петрушку, которой медяк — цена за пучок в базарный день, наймите специалиста, чтобы он провел извлечение корня в Вашем присутствии.

— Так говорят, что стон мандрагоры ввергает слушающего в безумье, а были случаи, когда при извлечении являлся сам... ну, вы понимаете...

— Чтобы убедиться, что извлекают тот корень, который вам нужно, вам надлежит пускать в ход глаза, а не уши, — сухо промолвил Фауст. —

Замажьте их воском, по примеру Улисса, и ничего не бойтесь. Мой куманек не является лично за каждым дураком, который ковыряет какой-то куст. С демонами же низшего ранга любой толковый чародей должен уметь справиться, в противном случае — гоните его в шею. Из него такой же маг, как из козлей задницы — фанфары.

Купец наклонился и, с придыханием, принялся что-то нашептывать Фаусту, брызгая тому слюной прямо в ухо. Агриппу затошнило.

Папе Римскому все хуже,
Он лежит в вонючей луже.
Меньше по количеству
Стало католичества

Бурши продолжали горланить песню с возрастающим энтузиазмом.

Так, — хмуро подумал Агриппа, — а вот это уже не смешно. Если здесь найдется хоть один доносчик, в чем я, лично, не сомневаюсь, этим несмышленным жеребчикам прямая дорога на костер. Одно дело — просто хулить Понтифика, другое — хулить Понтифика, трапезничая с колдуном. Если бы изжарили только этого кретина, — воздух чище стал бы, а мальчишки пропадут ведь ни за чих кошачий.

Фауст тоже сообразил, что дело принимает опасный оборот, и, перекривая певунов, заорал на всю господу:

— Эх, хорошо сидим, да закуси мало! Давайте-ка сюда рачьи панцири, сейчас я всех раков оживлю, мы их опять сварим и — эх! — гульнем!

В подтверждение его слов ярко-красный рак, зажатый у чернокнижника в кулаке, зашевелился и тяпнул клешней своего мучителя за толстый палец. Фауст неподобающим образом выругался и разжал руку. Рак перелетел через стол и шмякнулся на колени одному из негоциантов. Тот завопил непотребно тонким голосом, как знатная девица, увидавшая мышь, и принялся стряхивать с себя дьявольское порождение. Песенка смолкла на полуслове и в зале господы воцарилась такая тишина, что стало слышно, как потрескивают дрова в очаге.

— Молодец! — мысленно восхитился Агриппа. — Хорошо сработано. Трюк с раком он хорошо знал и сам применял его в студенческие времена. Если панцирь живого рака натереть спиртом, то он покраснеет. Оживший вареный рак, ползавший по столу, производил неизгладимое впечатление на доверчивых новичков и девиц легкого поведения.

— Ладно, повеселились — и хватит, — решил Агриппа и встал из-за стола. Хозяин, увлеченный трюками Фауста, не сразу сообразил, чего от него хотят и обратил внимание на Агриппу только тогда, когда тот достаточно невежливо тряхнул его за плечо. С явной неохотой он поднялся на второй этаж, отпер комнату и, ворча, удалился, прихватив с собой свечу.

Агриппа ощупью разделся и лег в постель. Уснуть не получалось. В комнате царил зверский холод, за день белье отсырело и, помаявшись так некоторое время, Агриппа натянул штаны и отправился вниз с твердым намерением вытрясти из хозяина жаровню, а заодно потребовать хоть какого-нибудь света.

В общем зале он застал дивную в своей бессмысленности картину. Фауст стоял, воздев руки вверх. В руке он держал длинную цепочку, на конце которой, пуская по комнате радужные отблески, раскачивался, подобно маятнику, шлифованный кристалл. Хозяин господы со всеми участниками пирушки жались в противоположном углу, задрав головы вверх и устремив взгляды на потолок, как будто ожидая прочесть там «Мене, текел, фарес».

— Что за блажь? — подумал Агриппа и решительно направился к хозяйину.

— А-а, летит... — выдохнул кто-то.

— Кто летит, — удивился Агриппа. — Ах, вот оно что...

И тут его опять разобрала злость. Незаметно он подошел к Фаусту и что есть силы заехал ему ногой в голень. От неожиданности и боли тот завопил и плюхнулся на толстую задницу. Наваждение рассеялось, и толпа в противоположном углу зашевелилась, все хором заговорили, некоторые, самые смелые, направилась к чародею, оплывшему на полу, как жаба. Но Сабелликус Фауст младший мгновенно овладел собой.

— Кто читал «Pater noster!», — зарохотал он. Признавайтесь, кто сейчас читал «Pater noster!»

— Я! — выступил вперед молоденький монашек, которого так испугало в начале вечера появление небывалых птиц из чародейской сумки. В глазах юноши плескалась фанатичная решимость первых христианских мучеников.

— Ты в своем праве, — буркнул Фауст, поднимаясь на ноги. — Но в будущем попрошу всех определиться, хотят ли они присутствовать при левитации, или же жаждут собраться для молитвы. Одновременно того и другого не получится. Эти вещи, знаете ли, несовместимы.

Зрители оживились, заговорили, кто-то хлопнул по плечу Фауста, кто-то шепотом благодарил монашка. Вокруг этих двоих забурлила жизнь, а Агриппа, никем не замеченный, остался стоять, как дурак, у входа на второй этаж.

— Опять выкрутился, — с раздражением подумал он. — Я понял, почему он меня так достал. Не тем, что его липовая слава превосходит мою, настоящую. А тем, что не его сравнивают со мной, но меня с ним. И от меня, врача и ученого, требуют ярких трюков, которые в изобилии поставляет он, шарлатан и фокусник. И плевать, что мои действия приносят облегчение больному, а его — исключительно кошельку заказчика. Беда в том, что всех нас — тех, кто в состоянии сделать хоть что-нибудь полезное, рядят в те же шутовские одежды. И когда запахнет жареным, на костер в одной телеге повезут и его и меня, особо не вникая, кто, чем и как занимался. Уже дошло до того, что Мсье, моего несчастного старого пса, полагают дьяволом, принявшим облик животного. Как он там? Тоскует, верно, бедняга...

Заполучив, наконец, и свечу и жаровню, Агриппа сел за стол и под впечатлением от увиденного, взялся за письмо своему ученику, оставшемуся в

Париже, чтобы приглядывать за домом и собакой. Юноша просился с ним в Прагу, но, зная о своей репутации, Агриппа побоялся брать в дом приходящую прислугу, которая имея хотя бы толику воображения, разнесла бы по городу сплетни о демонах, дьяволах и прочей нежити, якобы в изобилии населяющей лабораторию.

«Дорогой друг, — писал он, — на постоялом дворе я случайно столкнулся с человеком, которого ты так жаждал увидеть. Этот Георгий Сабелликус, имеющий дерзость называть себя главой некромантов, — бродяга, пустослов и мошенник. Его следовало бы высечь розгами, дабы впредь он не осмеливался учить нечестивым и бессмысленным делам.

Ибо о чем ином свидетельствуют звания, которые он себе присваивает, как не о невежестве и безумии его. Поистине, они показывают, что он глупец, а не философ...»

Агриппа проснулся задолго до рассвета. Нужда, бесконечно малая по своей сути, но в данный момент затмившая собой все остальные потребности, выгнала его во двор. Уже возвращаясь, он заметил темную сутулую фигурку на крыльце господы.

«Господи, твоя воля... — мысленно застонал Агриппа, — везет мне, однако, на тебя», — и тут же поспешно отступил в тень, надеясь переждать постигшую его напасть.

Фауст, не ведая, что стал для Агриппы напастью, сидел на крылечке, попыхивая глиняной трубкой. Эта испанская привычка, завезенная из новых земель, еще не вошла в моду, но в портовых городах частенько можно было увидеть краснолицего матроса или потрепанного жизнью наемника, точно так же пускающего дым колечками. Церковь уже обратила на это внимание и от случая к случаю провозглашала табак дьявольским зельем, что, впрочем, никому не мешало предаваться полюбившемуся занятию. Сам Агриппа не курил, но о курении знал и за великую беду его не почитал. Агриппа присмотрелся внимательнее, потом протер глаза и поглядел еще раз. Внезапно он испытал острое желание перекреститься.

Он не раз видал, как опытные курильщики пускают дым колечками и закрывают пари на то, кто выпустит большее количество колечек подряд. Но дым из трубки Фауста вел себя совершенно иначе. Он складывался в правильные многоугольники, поднимался к небу разноцветными спиралями, а на последней затяжке Фауста вообще сложился в миниатюрное подобие Нотр-Дам де Пари. Агриппе показалось, что он заметил даже блеск стекол в крошечных витражах.

Налетел ветер и разнес в клочья дымное подобие собора. Фауст не спеша выбил трубку о каблук, повел рукой над кучкой пепла и взялся прочищать трубку специальной щеточкой извлеченной из кисета.

Из кучки пепла пробился росток. За какой-то краткий миг он поднялся в

саженец. Крохотное деревце выбросило листья, затем зацвело. В морозном воздухе расплылся сладкий аромат цветущей яблони.

Агриппа стоял в тени, не осмеливаясь нарушить акт творения чуда. Как хороший мастер своего дела, он умел почуять нутром столь же мастерскую работу другого. Он затаил дыхание, стараясь не спугнуть Фауста, не навредить крохотному деревцу, росшему, вопреки законам природы, прямо в его присутствии. Тем временем цветы начали облетать. Новый порыв ветра швырнул Агриппе прямо в лицо россыпь бело-розовых лепестков. Он подхватил один из них и что есть силы сжал в кулаке. Лепесток, подобно настоящему лепестку, превратился в грязно-белую кашицу, но исчезать никуда не собирался.

— Помолиться, что ли, как тот монашек, — подумал Агриппа и фыркнул, удивляясь сам себе. Теперь он понял чувства, обуревавшие завсегдатаев господы, заставившие хозяина забыть об обязанностях: купцов — о сделках, а школяров — о зубрежке.

Тем временем яблочки, завязавшиеся на деревце, увеличились в размерах, налились соком. Фауст прекратил возиться со своей трубкой, уложил ее в кисет и соизволил обратить внимание на деревце. Он ласково погладил ближайший к нему плод, и он мягко, податливо упал в подставленную ладонь. Чародей заразительно вкусно захрустел яблоком.

Тощая облезлая кошка, тенью выскользнув из-под поленницы, хрипло мяукнула и потерлась Фаусту о ноги. Тот сделал неувловимое движение рукой и материализовал куриную ножку, которую протянул зверьку. Кошка, урча, принялась за угощение.

Фауст слегка задумался, потом улыбнулся и щелкнул пальцами. На всех четырех лапах у кошки оказались миниатюрные сапожки, а на голове — бархатный берет с пером. Кошка недовольно тряхнула головой, и берет свалился на землю. Фауст звонко, по-мальчишески расхохотался, поднял руки вверх и вдруг взлетел, взмахнув, как крыльями, черными рукавами своей мантии. Золотой позумент, вызвавший вечером такое раздражение Агриппы, тускло блеснул в лунном свете.

Поначалу Фауст двигался тяжело, преодолевая сопротивление воздуха, как ныряльщик, поднимающийся на поверхность. Загребая руками и смешно подергивая коротенькими толстыми ножками в сапогах воловьей кожи, он медленно взлетал ввысь. Вот он уже поравнялся с крышей дома, вот уже поднялся над ней и вдруг, поймав воздушный поток, заскользил в воздухе легко и радостно, как птица, время от времени взмахивая руками. Он смеялся и парил над городом в лунном свете, он любил этот город, и Прага, старая склочница, платила ему взаимностью. Поднявшись достаточно высоко, он заложил в небе крутой вираж и направился в сторону ратуши.

Агриппа вышел из своего укрытия и подошел к яблоньке. Вопреки зимнему холоду, она стояла, покачивая зелеными листьями. Он сорвал яблоко и оглядел со всех сторон. Яблоко как яблоко. Оно было

гладким, холодным на ощупь и распространяло вокруг себя тот кисло-сладкий волнующий, знакомый с детства аромат яблок, принесенных домой под рождество из холодного погреба. Агриппа поймал себя на том, что машинально, не вдумываясь в смысл слов, читает «Pater Noster». Яблоко никуда не делось. Зажмурившись, Агриппа вонзил в него зубы.

Вкус разочаровал его. Возможно, он подсознательно надеялся, что оно будет соленым, как тарань, или горьким, как луковица, но увы — оно было яблоком, и ничем иным. Рядом кошка, уже покончившая с трапезой, методично, один за другим сдирала с себя сапожки.

Агриппа понял, на что похоже колдовство Фауста. С той же легкостью и почти безразличием, он сам, устав от ученых трудов, рисовал на полях свитка диковинных зверей и забавные физиономии. Друзья оценивали эти каракули высоко, сетуя, что в нем пропадает дар живописца, а он только смеялся, демонстративно поругивая себя за порчу чернил и пергамента, но втайне гордился похвалой. Погрузившись в раздумья, он не заметил Фауста, мягко приземлившегося на крышу господы.

— Вкусно? — спросил тот.

— Очень, — ответил Агриппа и поглядел вверх. Фауст сидел на самом краю крыши, беспечно болтая ногами. — Скажите, — начал Агриппа обвиняющим тоном, — если вы умеете все это — он повел рукой вокруг себя, — зачем вам весь этот балаган с крашеными раками и фальшивыми мандрагорами?

— Жить хочу, — просто ответил тот, усаживаясь поудобнее. — Когда хорист из папской капеллы имеет диапазон в три с половиной октавы, все говорят, что это дар Божий, и никому не придет в голову дробить ему пальцы в тисках, чтобы узнать, как он это делает и не сделка ли это, не приведи Боже, с дьяволом. А я колдую так же, как он поет. По наитию. Этот дар у меня с детства и ни с кем я не заключал договоров. Но попробуй-ка объясни это людям. Когда мне было лет десять, я сдуру попытался, и знаете, мне до сих пор страшно об этом вспоминать.

— Но, — начал было Агриппа, но Фауст перебил его...

— Когда умные люди считают тебя невеждой и шарлатаном, а люди недалекие уверены, что тебя можно повергнуть наземь молитвой, ты полностью вписываешься в их картину мира. Ты смешон и поэтому безвреден. Но если бы я пер против течения, как вы, пробуждая зависть у равных себе, страх у сильных мира сего и ненависть черни, от меня бы уже и пепла не осталось. Его развеяли бы по ветру. Может быть, не дай Бог, конечно, вы когда-нибудь вспомните нашу беседу.

Много лет спустя, обвиненный в колдовстве и изгнанный императором Карлом из своих владений, замерзая на дороге между Греноблем и Лионом, Агриппа не раз и ни два вспомнил этот разговор. Но тогда, в Праге, он только пожал плечами.

Уже попрощавшись с Фаустом и почти скрывшись в доме, Агриппа вдруг вернулся на крыльцо.

– Герр Сабеликус, – крикнул он, обратив свой взор к небу, – а где вы взяли тех попугаев, которых сегодня требовали подать вам к ужину?

Сверху послышался тихий смех.

– Купил у матроса в Гавре, – отсмеявшись, пояснил Фауст. – Хотел поднести в качестве подарка курфюрсту Саксонскому. Но они не выдержали нашей суровой зимы, бедняжки...

АЛЕКСЕЙ К. СМИРНОВ

ПАРА-СЕНОК

Я ОТРАЖАЮСЬ В ЗЕРКАЛЕ.

Они одолели меня.

Разговор шел о старинной картине, изображавшей двух господ за карточной игрой. В картине скрывался подвох, ключом к которому были тщательно прорисованные детали — вплоть до потертости на пиковом тузе. Резное бюро, канделябры, сумеречное оконце и зеркало, самое любопытное. В зеркале исправно отражалась комната, но только не игроки. Вместо них там стояла в дверях неразличимая темная фигура, и этой фигуры, в свою очередь, не было в комнате, где шла игра.

Если предположить, что художник изобразил «реальную» комнату, то игроки неизбежно оказывались призраками, поскольку не отражались в «реальном» зеркале. Таким образом, право на реальное существование оставалось за зеркальным силуэтом, то есть кем-то вне пространства полотна; выражаясь точнее — за мною, его созерцающим.

Восхищенный, я выпалил все это как на духу, волнуясь и путаясь в громоздких словах:

— Этот шедевр... архисерьезнейшая, квазипроблемная работа...

Сказав так, я прикусил язык.

Говорил не я, говорил мой дядя, обожавший превосходные степени.

Общество взирало на меня в надежде, что я продолжу. Но я, прищемив бесу хвост, никак не мог разобраться, где кончается он, и начинаюсь я.

Мой собеседник вздохнул и переменял тему. Обращаясь уже не ко мне, он завел речь об Антониони.

Кое-кто улыбался — недолго; вскоре про меня забыли.

«Дядя, — сказал я себе, поводя спиритуальным носом и беря серный след. — Дядя, не прячься, скотина. Покажись, я знаю, что ты здесь. Какого дьявола ты ко мне привязался».

«Да я пашу, как вол! — взвился мысленный дядя. — Да я как вол! Да я вол! Дьявол! Дьявол!»

Это уже был не дядя. Голос звучал очень знакомо, и я напрягся, стараясь понять, где я его подцепил.

«Квази, квази, квази», — забормотал дядя, обнаруживая свой субличностный неполноценный характер.

Типичное поведение: с поимкой все они теряют словарный запас, оборачиваются дебилами и рассыпаются горсточкой знаковых слов, а то и слогов.

Иные визжат и воют, кто-то пляшет вприсядку, хотя я не могу представить, как это может быть сделано в звуковом варианте.

Но если все гладко, они расцветают кричащими грядами давних фраз и забирают власть. Все без исключения люди, представлявшие для меня хоть какую-то значимость, сочли своим долгом нагадить и пометить территорию вида, за которую с ослепительной наглостью приняли мое почтительное сознание. Робя перед их апломбом, я сам открывал ворота, и они проходили, располагались, как у себя дома, и, насорив, покидали меня. Все, что было в них достойно вечности — их грязные ботинки. Носителей не станет, когда я еще буду жив. Они продолжатся в моих полуосознанных высказываниях и будут вещать миру моими устами. Иных уж нет. Мама, папа, баба-деда — все того-с, а голоса остались. Они указывают, направляют, запрещают, выговаривают, сыплют шуточками и поют колыбельные песни.

Некоторые живы — тот же дядя.

Что хорошего нашел я в его претенциозных, выпренных выражениях? Зачем они легли мне на душу так легко; с чего так усвоились, словно их ждали?

«Никаких квази, — сказал я свирепо. — Я тебя поймал, ошметок. Я не говорю “квази”, не говорю “архи”. Это твои словечки».

Дядя молчал. Поимка — действенное средство, но устраняет одного пойманного, тогда как не пойманных и не узанных — легион.

Я разрешил себе вернуться к беседе. Я не любил Антониони, и у меня был заготовлен маленький спич.

— Не знаю, не знаю, — заметил я. — Стоит мне услышать это имя, как просыпается желание написать небольшой сценарий. Вот вам краткое содержание: у Менструеллы середина цикла. Однако окружающие Менструеллу роботизированные самцы отговариваются пресными любезностями и продолжают строить нефтяные вышки.

«Менструелла». Это, черт возьми, тоже чужое, в недобрый час приобретенное слово. Я моментально узнал одного старого пакостника, который жил по соседству и донимал меня гадостями при каждой встрече.

Конечно, этим словом я все испортил.

— Вы слишком суровы, — ответили мне с нескрываемой досадой. — Наверно, вам ближе американский кинематограф или поздний Гайдай.

Я пришел в буйство, и мой язык принялся говорить от себя — от них, нимало не заботясь о моем собственном вкусе.

— Наверно. В Америке Гран При не «Оскар», а бронзовый мудозвон, тогда как призер — комедия «Космический Сортир». Вообще в американском кинематографе меня давно занимает тема финального совокупления. Весь трах в конце фильма — заслуженный; победил — можешь размножиться. Мы-то, дураки, ищем здесь символы и метафоры, а они понимают это буквально. А в нашем фильме любовный финал — условность, типа «мерси» или «чао», потому что размножатся и без права, а если получат право, то назло его извратят и трахнут противоестественного партнера противоестественным способом.

— Подите проветритесь, — сказали мне.

Я пошел.

На ходу я вел любительское расследование, устанавливая учредителя новой награды американской киноакадемии.

Установил.

Демоны роились; в их суете скрывалось мое забитое «я», которое на каждом шагу лишали права голоса.

Я выписал их на бумажку. Ныне живущих набралось штук тридцать; все это были фигуры из моего близкого окружения вкупе с теми, кто кривлялся с более безопасного расстояния.

Я склонялся к мысли, что в коллективном бессознательном творится полный содом, но не хотел идти к аналитику ради бесперспективного истребления исторических чертей. Мне думалось, что лучше будет разобраться сперва с оккупантами, которых я знаю достаточно хорошо. Расчистить место. Может быть, тогда мой собственный голос зазвучит во всей его ясности и чистоте. Я не избавлюсь от влияний окончательно, и все же вздохну свободнее без очевидных драйверов, программ и посланий распоясавшихся отправителей.

Я долго размышлял, и наконец у меня созрел план.

Для осуществления задуманного мне понадобилось устроить небольшой прием.

Я сел к телефону, держа в руке список, и начал созывать гостей.

— Дядя? Здравствуй, дядя. У меня намечается небольшое торжество. Да, повод есть, но это пока что секрет.

Приглашая дядю, я с сожалением рассматривал портреты родителей. Как жаль, что на том свете не принимают приглашений, предпочитая привечать гостей лично, на собственный лад, у себя. Такое ответное гостеприимство меня совершенно не устраивало.

В моей голове порхали трогательные мотыльки, предусмотрительно оставленные покойниками. Папино-мамино наследство.

— Алло? Привет, старина. Чем ты занят в следующую пятницу? Буду рад тебя видеть. Тебя особенно.

— Алло! Рад услышать ваш пленительный голосок. Жду вас в пятницу, райское создание.

Порой мне казалось, что гости уже пришли — настолько живо звучал в моем черепе их ладный хор.

Я не забыл и домашних. Жена стояла в списке последней: на сладкое. Смешно было думать, что последнее место объяснялось скромностью ее долевого участия.

Сына я, напротив, не вписал, так как его голос по малолетству не успел утвердиться в моем разуме и сыграть там неблагоприятную роль.

Обзвонив друзей и родственников, я перешел к другому важному делу.

Несколько лет назад на меня произвела большое впечатление история о старце, который пользовал одного больного человека. С беднягой случился удар, и от всего русского языка в нем осталось одно только слово «блядь» —

весьма распространенный «эмбол», как выражаются медики. Этим словом он реагировал буквально на все, им вопрошал, им отвечал, его именем судил и миловал. А иногда просто орал без умолку, вот старца и позвали. Старец, едва услышал, какое слово изрыгает клиент, сказал ему: «Замолчи!», и погрозил пальцем. И больной мгновенно перешел на следующий уровень совершенства. Его затопило безмолвие, и ничего не осталось, а низшего сорта чертяка, прикрывшийся словом «блядь», умчался под видом зловонного облачка — последнего вздоха больного.

В общем, я прикупил побольше горчицы — для умощения гостей, благо мне после старца и по причине сильнейшей к ним ненависти хватило бы горчичного зерна.

Я сделал предложение, от которого они не смогли отказаться. Пригласил их на дачу, пообещав королевский стол.

Жена порывалась помочь в приготовлениях, но я с улыбкой отклонил ее помощь.

— Позволь мне насладиться этим сладким бременем. Позволь хлопотать.

И хлопотал.

В четверг я проверил список и убедился, что никого не забыл. Проверая, я морщил лоб и барабанил пальцами какую-то музыку. Поймав себя на этих занятиях, я по привычке разложил их на отдельные составляющие.

Лоб любил морщить мой дедушка, который, к сожалению, находился теперь вне досягаемости. И в жалкие же мелочи продолжают люди! Не в пароходы, не в строчки, не в громкие дела — в сморкание, безудержное резонерство, нелепые гримасы, назойливые голоса.

Песенка пришла из эфира; сам исполнитель маячил на заднем плане. Я снова не мог добраться до виновника.

Зато в моем списке был человек, от которого я набрался многих гадостей — в том числе манеры барабанить пальцами.

И я улыбнулся.

Улыбка была не моей. Так улыбался кто-то, кому я бессознательно подражал. Какой-то подлец, съездившись до улыбки, сидел во мне и улыбался изнутри.

Я махнул на него рукой.

Подозрительный жест.

Утром в пятницу я выехал чуть свет, намереваясь проследить за подготовкой ужина.

Веры во мне было столько, что я, если бы захотел, смог жонглировать окрестными холмами.

К семи часам вечера слетелась саранча.

Жена удивилась при виде стола, накрытого в доме.

— Такой чудесный вечер! — сказала она огорченно. — Почему ты не накрыл в саду? И даже шторы задернул!

— Терпение, терпение, — усмехнулся я, плотнее затворяя двери, выходявшие на веранду. — Я приготовил сюрприз. Все откроется позже.

Горбатая улочка забила машинами. А гости все прибывали. Многие ехали поездом, но все равно образовался затор, который пришлось объезжать стороной даже деревенским психам-мотоциклистам.

Мне стоило больших усилий удержать их в доме. Все, как один, словно сговорившись, стремились в сад. Природа их чем-то притягивала, и я догадывался, чем, еще сильнее укрепляясь от догадки в своей уверенности. Я развлекал их, как мог, дожидаясь кворума.

Когда, наконец, съехались все, я пригласил их к столу.

— За этот дом! — мой дядя встал, расправляя усы и потрясая солидной ручкой. — За его архилюбезнейших и квазигостеприимнейших хозяев!

— Ура! Ура! Ура! — закричали все.

— А что сегодня, собственно, за повод? — осведомился один гад, проживая ветчинный бантик.

Я встал.

— Друзья! Я прошу от вас немногого — чуточку выдержки. Мы выпьем и закусим, а после я открою вам смысл и цели сегодняшнего мероприятия.

Меня дернули за штанину. Я нагнулся под стол и увидел физиономию сына, перепачканную ягодным соком. Стервец таки выбрался в сад.

— Папа, там свинки, — зашептал маленький негодяй.

Я шикнул на него:

— Молчи! Иначе пожалеешь, что родился на свет!

— Я давно жалею, — насунился сын и уполз в темноту, наполненную шебуришанием ног. Он притаился во мраке, и ему там, наверно, мерещилось, что мимо маршируют отряды невидимых призраков.

Я выпил немного, предпочитая следить, как наливаются другие.

Минут через двадцать, когда там и сям стали раздаваться занудные голоса, сетовавшие на духоту, я вновь поднялся и постучал ножиком по ножке бокала.

— Дорогие гости! — сказал я. — Мне бесконечно радостно видеть вас всех здесь, сидящими за моим скромным столом. От того, что вы и без стола постоянно находитесь со мною вместе, моя радость не уменьшается.

Мои слова были восприняты как метафора, хотя я вложил в них буквальный смысл.

— Я долго думал, какой награды заслуживают столь верные спутники, — продолжал я, выходя из-за стола и приближаясь к дверям. — Возможно, награда — неудачное слово. Я взял бы шире, емче — пусть это будет участь, судьба, если угодно.

На меня глазели заинтересованные, доброжелательные лица. Мой взгляд остановился на пальцах, барабанивших по скатерти.

— В то же время нельзя не признать, что при всех моих естественных восторгах ваше неустрашимое соседство становится несколько тягостным. Такому переимчивому человеку, каким являюсь я, приходится много страдать от досадной необходимости выражаться вашими словами, изъясняться вашими жестами, заражаться вашими мнениями, блять вашими голосами... И я решил, что наилучшей средой, в которой вы могли бы достойно реализовать свои таланты, будет вот эта!

И я распахнул двери в сад.

Там, на лужайке, паслось стадо свиней.

— Ступайте! — прогремел я, простирая руку. — Именем Господним! И бесы веруют! Но трепещут.

По счастливому стечению обстоятельств мой загородный дом располагался на вершине обрыва.

Гости сорвались с мест и ринулись в сад.

Скрестив на груди руки, я смотрел им вслед и торжествующе хохотал. Во рту ощущался привкус горчицы.

Люди лопались, как воздушные шарик, а свиньи вдруг сходили с ума и неслись к пропасти.

— Папа, а что же ты? — слышалось сзади.

Я обернулся.

Мой отпрыск стоял и сурово взирал на меня исподлобья. Меня, что греха таить, ужасно испугал его необычно серьезный вид.

— Давай-давай! — поторопил меня сын. — Ты один остался. Догони их!

И я, сам того не желая, побежал. Там как раз замешкалась последняя, симпатичная с виду свинка.

Моя порода! Я про сына. Теперь я вижу, что вырастет свин. Отсюда мне многое виднее. Этот поросенок ловко меня подловил. Из области, в которой я отныне пребываю, он, правда, смотрится не вполне поросенком. Как все предметы некогда реального мира, перешедшие по отношению ко мне в потустороннее положение, он занял новую позицию, которая требует приставки «пара». Или это частица?

Здесь всё частицы. И все частицы.

Места — гуляй, не хочу.

И все мое.

Июль — август 2001

АННА ГУРОВА

ПРЕВРАЩЕНИЕ

ЭТО ЗАЧЕМ? — СПРОСИЛ Я, ПРИНИМАЯ шерстяной плед и неловко им обматываясь. — Как его правильно надеть-то? Это будут крылья, да?

— Нет, — хмыкнул Грег. — Это чтобы тебе не замерзнуть.

Он посмотрел на запястье.

— У тебя два часа.

— Два часа? Так много? На что?

— Иди.

Грег подтолкнул меня к балконной двери.

Я вышел, разошшаяся дверь с треском за мной закрылась. Я остался один в темноте.

«Надо просто прыгнуть, — вспомнил я инструкции Грега. — Ты прыгаешь вниз, и все получается само собой».

Просто. Ха-ха!

Я перегнулся через ржавые перила и посмотрел вниз. Тьма крошечная. Поднял взгляд выше. Вон вдалеке фуры едут по Приморскому шоссе. Там, за заливом, мерцают огоньки Васильевского острова. Днем отсюда весь Приморский район как на ладони. Это вам не хухры-мухры — пятнадцатый этаж!

— Вот сам бы и прыгал, — проворчал я, думая про Грега.

Впрочем, он-то наверняка уже прыгал. И Ники тоже. И Валенок. Все тут уже прошли через свой первый полет, кроме меня.

Я постарался собраться. Наклонился над перилами, навалившись на них животом. Обратного пути нет. Мне оказали огромную честь. Выбрали из тысяч. Я, если пафосно выразиться, — избранный! И чтобы войти в число избранных, как равному, а не как Золушке, которой разрешили одним глазком посмотреть на высший свет, а потом выгнали пинком под зад, мне всего лишь надо перелезть через эти ржавые поручни и... отпустить их.

Я представил, что будет, когда я брошусь вниз. Нарисовал в уме картину — ту, которую видел не далее как сегодня ночью. Когда на этом же самом балконе раздался шелест и свист ветра, шум и грохот, и я увидел за стеклом острую черную морду, похожую на гигантское зубило, и перепончатые крылья, длиной с целое небо... а потом дверь открылась, и в комнату вошла

Ники. Но когда я пытался вообразить на ее месте себя, мне почему-то представлялась жалкая и трагическая картинка в духе телепередачи «Криминальные новости» — вот в воздухе промелькнет беспомощное тельце, поидиотски размахивая руками, и через несколько секунд с сочным хрустом впечатается в асфальт.

Мне стало дурно. Почему-то вдруг показалось, что ограждение исчезло, а пол балкона наклонился наружу. Преодолевая головокружение, я отшатнулся и прижался спиной к балконной двери. По спине стекал холодный пот, увлажнились ладони...

Неожиданно меня разобрала злость. Какого черта я тут делаю? Мне что, жить надоело? Или мне так уж плохо жилось раньше? Ну да, работа унылая, зарплата маленькая, машина сломалась, бывшая с дочкой общаться не разрешает... Все эти проблемы вдруг показались такой мелкой фигней по сравнению с перспективой шмякнуться оземь с пятнадцатого этажа и не иметь больше никаких проблем вообще никогда.

Я решительно развернулся спиной к черной пропасти. В комнате тоже было темно. Спать они там легли, что ли, пока я тут с жизнью прощаюсь?! Я тихонько поскребся в стекло.

— Чего? — тут же появился Грег.

— Это... А давай ты прыгнешь вместе со мной, — малодушно предложил я.

— Или Ники. Типа для подстраховки, а? Вдруг что-то не сработает?

— Не валяй дурака, — сказал он. — У всех получалось, и у тебя получится.

И захлопнул дверь у меня перед носом.

Я медленно повернулся лицом к пропасти, чувствуя себя пристыженным. Пока не вернулся этот панический ужас, надо скорее сигать. «Представь, что это прыжок с парашютом, — заискивающе сказал я себе. — Ты ведь всегда хотел прыгнуть, просто так и не собрался... Ты стоишь на краю открытого люка, снаружи свистит ветер, но бояться нечего, потому что за спиной у тебя парашют. Да, надежный парашют, который подхватит тебя и превратит смертельное падение в чудесный, восхитительный полет! И пусть сейчас этого парашюта еще нет, но как только ты перебросишь себя через перила, он сразу появится!!!»

Душу затопила невероятная тоска. «Все», — я стиснул зубы, зажмурился и совершил рывок...

... и обнаружил, что мои руки мертвой хваткой вцепились в балконное ограждение. Пальцы побелели, и я не мог их разжать. Я посылал команду рукам — отпустить железяку! — а они не повиновались! Мой организм категорически не хотел умирать. Он не верил мне. Сколько бы головной мозг не говорил «все будет хорошо», у спинного мозга было на этот счет свое мнение.

Я открыл глаза и с удивлением обнаружил, что уже рассветает. А я так и стою, вцепившись в ограждение. Плед валялся под ногами. Я поднял его, набросил на плечи негнущимися руками и горько усмехнулся. «У тебя два часа», — вспомнил я слова Грега и теперь наконец понял, что он имел в виду. «Всего лишь два часа. Последние два часа жизни покажутся тебе очень короткими».

Как красиво было вокруг! Гасли последние звезды, небо из темно-синего становилось нежно-голубым, с востока разливался золотистый свет. Будучи убежденной «совой», я вставал обычно так поздно, насколько позволяла работа, и даже не знал, как дивно выглядит город на рассвете. Особенно в мае, в разгар цветения. Мне вдруг показалось, что я уже внизу, во дворе, на мокром асфальте, среди цветущей сирени. Я не помнил, как я там оказался, не помнил полета, но под ногами у меня была земля. Двор был совершенно пуст. Непривычное зрелище — *безлюдный* Питер.

Рядом раздался странный клекот. Я поднял голову и увидел... двух соколов. Вообще-то я не знал, как именно выглядит сокол, но для орлов эти птицы были слишком маленькие — серые, с острыми загнутыми клювами, когтистыми лапами и свирепыми светлыми глазами. Соколы явно собирались драться. «Что они не поделили?» — удивился я, и тут заметил за спиной одного из них небольшую птичку...

— Эй, Леха, ты что, уснул? — раздался рядом голос Грега.

Я моргнул и обнаружил, что по-прежнему торчу на балконе, постукивая зубами от холода.

— Ладно уж, не будем тебя мучить. Вижу, там у тебя ничего не получится. Пошли.

— Все пропало, да? — спросил я, покорно следуя за ним в комнату. — Вы меня выгоните?

Мысленно я с этим уже смирился. Ну, значит, не летать мне по небу. Не судьба. Оно и спокойнее. В конце концов, почти все люди так живут — и ничего...

А как же Ники? Значит, с ней тоже — все?

Мы прошли в маленькую опрятную кухню мамы Валенка: стол, плита, холодильник «Минск», на нем телик, на окне макраме и рассада помидоров. У плиты стояла Ники, уставившись на заварочный чайник. На меня она даже не взглянула, и мне снова стало дико стыдно.

— Ничего, бывает, — утешил меня Грег. — Ники, налей ему горячего чайку, а то он весь закоченел. А ему сегодня еще мно-ого предстоит сделать...

Ники молча брякнула передо мной чашку, налила кипятку и даже сахар сама положила. Потом достала из холодильника заранее заготовленный бутерброд с сыром. Взглянув на него, я понял, что ужасно голоден.

— Не выгоните? — радостно спросил я, впиваясь в бутерброд. — А как тогда? Вы же сказали, надо обязательно прыгнуть...

— Попробуем по-другому, — добродушно улыбаясь, сказал Грег. — Ты кушай, кушай. Тебе сегодня силы понадобятся.

Я покосился на Ники, и увидел, что она глядит на меня вроде бы без осуждения, но с явным сочувствием. К чему оно относилось — не понял. Однако насторожился.

— Опять прыгать?

— На этот раз нет.

— А что теперь?

— Увидишь.

Грег не соврал — вниз мы спустились на лифте. На улице он своим ключом открыл дверь, за которой в нормальных домах располагается мусоропровод. Его дом к нормальным не относился — за дверью начинался спуск куда-то под землю. Мы прошли внутрь — первым Грег, потом я, замыкающей Ники, — спустились ступенек на двадцать вниз и долго шагали по тускло освещенному коридору, вдоль стенок которого тянулись сырые трубы. Неожиданно стенки расступились, и мы оказались в странном помещении. Длинное и узкое, оно было поделено на три дорожки, которые уходили вдаль метров на двадцать и заканчивались тремя квадратными темными нишами. Поперек помещения была натянута металлическая сетка, из какой делают дачные заборы. За сетку вела решетчатая металлическая дверь, из которой появился Валенок — молчаливый приятель Грега с внешностью байкера и глазами конченого психа.

— Прикольное место. Это же не кегельбан? — с любопытством спросил я, глядяваясь в темные ниши.

— Нет, — буркнул Валенок. — Иди сюда. На.

Он сунул мне в руки винтовку. Я от неожиданности чуть ее не выронил.

— Ого! Настоящая?

— Ну не пневматика же! — Валенок открыл затвор. — Вот патроны, шесть штук.

— Боевые?

— А как же! Заряжаешь сюда, потом передергиваешь вот так, ложишься сюда и целишься...

Одна из темных ниш осветилась, и в световом квадрате появилась мишень.

— А, так это тир!

— Ну да. Понял, куда нажимать? Ну-ка попробуй сам!

— Да я умею, — обиженно сказал я. — Что, надо попасть в мишень?

— Желательно, — сдержанно сказал Валенок.

Я лег на указанное место, оперся на локти и прижался щекой к прикладу. Винтовка была тяжелая. В животе снова шевельнулся холодок, но теперь не от страха, а от возбуждения — естно сказать, еще ни разу я не стрелял из боевого оружия, только из пневматики по банкам. Я прицелился и плавно, как положено, нажал на спусковой крючок. Прямо над ухом раздался ужасный грохот, эхом прокатившийся по подвалу. Винтовка дернулась в руках и треснула меня по щеке. В мишени с самого края появилась рваная дыра.

— Неплохо, — одобрительно сказал Валенок.

Я решил, что он издевается, но придумать достойный ответ не успел.

— А теперь пошел вон, — с этими словами Валенок отобрал у меня винтовку и выставил за сетку.

— Посмотри, как это делают профессионалы, — сказал он, ложась на мое место.

Осветилась вторая ниша. Я посмотрел туда... и понял, что сегодняшний смертный ужас на балконе — это был детский сад по сравнению с тем, что ждет меня теперь. В нише находился ребенок. Таська, моя дочка.

— Что за херня? — крикнул я, дергая железную дверь. — Валенок, в чем дело?! А ну прекрати!

— Ты думаешь, я не выстрелю? — спросил он.

По его сумасшедшим глазам я понял — выстрелит. И, может быть, не раз это делал раньше.

Таська сидела на корточках, с интересом озираясь. Потрогала пальцем мишень и засмеялась. Откуда она здесь?! Где ее нашли эти гады? Украли из яслей? Это только мне ее не выдают — спасибо мамаше, — а так, пожалуйста, любому встречному, кто «дядей» назовется...

— Грег, скажи ему! Он что, рехнулся?!

Я обернулся, но ни Грега, ни Ники рядом со мной не было. Сволочи!

Валенок приложил к щеке винтовку и прищуренным глазом посмотрел в прицел, наводя ствол.

— Таська, уходи оттуда! — заорал я.

— Там звукоизоляция, — ухмыляясь, сказал Валенок. — Стекло.

— Ее же осколками порежет, мудака!

— Не порежет. Я аккуратно выстрелю, — ответил Валенок, глядя в прицел. Ствол поднялся на линию выстрела и застыл. — Точно в голову.

— Я тебя убью! — я затряс дверь.

Сетка загремела, но сама дверь даже не шевельнулась.

Валенок повернулся ко мне. На его лице было очень странное выражение.

— Попробуй, — серьезно ответил он, и нажал на спусковой крючок.

Что случилось потом? Я не могу это описать словами. Помню только, что тогда, на балконе, страх сковал меня смертельным холодом — а в подвале я ощутил, как где-то в животе рождается огонь ярости. Жар нарастал, охватывая все мое тело, растекался по рукам и ногам. Внутри меня бушевало пламя, как будто во мне родилась шаровая молния. Она вращалась, накаляясь, заполняя грудь, подпирая горло... и вдруг я понял, что делать. Я глубоко вдохнул и выдохнул молнию наружу — на сетку, на дверь и на проклятого Валенка. И все потонуло в гудящем потоке огня.

Пламя бушевало везде — и внутри меня, и вокруг! Решетка разлетелась раскаленными каплями, дверь с грохотом упала на бетонный пол, Валенка с его винтовкой просто смело, как пушинку. Я стояла среди огня, и он меня не обжигал — наоборот, мне было весело! Много-много лет, с самого детства, я не чувствовал себя таким счастливым! В вихрях пламени я пошел к мишеням. Таська сидела все там же, изумленно глядя на огонь. Валенок не успел выстрелить.

Я подумал, что огонь испугает малышку, и приказал ему погаснуть.

— Папа! — радостно воскликнула Таська, когда я выбил стекло.

Я взял ее на руки и пошел к выходу. Что-то изменилось — то ли во мне, то ли в мире. Я чувствовал себя огромным и невидимым, тяжелым и легким одновременно, безмерно сильным и стремительно-быстрым; каждый мой шаг был длиной в жизнь, и не было на свете ничего, мне неподвластного...

На улице у дверей тусовалась гнусная троица. Грег, ухмыляющийся во всю пасть, Ники, взволнованная и радостная. И тварь Валенок, целый и невредимый.

— Поздравляю, — сказал Грег. — Вот ты и стал драконом. Теперь ты по праву один из нас.

— Причем, боевым, — довольно сказал Валенок. — Кто бы мог подумать, а? Драконы-воины сейчас большая редкость. Теперь наш клан усилится многократно!

— Вы, сволочи! — рявкнул я, прижимая к себе Таську. — Не желаю иметь с вами ничего общего!

Грег хихикнул.

— Ну как знаешь. Полетели, ребята?

— Лешка, вечером созвонимся! — крикнула мне Ники — и *превратилась*.

Обычный человек не успевает заметить превращение. Только что был человек — и вот его нет. Драконы для простых людей вообще невидимы. Но теперь, когда я изменился сам, — я мог наблюдать, как они это делают. Как раскидывают руки, отталкиваются от земли и молнией взмывают в небо, преображаясь уже в полете. Грег — кроваво-красный дракон, Валенок — серый, и Ники — черный.

Интересно, каким буду я?

Я проводил взглядом улетающий клан, посадил Таську на плечи и понес ее обратно в ясли.

СЕРГІЙ ПАЛЬЦУН

ЗВИТЯГА СОТНИКА ДЕПОПАЛО

УДЬГУЄТЕ, СТАЖЕРИ?!

Двоє бакалярів-межигірців, яким випало нічне чергування на Яблучного Спаса, підхопились, вітаючи начальника Подільської Управи сотника Депопало.

— Сидіть, хлопці. Я не на службі. Не спиться мені, от і зайшов. Чайку попити, погомоніти.

На свята ж чергувати поночі найнудніше. Ніяких порушень. Відьми коли й чаклюють, то над перваком, а то вже — до кримінальної варті, — сотник кинув на стіл в'язку бубликів, сів і почав розпалювати люльку.

— Мабуть, жалкуєте, що не потрапили до Печерської Управи? — Депопало випустив першу хмарку диму. — Думаєте, лише там, на пагорбах, робляться великі справи та відбуваються значні події?

Стажери мовчки підсунули сотнику склянку чаю.

— А чи знаєте ви, що саме тут, на Подолі, я двадцять літ тому ось цими руками врятував від загибелі білий світ?!

Смішливий стажер Балабан вдавився бубликом, а його розважливий одноказник Тудихата, стусонувши товариша по спині, запитав:

— Ви маєте на увазі нашу планету, пане сотнику?

— Саме її, хлопці... Якби я запізнився бодай на кілька секунд... — Депопало відкинувся на спинку стільця і потер скроні. — Того літа до нас приїхав всесвітньо відомий штукар Хол Хелвей. Власне, не приїхав, а зупинився на день, прямуючи з Сибіру до Парижу. Наших людей штукарством не здивуєш, але ж то був сам Хелвей! Тож достойники з Мінкульту попросили того спиртника продемонструвати свої виверти городянам. Він погодився і обрав для виступу ратушну площу.

І лаявся ж тоді наш сотник! Ми саме ловили відомого чорнокнижника. Хасана аль Магриба, він же Алекс фон Пілз, він же Санько Гриб з кожум'яцьких Басаврюків. Дідуган неточно вимовив франкське закляття від голови і став вважати, що йому відтяли його дурну макітру. Тож шукав нової і примірявся до голів перехожих, підбираючи підходящу. На щастя, він думав, що разом з головою втратив зір, і не відходив від дому більше ніж на пару кварталів. Але на біду в одному з цих кварталів стояла ратуша. А вибір голів під час виступу мав бути великий!

Ви, мабуть, дивуєтесь, чому ми, знаючи про чаклуна так багато, не схопили його одразу? Не схопили, бо не уявляли, як він виглядає і де оселився. Все, що нам було відомо, ми дізнавались від потерпілих. Коли приміряєш чужу голову, хлопці, в ній неодмінно залишаються сліди твоїх думок. Але ж у думках сліпця нема нічого зримого!

Відмінити виступ було неможливо, тож того дня всі наші хлопці були на площі. Мене, наймолодшого, відправили з біноклем на дах Братства. Перехожих на прилеглих вулицях було мало, і я міг спостерігати не лише за ними, але й за Хелвеєм.

Той порозважав публіку, витягаючи з капелюха квіточки та кролів, а потім споважнів і заявив, що зараз спеціально для наших городян повторить номер, яким свого часу вразив британську столицю. Зупинить стрілки на міських курантах, а може, й на годинниках деякого з шляхетного панства. Почекавши доки публіка усвідомить значущість події, Хелвей повернувся до вежі і, вигукуючи закляття, замахав руками.

Глядачі, затамувавши подих, дивилися вгору. Хвилинка стрілка підійшла до останньої передполуденної поділки, завмерла... і звично скочила далі. Куранти почали відзвонювати полудень. Штукар розгублено дивився на вежу. Він був переконаний, що куранти зупиняться, але бездушне залізяччя продовжувало незворушно відбивати удари. П'ятий, шостий, сьомий, восьмий... Куранти захрипіли й замовкли, а Хелвей схопився за серце, йойкнув і впав. Мені здалося, що на вежі теж хтось скрикнув, але наступної миті знялось таке ревище, що годі було розчутися навіть власне чхання.

Публіка лементувала. Падіння Хелвея ніхто не зауважив, бо всі дивилися на свої годинники. А, судячи з вигуків, обраних було чимало. До того ж, коло їх щомиті зростало. В прямому сенсі слова. Як розходиться по воді коло від кинутого камінця, так розходилась від помосту хвиля радісних зойків та піднятих рук зі змертвілими годинниками.

Тут я занепокоївся. І не через Хелвея, до якого вже бігли хлопці з варті, а через власного діда. Колись у молодості він отримав іменного хронометра від самої британської королеви. А я того дня нишком взяв цю реліквію, бо в мого годинника розбилося скло. І ось тепер королівський презент, що зроду не бував у ремонті, і якого дід ні разу не забув завести, мав зупинитись...

Я спустився у двір Братства і швидко попрямував геть від площі. Витяг з кишені дідового хронометра... і мало не перечепився через каменюку, що незворушно вклалась посеред двору. «Якого дідька?!» — подумки звернувся я до нехлюя будівничого, але тут розгледів, що поверхня каменюки поцяцькована цифрами та рисками, а посередині блищить бронзова пластина. Сонячний годинник. Встановлений, може, ще засновниками Братства чи Академії...

Втім, часу для історіографічних роздумів не було. Я рушив далі — і застиг. Сонячний годинник... Годинник! Але ж за кілька хвилин всі годинники навколо зупиняться! Їхні рухомі частини перестануть рухатись. А рухома частина сонячного годинника, панове товариство, — це Земля! Пригадався урок, на якому вчитель розповідав про жажливі наслідки раптової зупинки нашої планети. Про небачені буревії, що зметуть все

створене Богом і людиною з лиця землі, про океани, що ринуть на сушу, довершуючи руйнування, про інші катаклізми, після яких життя на планеті може зникнути взагалі...

Порятунок реліквії миттєво став несуттєвим. Рятувати треба людство! Знати б як... Я стояв і напружено думав. Дідів хронометр ще цокав, секунд-на стрілка звично підстрибувала колом, але кожен її скік міг виявитись останнім... Стрілка... Що точно обіцяв Хелвей? Зупинити стрілки годинників! Не механізми, а саме стрілки! А це означає...

Я відклав хронометра і спробував видерти з каменю пластину. Затріщали штани, і мені стрелило до голови, що негоже зустрічати кінець світу з голим задом. Уявляєте, яка ганьба? Я замислився. А чого, власне, я причепився до цього шматка металу? Адже час у сонячному годиннику вказує не пластина, а її тінь. Саме тінь і є тою стрілкою, яку треба ліквідувати! Я розстібнувся, розкинув руки і став спиною до сонця, закриваючи від нього каменюку. А ще через десять секунд зупинився британський хронометр...

... Спудеї роз'їхались на канікули. Братам отець-настоятель звелів того дня сидіти від гріха подалі по келіях. Я ж, помічений лише лискучим від поту котом, що нахабно розлігся в моїй тіні, тупцював навколо годинника слідом за сонцем до самісінького вечора. Занепокоєні хлопці розшукали мене, коли вже смеркалось. Тіла я не відчував, голову напекло так, що з носа захлюпала кров, розпухлий язик відмовлявся ворухнитись... Однак я зміг якось пояснити товаришам, в чому річ, і впав лише тоді, коли навколо нас із годинником напнули намет.

Тепер на місці того намету стоїть чавунний ковпак, схожий на дзвін. Подейкують, що перед кінцем світу він підніметься із землі та задзвонить. Але ніхто не знає, що кінець світу може настати саме через те, що цей дзвін піднімуть... Хіба що я, та... але то вам ще рано.

Сотник замовк і заходився вибивати люльку. Стажери теж мовчали. Аж ось Тудихата запитав:

— А чому ви розповіли про це нам, пане сотнику? Це ж, вважайте, державна таємниця...

— Молодець! В корінь дивишся, — похвалив хлопця сотник і витяг з кишені великого кишенькового дзигаря. — Ось той самий хронометр. А тепер слухайте! — сотник натиснув кнопку, кришка годинника відкрилась — і кімнату заповнила старовинна мелодія. — Годину тому він знову пішов! Строк дії закляття скінчився! Кінець світу скасовано!

З цими словами сотник витяг з-за пазухи пляшку хаджибейського коньяку.

Меткий Балабан кинувся споліскувати склянки...

Врятування людства було відзначено, і сотник, відкинувшись на спинку стільця, знову потонув у хмарі диму. Порожевілі стажери теж розслабились, але видно було, що Тудихату не полишає якась думка. Нарешті він не витримав:

— Пане сотнику, а що сталося із тим чорнокнижником?

— З аль Магрибом? Поки ми видивлялись його у натовпі, він спокійнісінько стояв на вежі та перебирав голови. Річ у тім, що там мав

чергувати Хелвеїв асистент, якому належало рівно о дванадцятій зупинити куранти. Але той хлопака, на своє нещастя, йшов уранці повз Хасанове вікно, і аль Магриб приміряв його дурну головешку. Після чого асистент був перетворений на крука й залишився у клітці на чаклуновій кухні, а Хасан, переодягнувшись в його лахи, подався до ратуші. Ясна річ, допомагати Хелвеєві він не збирався, але за кілька секунд до полудня саме почав приміряти штукареву макітру — і вона йому сподобалась. Настільки, що аль Магриб одразу ж заходився переносити в неї свою свідомість. А оскільки Хелвей тої миті думав про зупинення стрілок, Хасанова свідомість за інерцією видала потрібне закляття і сталося те, що сталося.

— Чому ж ви стільки років чекали? Чому одразу не примусили злодюгу зняти його ж закляття?

— Бо некромантія, хлопці, — підняв вказівного пальця сотник, — річ суворо заборонена! — Депопало витримав паузу і продовжив. — Хасан вважав себе сліпим. А багато чародійських обрядів потребують точного вимірювання часу. От він і синхронізував ритм свого серця з ритмом свого ж годинника. Що трапилось опісля, здогадайтесь самі...

— Ну добре, ви тут хлопці чергуйте, а я пішов додому, — сотник підвівся і попрямував до дверей.

— Буває ж таке... — пробурмотів Тудихата.

— Хіба ж то «буває»? — кинув уже з дверей Депопало. — Знали б ви, що було, коли дід дізнався про хронометра...

ДАРЬЯ РУБЦОВА

КЛЮЧ

Н НАШЕЛ ЕГО В СТАРОЙ КОРОБКЕ ИЗ-ПОД ОБУВИ как раз между белым пластмассовым мишкой и порыжелым лопнувшим мячом. Свисток лежал там, печально поблескивая облупившейся золотой краской, а прямо над ним суетился здоровенный паук.

Страхнув негодующего паука, он вытер свисток о джинсы и задумчиво подкинул его на ладони.

Сколько лет прошло, а вот — поди ж ты, сохранился. Он уже и не помнил, когда последний раз держал в руках эту свою детскую игрушку — лет двадцать, наверное, прошло, с того дня, как... Да, кажется, тогда он видел его в последний раз.

Приехал на свое восемнадцатилетие домой и сидел, потерянный и нелепый: и сад, и дом — все казалось таким далеким, ненужным... Он был чужим здесь, а там, в городе он был чужим вдвойне. Не там, не здесь, человек-невидимка, да добавок сердце, как у всех в этом возрасте, было разбито вдребезги.

Сидел у окна, смотрел на летящие мимо ставень ветки яблони, и вспомнил вдруг об этом свистке. Сейчас смешно, а тогда действительно поверил на минуту. Да, вот так — в детстве даже не сомневался, что вся эта история — шутка, а в восемнадцать на полном серьезе полез на чердак, достал из коробки с игрушками свисток, приложил его к губам и, плотно зажмутив глаза, свистнул. Точнее, попытался свистнуть. Конечно, свисток, как всегда, промолчал — заводской брак, что тут поделать.

Он усмехнулся и снова подкинул игрушку, поймал на лету, плотно сжав ладонь. Сделанный в виде золотого ключика, маленький и легкий, он удобно скользнул между пальцев, прижался шершавым и теплым бочком, словно соскучившийся по ласке зверек.

Интересно, чем он так приглянулся отцу?..

— Знаешь, что это такое? — отец тогда, помнится, напустил на себя таинственный вид и хитро прищурил глаза, как черно-белый пират из старого фильма.

— Ключик, — ему было уже двенадцать лет, и в такие игрушки он давно перестал играть, — от Буратино, да?

— Нет, не от Буратино, — отец почему-то обиделся и погрузился, — это вообще, даже и не ключик, а свисток.

— Да-а? — это было уже интереснее, он протянул было руку, но отец быстро спрятал свисток за спиной.

— Да-а! Но свистеть в него должен лишь тот, кто готов к этому.

— Готов? А это как? А, если не готов, то что будет?

— Да ничего, — отец снова протянул ему ключик и как-то печально усмехнулся, — ничего не будет, он сломан.

— Ну-у, шуточки... Да ну тебя, зачем мне сломанный свисток? Я пошел гулять, сегодня играем с Ольховскими, и...

— А почему ты не спрашиваешь, что будет, если ты готов?

Он устало вздохнул: сегодня отец был странным, но чтобы быстрее отвлечься, следовало играть по его правилам. Это был уже давно известный факт: чем дольше споришь, тем дольше спор.

— Ну, а что будет, если я готов? И как вообще готовиться? Я на каникулах, если ты забыл, и нам ничего не задавали на лето, и...

— Да подожди ты, тарактелка, я не о школе говорю. Готов — это значит, ни о чем не жалеешь. Значит, у тебя ничего нет, и надежда умерла. Значит — всем чужой, и никому не близкий. Никому не должен, и перед тобой никто не в долгу, — по мере того, как отец говорил, лицо его становилось все мрачнее. — И вот когда уже ничего не хочется, когда все здесь завершено и окончено, тогда ты сможешь свистнуть что есть мочи, и... за тобой придут.

— Кто? — с изумлением глядя на отца, он не верил своим глазам — этот вечный весельчак, балагур и насмешник заговорил вдруг какими-то иносказаниями, и так складно, словно давно приготовил текст.

— Не знаю, кто. Я не свистел, не видел. Но придут, это точно. И, если ты захочешь, заберут тебя в... да кто его знает, куда. Короче, куда-то в другое место, где жизнь начнется с нуля и все будет по-другому. В самый тяжелый час нужно свистнуть в этот свисток, и помощь придет. Вот. А пока можешь просто играть с ним, как тебе вздумается, на! — отец вдруг засмеялся и кинул ему свисток, как дротик, соорудил страшную рожу — будто и не бубнил только что непонятные и печальные слова

— Тю-ю, играть с ним... — он приложил ключик к губам, дунул и скривился в гримаске, — ну вот, сломанный... — но, вспомнив про футбол и Ольховских, поспешил спрятать игрушку в карман, — ладно, спасибо. Я пошел?

— Да беги, только... Саша!

— Да? — он обернулся на бегу и увидел вдруг, как подозрительно блеснули папины глаза.

— Не потеряй его. Вдруг пригодится.

Да, вот такой был разговор. Больше они к этой теме не возвращались, и про свисток он вскоре позабыл — бросил его куда-то на чердак, к своим детским игрушкам, и все.

А потом, через шесть лет, полез с потерянным видом наверх...

Смешно. И зачем отцу понадобилось придумывать такую историю? С причудами был папа... Задумавшись об отце, он устало присел в старую кресло-качалку, опустил руку со свистом вниз. Почему-то не хотелось разжимать ладонь, ключик словно прирос к ней и не желал уходить — такой теплый...

После того фиаско, он с яростью и стыдом бросил его обратно в коробку, а потом долго сидел красный и гневный — как можно было поверить в такую чушь?

Так и забыл про него снова, и только теперь, разбирая старые вещи на чердаке, вспомнил опять.

Они приехали с семьей, чтобы в последний раз отдохнуть на природе, и забрать все, что еще могло пригодиться, перед тем, как продать дом. Но все это были только предлоги — отдохнуть, забрать...

Приехали просто потому, что надо было проститься с домом. Все-таки здесь прошло его детство. А забирать было нечего — к чему им теперь эти старые шкафы и тумбочки? И отдых... ну какой тут отдых? Жена права, когда делает такое лицо и кривит губы, — здесь совершенно нечего делать — знакомых уже нет (все друзья детства разъехались по городам), погода плохая, даже порыбачить не удалось. А сыну и вовсе скучно. С местными он не ладит, рыбалку не любит... компьютера тут нет. Даже телевизор, и тот сломался. Одним словом, наверное, хорошо, что они, наконец, решились продать дом. И хорошо, что нашелся все-таки покупатель — цена не ахти какая, но все же лучше, чем ничего.

Он вздохнул и зачем-то прижал кулак с зажатым в нем свистком к щеке.

А вот другой на его месте ездил бы каждое лето на природу и радовался. Починил бы дом, обновил сад. Научил бы сына лазать по деревьям и гонять в футбол с соседскими придурками. Купил бы жене шезлонг и плеер — пусть бы загорала в саду и слушала музыку, вместо того, чтобы целыми днями ныть. И все были бы довольны, еще бы радовались, что есть такая дача. Можно было бы огородик небольшой завести. Когда-то он умел и даже немного любил все это — полоть, окучивать...

Да, другой. Но он не другой, и вовсе не Байрон.

Разжав ладонь, он внимательно посмотрел на ключик. Потом, повинуясь вдруг какому-то нелепому порыву, поднес к лицу, приложил губы к щелчке вниз и легонько подул.

Раздался свист.

От неожиданности он уронил свисток и вскочил.

Двадцать восемь лет не свистел и вдруг — на тебе!

— Ты что?! — он спросил это вслух, и осекся — не хватало еще начать разговаривать с самим собой.

Свисток с невинным видом лежал на полу и молчал. Он поднял его и внимательно осмотрел — неужели на самом деле игрушка работала? Может, просто надо было правильно дуть, не так сильно, как он это делал раньше? Но нет, он тогда несколько раз пытался, по-разному — и сильно, и тихо, все надеялся на что-то...

Вот так дела... Засунув игрушку в карман, он поднял голову... и замер.

Внизу, прямо под чердачным окном, стоял единорог. Еще не совсем стемнело, и в начинающих сгущаться сумерках было отчетливо видно, что — никакая это не лошадь. Дело было даже не в витом роге, горделиво и прямо растущем вверх ото лба — существо, стоящее под окном, вообще мало напоминало лошадь. Скорее, быка, только очень изящного, почти хрупкого, с тонкими и

стройными ногами, длинным хвостом с кисточкой и ослепительно-белой шерстью, волнами спадающей с точеной шеи.

Единорог поднял голову и внимательно посмотрел вверх. Это был взгляд не животного, а человека — умный и пристальный, с легкой иронией, и, вместе с тем, уважением. Ну, — казалось, говорили эти фиолетовые глаза, — ты готов? Ты уверен?

— Я... — он взмахнул руками и открыл окно, — я... ты что — из-за свистка? За мной?

Потом вдруг испугался, что существо обидится на такой фамильярный тон, и поспешно поправился: — Вы что, за мной? Но я... Я просто так свистел, я не готов!

Где-то в саду хихикал сын, смеялась (в кои-то веки) жена, и, обернувшись на их голоса, он торопливо затараторил, не вполне еще веря в происходящее.

— У меня семья, работа... куда же я пойду? Я не собирался, я не хотел... А куда? А?

Единорог все так же спокойно смотрел снизу вверх, но теперь его глаза потемнели, из фиолетовых став почти черными. А может, это тени, сгущаясь, легли ему на морду.

— Сын у меня, — повторил он с тоской и непонятым отчаянием, — и жена. И квартира, работа, дом надо вот продать... А в конце сентября премия будет... Виталику много чего надо купить... куда я пойду? Я же не готов! Готов — это «никому не должен», «всем чужой», а я должен!.. И не чужой... прости, друг, ошибка...

Он замолчал и отвел глаза — все это напоминало сон, и, чтобы убедиться, что не спит, он с силой ударил кулаком по подоконнику. Непроизвольно чертыхнувшись, поднес оцарапанную руку к губам, скосил глаза вниз...

Под окном никого не было. Уже совсем стемнело, из-за тополя выскользнул тонкий месяц — закачался в зеленовато-синем небе, насмешливо прищурился в лицо.

Он перегнулся через подоконник и внимательно посмотрел на траву внизу — ни следа, ни единой примятости, словно все лишь померещилось ему, привиделось...

— Саша! — жена вышла из-за угла и недовольно уставилась на него. — Ну чего ты там сидишь? У нас свет отключили, что делать? Ребенок даже в туалет нормально сходить не сможет — там в темноте опасно!

— Тут везде туалет... — он все еще осматривал сад, словно надеясь на что-то, но в глубине души уже знал — надеяться не на что.

— Что? Под кустиком присесть предлагаешь?..

Он закрыл окно и молча опустиллся на пол, прижался лбом к креслу-качалке.

Что-то маленькое и теплое ткнулось ему в ладонь... Зажав в ладони ключ, он замер и закрыл глаза.

— Виталик!

— Да? — сын неохотно подошел и затоптался на месте, глядя мимо него на экран телевизора.

— Вот, это тебе...

— Что это?

— Свисток. Но свистеть в него можно, только когда... будешь готов.

— Да? — повторил мальчик безо всякого интереса.

— Готов — это когда ни о чем не жалеешь. Когда у тебя ничего нет, и надежда умерла. Всем чужой, и никому не близкий. Никому не должен, и перед тобой никто не в долгу. И когда все завершено и окончено, тогда ты сможешь свистнуть, что есть мочи, и за тобой придут...

— Да?

— Виталик! — он с закипающим раздражением посмотрел на сына и спрятав ключ за спиной, — ты вообще слышал, о чем я говорю?

— Да слышал, слышал.

— Ну и о чем?

— Все я знаю, пап, не мелкий уже. В долг никому не давать, самому не брать. А, если брать, так отдавать вовремя. Все доводить до конца, типа гнуть свою линию и... Че еще? Никогда ни о чем не жалеть. Я это знаю. Все?

Несколько секунд он растерянно смотрел на сына. Потом сдался.

— Все.

— Я — молоток?

— Ага. Свисток только возьми — пригодится.

Сын небрежно бросил ключик в карман и побежал в другую комнату.

А он подошел к окну и посмотрел вниз. Никого там не было. Да и то сказать — кто бы там мог быть?

По двору мело первые золотые листья, а где-то вдалеке тихо ругался гром.

АЛЕКСАНДР ШАКИЛОВ

МУХА НА СТЕКЛЕ

У ТРОМ СОЛНЦЕ ПОЛЕГЧАЛО НА ПОЛТОРА ЭКСАГРАММА, а постоянную Больцмана отменили в связи с переходом на летнее время. Марк пил кофе из чашки — вместо чая из стакана.

Густые волосы его потемнели, лицо вытянулось, а тапочки на ногах напоминали кирзовые сапоги. Родительская хрущевка чудила особо: восемь углов без разрешения БТИ трансформировались в пять, кровать продырявилась гамаком, белоснежный потолок покрылся лепестками обоев. Цветочки, пусть и нарисованные, раздражали Марка неимоверно. Уж лучше фиолетовый горошек. При отсутствии силы тяжести куда приятнее парить с видом на кругляши, чем любоваться пестиками и тычинками.

Он напялил шляпу на редкий ежик, сунул в карман бумажник с баксами и открыл дверь. В подъезде поздоровался с Митричем, приподняв бейсболку над лысиной. Митрич поправил фуражку и сказал:

— Однажды, Марк, ты попадешься опять, зуб даю.

Митрич служил сержантом или генералом в местном отделении полиции свободы. Короче, должность обязывала пороть редкостную чушь.

Цветочный магазин, что вчера располагался за углом, нахально торчал напротив подъезда. Марк попросил русокосую продавщицу собрать букет белых роз. Продавщица кивнула и тут же стала усатым кавказцем. Вышел Марк из супермаркета с охапкой ромашек, поймал такси (шеф, на улицу Мира!), заплатил рублями водителю автобуса за проезд с багажом, хотя никакого багажа у него не было, — лучше сразу отслюнявить пару евро, чем потом краснеть. В маршрутке было накурено и свежо, разухабистый шансон оборвался блоком новостей. Передавали, что во второй половине дня ожидаются резкие перепады массы покоя протона и скорости распространения электромагнитных колебаний в вакууме. Бабушка, соседка Марка по ложементу, томно проворчала со своего табурета, что у нее опять будет давление, надо выпить аспирина.

— Молодой человек, вы случайно не в курсе, сегодня аспирин помогает от гипертонии или лучше воспользоваться никотиновым пластырем?

Марк открыл рот и понял, что забыл русский, зато в совершенстве овладел фарси. Он кинулся к выходу, прижимая к груди пионы, спустился по трапу и двинул вверх по переулку Войны. Навстречу брел панк в

костюме и при галстукe. Этот вежливый молодой человек попытался на ходу обуглить кончик папиросы, но кислород напрочь отказался участвовать в реакции окисления.

— Огоньку не будет? Стабильного?

Ну, это уже откровенная провокация! Откуда у Марка стабильная зажигалка, такой мощный ограничитель степеней свободы? Он что, похож на рецидивиста, поправшего заветы предков? Разве он комитетчик какой или барыга с черно-белого рынка?!

Рядом с трансформаторной будкой мерно гудел районный вариатор. День внезапно стал ночью, жара — снегопадом, кирзачи — длиннющими ходулями. На ходулях Марк двигаться не умел и вдвойне не умел танцевать на льду, заменившем асфальт. Марк упал с высоты в полтора метра и наверняка сломал бы себе что-нибудь, если б не ослабла сила тяжести — в связи с переходом от сферической формы планеты к дискообразной. Слонам и титанам, не говоря уже о китах, надо облегчить страдания. Все незакрепленные предметы и люди тут же вознеслись в атмосферу.

Редкие минуты блаженства! Марк закрыл глаза. Чтобы сделать Землю диском, нужно затратить чрезвычайно много энергии, Министерство Свободы едва справляется. И потому на прочие трансформации не хватает вариаторов. Стыдно признаться, но Марк любил эти редкие мгновения — когда ты сейчас и секунду спустя четкий и аналогичный. Он порхал, разглядывая свои руки, которые вот уже полминуты оставались неизменными.

Эх, почему Марка не взяли на работу в Комитет Стабильности?!

Комитету не нужны добровольцы. Комитет вербует лишь граждан, люто ненавидящих любые ограничения свободы, за которую наши деды и отцы, наши предки, наши... в общем, все-все-все много-много лет назад не пожалели живота своего и забрызгали кровью семь десятых планеты, включая океанские впадины, — если верить утреннему учебнику истории. Марк знал: его психопрофиль изменяется не в том диапазоне и надеяться не на что. Но это не мешало ему раз в год заполнять анкету в просторном четырехугольном вестибюле Комитета, выкрашенном в белый цвет — без цветочков в горошек...

Реальность потекла, деформировалась. Вот-вот диск раздастся полноценной сферой, и бедная Луна вернется на правильную орбиту. Марку почти удалось прижаться к талой жиже, когда он увидел большую черную машину, мчащую по улице. Машина была единственно вероятной, до рези в глазах фактической. Все, что окружало авто с тонированными стеклами в радиусе двух метров, тут же теряло альтернативы. Степные травы и зыбучие пески становились асфальтом в трещинах и ржавыми канализационными люками. Летучая мышь, атаковавшая машину, мухой размазалась по лобовому стеклу. Ах, как Марку захотелось броситься под эти рифленые колеса!..

— Вот уроды, да?! — скинхэд, зависший у верхушки тополя, так раскурлил трубку, прожоя лимузин презрительным взглядом. И тут же рухнул на тротуар, громко треснули ребра.

Районные вариаторы вновь заработали в полную мощь.

— Комитетчики, м-мать их так! — сдавленно пропищал клубок боли, застывший в ожидании правильной трансформации. Он затянулся, закашлялся и выбросил сигару: — Ну и дрянь, никогда больше не буду...

Отряхнув кимоно, Марк с чувством кивнул:

— Самэ так, хлопчэ, самэ так!

И подумал, что свобода — это хорошо. Иногда. Остановись вариаторы, и травмы станут однозначно смертельными, а так — секунда, две — тело изменится, от внутренних кровотечений не останется и следа. Время лечит.

Ходули исчезли, зато отныне — надолго ли? — на ногах Марка обнаружили босоножки из полиуретана. В атмосфере явно ощущалась недостача аргона и гелия, дышалось с трудом. Хорошо хоть подошвы отлично пружинили. Пока сила тяжести составляла треть от досвободного стандарта, Марк ускорился вслед за лимузином. Ему и крутой тачке по пути. За прыжок Марк преодолевал десяток метров и почти догнал автомобиль, когда тяжесть вдвое превысила стандарт, а босоножки обратились в деревянные сабо.

— А я... А меня?.. Stop! Please! — запричитал Марк, раздавленный собственным весом, и, конечно, комитетский лимузин не притормозил. Для того, кто внутри, Марк — вроде мухи на стекле.

...он шел по пескам, парил над раскаленной лавой, рубил мачете джунгли — неумоимо двигался вперед и только вперед. Улица регулярно переименовывалась, небоскребы усыхали до размеров мазанок, в оранжевом поднебесье парили дирижабли, в зеленом — летающие тарелки. Над едва заметной тропой висел транспарант «Долой дискриминацию!», над широким проспектом — «Даешь расизм к трехтысячному году!». И наконец — вот он, тот самый баобаб раскинул игольчатые лапы у подъезда, к которому стремился Марк. Под ветвями столетнего дуба бренчали на балалайках старички в козоворотках. Марк в который раз уже люто позавидовал жильцам: за сутки подъезд не изменился, наверное, потому что рядом располагалась парковка, заставленная лимузинами. В подъезде, да и вообще во всем доме, ответственными квартиросъемщиками были комитетчики.

Марк поднялся на второй этаж, позвонил в дверь. Послышались шаги, потемнел стеклянный зрачок, щелкнул замок. Марк улыбнулся и протянул букет.

— Я не люблю фиалки, — сказала она, и Марк с ужасом понял, что принес горшок фиалок. Вечно с этими цветами проблема! Марк прекрасно знал, что она обожает розы, и потому каждое утро...

— Дай, — сказал Марк, и она послушно вернула горшок. В руках у Марка фиалки тут же превратились в пышную икебану орхидей, перевязанную нарядной ленточкой.

— Вот так лучше! — смущенно пробормотал он. — Да? Так лучше?

— Лучше, — кинула она, но от подарка отказалась, да он и не настаивал, зная, что как только она прикоснется к гвоздикам, те сразу обернутся

чертовыми фиалками. Определенно, цветы надо запретить, как предмет, порочащий мужское достоинство!

— Войти можно? — спросил он. — А то что мы, на пороге. Я по делу. Серьезному.

Она была такой... такой... В общем, Марк влюбился давно и безнадежно, и стоит ли описывать идеал женской красоты?

Она стояла в дверном проеме, прищурив красивые голубые глаза. На погонах печально блестели комитетские звезды.

— Войти нельзя. Тебя вообще как зовут? Сегодня?

— Марк.

— А вчера Сашкой звали, верно? А позавчера Толяном?

— И что?

— И ничего! Я-то завтра, вчера и сегодня была и буду Викой. Понятно тебе? Ты это понимаешь?! Я вынуждена, иначе совсем уж хаос! Но ты-то свободен, понимаешь?! Ты — СВОБОДЕН!! Живи, радуйся, свободный гражданин! — она зарыдала, черные от туши слезы потекли по румяным щекам.

Марку безумно захотелось обнять ее, прижать к мускулистому плечу, но как назло плечи нынче были хлипкими и костлявыми. И потому он просто сказал:

— Я не хочу, слышишь, не хочу быть свободным. Я хочу связать себя узами брака.

Она молча захлопнула дверь. Опять.

Марк пожал мощными дельтами, неспешно спустился по лестнице и вышел на проспект. У приметной пальмы джаз-банда наяривала рэгги. Маляры, подвешенные на тросах к небесной тверди, рисовали кучери облаков. Таблица Менделеева внезапно изволила пошутить: индий с сорок девятой позиции сместился на пятьдесят первую, сурьма вообще неизвестно куда подевалась. Зато постоянная Больцмана вернулась к исконному значению, потому что зима. Все было правильно, все было верно.

Марк неспешно бежал-ехал-летел домой, в сталинку-вигвам-гнездо, чтобы утром начать все сначала в той же последовательности: чай-кофе, углы-магазины, она.

Кто-то скажет, что это опасно — изо дня в день одно и то же, вопреки заветам предков. И этот кто-то будет прав. Очень прав. И прищурится Митрич, встретив подозрительного соседа на лестничной площадке:

— Усиленно-свободные тюрьмы еще никто не отменял!

Марк приподнимет оранжевую каску над завитым париком. Он не боялся служаку раньше, когда впервые загремел в каталажку за привычку чистить зубы, не боится и сейчас, и впредь дрожать не намерен.

Марк знает рамки дозволенной стабильности.

...а в тайнике под ванной-душевой спрятана зажигалка, всегда способная зажечь огонь.

МИРА ДНЕПРОВСКАЯ

ДРАКОН В ДОМАШНИХ УСЛОВИЯХ

Е ТУК КОВАНЫХ КОПЫТ ЭХОМ ОТРАЗИЛСЯ ОТ крепостных стен и растворился в летнем небе. Барон въехал в гостеприимно распахнутые ворота замка де Сторн. Он легко спрыгнул с громадного вороного жеребца, бросил повод подбежавшему конюшему, поднял голову и... встретился взглядом с тощим нескладным эльфом. Тот восседал на ветке столетнего дуба, что рос посреди двора, и с любопытством разглядывал де Сторна.

— Ты как здесь оказался?! — барон нахмурился. — Слезай с дерева.

Эльфийский мальчишка (по человеческим меркам он выглядел никак не старше восьми лет, а эльфийских барон не знал) повис на ветке, ухватившись за нее руками, и ловко спрыгнул на каменные плиты двора.

— Ты прошел сквозь Стену?

— Да. Это не сложно. Мне Наставник рассказал. А вот как назад, мы еще не учили. Я думал так же, а она не пускает, — большие серые глаза мальчишка наполнились слезами.

— Ладно, будущий великий маг. Зовут-то тебя как?

— Аллорэль.

— А меня — Рэй де Сторн. Ты, наверное, есть хочешь? — Эльф с энтузиазмом кивнул. — Идем в замок, пообедаем.

— Знакомьтесь, мальчики. Антуан, это Аллорэль, наш гость. Аллорэль, это Антуан — мой сын.

Дети смотрели друг на друга, как на подарки ко дню рождения. За столом вопросы лились нескончаемым потоком. Как они успевали отвечать друг другу, барон постичь не пытался. Для этого нужно было бы вернуться в детство.

— А ты эльф? А, правда, что все эльфы — маги?

— Кто хочет быть магом, может научиться. Я уже много умею. А ты чему учишься?

— А я буду рыцарем. Уже умею из лука стрелять, и мечом драться, и на коне ездить!

«Да уж... — барон поднес к губам кубок с вином и задумался. Он вспомнил Наставника, обучавшего его стратегии, тактике, математике и истории. Перед мысленным взором Рэя, вьедливый старик мерил шагами учебную комнату, повторяя урок десятилетней давности: ...четыреста лет назад маги древности воздвигли стену непроглядного тумана на границе людских

земель с землями иных рас. Было это аккуратно после поголовного истребления орков людьми. Постепенно эльфы, гномы и драконы оставили человеческие земли. С тех пор граница считается неприступной...»

— А ты катался?

— Не катался.

— Почему?

— У нас драконов нет. Только лошадки.

«Но в действительности, стене незачем быть непреодолимой! Дверь может открыть только маг, знающий нужное заклинание. Этого достаточно. А вот с магами у нас туго: слишком многих орки забрали с собой на тот свет. Магическую Академию после войны закрыли. Алхимические лаборатории в старых замках стоят заброшенные...»

В таком свете жизнь в приграничном замке де Сторн перестает казаться столь безопасной».

— На драконах интереснее. Они взлетают так высоко в небо, что люди и деревья кажутся совсем маленькими, в ушах свистит ветер, и можно наперегонки полетать. Только уговаривать нужно долго.

— Я бы покатался... Ой, а ты можешь сделать дракона? — Антуан посмотрел на Аллорэля с такой надеждой, что и камень бы расчувствовался. — Ты же маг.

— Настоящего дракона... — эльф задумался, — так это ж надо... — его взгляд блуждал по обеденному залу, украшавшим стены гобеленам, разноцветным витражам, хрустальным и серебряным столовым приборам... — Наверное, смогу.

— Здорово!

— Мальчики, вам не кажется, что это уже слишком? — Барон почему-то не разделял восторгов сына. — Антуан, что скажет мама, когда вернется от тетушки из столицы, а ее встретит огромное огнедышащее чудовище? Аллорэль, понравится ли твоё поведение родителям и Наставнику, когда они найдут тебя здесь? Ведь они будут тебя искать?

— Будут, — уверенно ответил Аллорэль, и мальчишки ненадолго притихли.

— Папа, — Антуан не желал расставаться с мечтой, — а если дракончик будет маленький?

— И очень послушный, — поддержал друга Аллорэль.

— Ну, пожалуйста, — две пары глаз: серые и зеленые смотрели умоляюще.

Барону стало ясно, что без дракона теперь никак не обойтись: если уж сын вбил что-то в свою упрямую, авантюрно-настроенную голову, отговаривать бесполезно. Запретить ему дракона сейчас, означает искать ребенка по ту сторону стены в ближайшем будущем. Друг эльф у него уже есть, так что переход границы теперь вполне возможен. Зато неизвестно, как воспримут людского ребенка древние.

— Но только совсем маленького. И очень послушного. — Барон грозно посмотрел на детей. — Обещаете?

— Обещаем!

Мальчишки радостно умчались к господину кастеляну за цветными мелками и еще какой-то ерундой, которую Аллорэль заказал для создания

дракона. Рэй остался за столом, думая о скором возвращении баронессы. Как объяснить супруге появление эльфа и, возможно, дракона, он представлял плохо.

— У нас есть дракон! — крикнул Аллорэль, выбегая во внутренний двор замка.

— Настоящий! — вторил ему Антуан.

Барон опустил клинок, обозначая завершение тренировочного поединка, и направился к детям.

Во двор уже сбежались любопытные слуги во главе с господином кастеляном, солдаты гарнизона, конюхи, и все, кто случайно проходил мимо. Аллорэль с гордостью протянул де Сторну небольшую увесистую статуэтку. Барон взял в руки искусно выполненный хрустальный ящера. Крылья дракона были сложены за спиной, глаза закрыты. Люди, толпившиеся вокруг барона и мальчиков, смотрели с интересом.

— Какой же он настоящий! Это ж стату`я обыкновенная, — сказал кто-то.

— Поделка стеклянная — поддержал второй голос.

— Драконы, они во, — развел руки третий оратор, — с конюшню ростом.

— И огнем плюют!

Статуэтка никак не реагировала на язвительные комментарии: огнем не плевала, с конюшню размером не вырастала, признаков жизни не подавала. Специалисты по драконам разочарованно расходились.

— А мне нравится, — улыбнулся барон. — Хорошо, что он маленький, иначе съел бы всех наших коров и лошадок. А главное, послушный.

— Он ест хрусталь, стекло и песок, — буркнул Антуан.

— Не послушный, — Аллорэль выглядел обиженным. — Он не хочет летать.

Маленький дракончик сидел на столе в покоях баронета де Сторна и беззвучно плакал. В глубине хрусталя плескалось пламя. Застывшие слезы драгоценными камнями переливались на столешнице.

— Поделкой обозвали, стеклянной, — всхлипывал дракон, — а я хрустальный...

— Почему ты не взлетел? Ты же вообще не шевелился, — возмутился Аллорэль.

— Я не умею летать, — опустил голову дракон, — еще не пробовал. Они так смеялись, что я испугался, — совсем тихо закончил он.

— Не плач, — Антуан протянул ему стеклянный стакан, — хочешь?

— Спасибо, — дракончик осторожно откусил краешек прозрачного стекла, — вкусно, но те зелененькие лучше.

— Зеленые закончились. Я потом у папы еще попрошу, — мальчик протянул руку, чтобы погладить дракошу, но тут же отдернул. На ладошке раздувался волдырь ожога.

— Прости, я сейчас исправлю. Дай руку.

Антуан поднес руку к драконьей морде, и на нее тут же закапали слезы. Ладонь быстро покрылась тонкой хрустальной пленкой. Волдырь под ней исчез, боль прошла.

- Чтобы снять пленку, опусти руку в воду.
- Спасибо, — Антуан восхищенно рассматривал кисть.
- Ну все, хватит плакать, — бодро скомандовал Аллорэль, и хрустальный ящер послушно вытер крылом слезы, — Антуан, ты говорил, у вас есть озеро. Покажешь?
- Конечно. Дракоша, ты остыл? Тогда садись ко мне на плечо: покатаю. Дракон вспорхнул мальчику на плечо.
- Я скоро вырасту, — серьезно сказал он, — и тогда сам буду тебя катать. И Аллорэля с твоим отцом — тоже.
- А мы поместимся? — рассмеялся Антуан.
- Когда вырасту — все поместитесь. Обещаю.

АЛЕНА ШЕВЧУК

ЖДИ — НЕ ЖДИ

МУЖЧИНЫ УХОДИЛИ НА ВОЙНУ. МУЖЧИНЫ, МАЛЬЧИКИ, мальчишки. На чертову проклятую войну. Они уходили, а мы оставались. Ждать. Или, не смея ждать, ожидать — возвращения или вести о смерти.

Сидели в доме. Собрались на прощальный ужин. Сестра то сидела, прильнувши к мужу, то принималась бестолково и натужно весело хлопотать, то заливалась слезами, но, встречая мужнин взгляд, умолкала... И опять по-новой. Я сразу поняла — дождется. И с этой войны и — упаси Боже — со следующих. Я такое сразу чувствую, потому что я ведьма. Люди такое говорят. А люди, они зря не говорят, вы же знаете...

Друг мужа сестринского тоже пришел. Не было у него семьи, нас держался. Семьи не было, а невеста была, с ней-то он и пришел. Обвенчаться они не успели, война вот пришла. И не успеют уже, подумалось. Она, видно, рыдала, не переставая, как узнала, что он уйдет, все лицо опухшее было, и глаза большие, заплаканные, коровьи такие глаза со слипшимися ресницами. Я попыталась себя одернуть — не получилось. Она заняла мое место, она сидела сейчас подле него. Она, а не я. Она заглядывала ему в глаза, как будто хотела вытянуть всю душу и оставить себе. Не так она смотрела.

Может, я бы и смогла ей это простить, смириться, если бы я не видела, что она его не дождется. Что ее мокроглазой любви не хватит и на неделю ожидания. Что не будет у него иной защиты от врага, кроме своей силы и ловкости. А этого же так мало. Я бы, может, простила ее, если бы не знала, что я его дождусь. Вернее, могла бы дожждаться, если бы он разрешил. Если бы только он позволил.

Нельзя ждать без позволения. Можно, конечно, но нельзя. Можно, потому что худо-бедно может получиться. Но нельзя, потому что это судьбу нарушает. Потому что тайком, силой...

В какой-то момент, когда его невеста зашлась слезами и сестра вывела ее в другую комнату утешать, и я услышала, что вместо этого зарыдали обе, я позвала его на улицу, поговорить. Он нехотя, но вышел.

Солнце садилось. На улице не было никого. Все плачут, прощаются, — подумалось. Одна я, как нелюдь, не плачу. Сердце молча криком заходится.

— Ну, говори, — посмотрел на меня, прямо в глаза посмотрел. Да что там в глаза, в душу заглянул. Заглянул и обжегся, давно ведь глаза прятал, все мимо смотрел. А что говорить...

— Я люблю тебя. Молчи. Я дождусь тебя. Ты вернешься. Я рожу тебе сына. А потом дочку. А потом...

— Нет! Не будет никакого потом!

— Конечно, не будет. Потому что она не умеет ждать. Разреши мне ждать тебя, позволь мне тебя дожидаться...

— Пойми, у меня есть любимая — моя невеста. Ты мне чужая...

(Синее-синее небо над нами, синие васильки в траве — под нами, руки слегка касаются — невзначай, было как и не было, и — счастье безграничное, безраздельное...)

...запнулся. Видать, тоже вспомнил. А может... Не успела додумать. Нахмурился, сердится — на меня? на себя? на то, что было, как не было?

— Может, не чужая, не совсем, но и не своя. У меня есть невеста.

— Ты уже говорил это.

— Но ты как будто не понимаешь! — он уже почти кричал.

(Кричал «здравствуй!» издали, едва заведя, смешно радуясь, искренне, всем собой — и эту радость можно было собирать в ладони и окунасть в них лицом, как будто в небо.)

— Разреши мне ждать тебя...

— Нет! Она будет ждать меня! Она! И она дождется.

А я видела — не верит. Сам не верит. И не из-за того, что я наговорила, и не из-за того, что в глаза мои заглянул, а оттого, что любовь их ненастоящая. Просто он сейчас ясно понял это. Да только что толку, если сейчас отвернется, пойдет прочь и забудет. Может только, когда смерти в глаза глянет, мои глаза вспомнит. Да что уж тогда.

— Поклянись, что не будешь меня ждать.

(Рука в руке, и не спешат разжаться. Глаза тонут в глазах. Тени переплетаются...)

— Поклянись!

(Испугался... Настоящего испугался... А иначе нельзя... А иначе костями в чистом поле...)

— Клянусь. — Тоска смертная. Жив еще, рядом стоит, протяни руку — коснешься... Протянула, коснулась, взяла за руку... Не забирает, но и в глаза не смотрит больше. Чужой. Мертвый. Обняла, поцеловала — в лоб. И пошла, куда глаза глядят. Я поклялась, я не буду ждать, я не возьму тебя в свое сердце, я не...

(Я не срежу прядь с гривы твоего коня, чтобы сплести оберег, я не буду шептать ему на ухо, чтобы он берег тебя, я не соберу в горсть дорожную пыль, которая поднимется, когда вы будете уходить, я не буду выходить ночью под дождь, я не буду смотреть на солнце в полдень, повторяя твоё имя, я забуду про то, что все знают, что я ведьма, я не сплету для тебя возвращения...)

Утром они ушли. Я пришла провожать. Просто стояла вместе со всеми, разве что не плакала да не обнимала никого. Он, проходя мимо, тихо сказал: «Помни, ты поклялась». А я ответила: «Да, я поклялась. Я не буду ждать тебя. В этой жизни». Дернулся недовольно, не понял. Или понял — и понимание это забилося птицей надежды. Дурак, ой дурак. Еще не поздно.

Поздно...

Она подняла голову, посмотрела на сидящего рядом мужчину, одетого по-военному.

— Ты это всем рассказываешь? — спросил он.

— Нет, ты первый. Других я просто ждала, ничего не объясняя. Согласно договору, — она невесело усмехнулась.

— Но... Я не понимаю... Мы давно воюем в космосе, мы давно живем в подземных городах, кони и закат — это что-то из давних сказок. Ты обманываешь меня?

Она покачала головой. Он вдруг понял, что никогда не смотрел в ее глаза, — ни когда его с ней познакомили, ни когда заключали договор, и, потряс, ужаснулся и задохнулся пониманием:

— Два года за каждый год ожидания. Я хотел спросить и забыл, что значит эта приписка. Я думал, я плачу деньгами.

— Да, — кивнула. — Я умею ждать. Все, кого я ждала, вернулись. Ты же видел мои рекомендации. Время жизни — главная плата за чье-то возвращение. Оно было нужно мне, чтобы дождаться его.

— Было?

— Да. Я устала. Устала ждать кого-то, не любя, бесконечно продлевая ожидание, бесконечно деля его и делясь с теми, кто уходит на войну, уходит, чтобы вернуться. Я ведь ведьма, я умею сплести возвращение нелюбимым, причем гораздо надежнее, чем если бы их ждали жены или невесты. Очень сложно любить и ждать, не усомнившись ни на миг, не заглядевшись на другого, не припомнив старые обиды. А я просто жду, без любви и без сомнений. Ждала. — Она накрыла своей ладонью его ладонь. — Тебя я хочу ждать по-другому. Вдруг сделалась очень серьезной. — Я аннулирую договор.

Он помолчал:

— Скажи, а тот, кого ты любила, вернулся тогда с войны?

— Нет, он погиб в первом бою.

Утром она проводила его на войну. Обнимала, плакала... Все как полагается.

— И что дальше? — нетерпеливо спросила Лиза.

— Он не вернулся, — ответила бабушка.

— Но почему? — Лиза готова была расплакаться.

— Потому что однажды она подумала: а вдруг ей надо было еще подождать его, того самого, всего лишь день, неделю, месяц, год?

Вечность...

ВАНДА ПЕЧЕРСКАЯ

ВОЛЬНЫЕ МУФЛОНЫ

АННИМ УТРОМ, ЛИШЬ ТОЛЬКО СОЛНЦЕ ВЫГЛЯНУЛО из-за горизонта, перед крайней отарой возник на фоне солнечного полудиска силуэт невиданного рогатого зверя.

— Братья и сестры! — изрек силуэт. — Доколе будем мы терпеть злодейства и надругательства? Доколе пастухи будут стричь нас и забирать наших детей на шашлык?

Овцы, не склонные к размышлениям на отвлеченные темы, продолжали щипать траву, но элитные бараны подняли головы. Они заботились о сохранении своего элитного статуса и больше привыкли обращать внимание на окружающее.

Вдохновленный вниманием силуэт продолжал:

— Почему мы должны подчиняться им? Почему мы должны идти туда, куда они укажут? Почему мы позволяем им считать нас быдлом?

— Э-э-э... — перебил оратора баран по прозвищу Профессор. — Вряд ли они считают нас быдлом. Мы ведь не пашем и не таскаем тяжести. Мы не быки и не волы, мы — бараны.

Окружающие посмотрели на Профессора с осуждением. Ни отара, ни пастухи не любили этого умника, способного часами стоять, уставившись на какой-нибудь незнакомый предмет. От шампура Профессора спасала лишь избыточная худоба, а от постоянных боев с соэлитниками — почти полное отсутствие интереса к молоденьким овечкам.

Профессор смутился и замолк, а пришелец продолжил:

— Мы не бараны, как проблеял этот последыш! Мы гордые мериносы! Златорунные овны! Потомки вольных архаров и муфлонов! И мы вернем себе былую свободу! Пора! Пора сказать «нет» пастушьему гнету! Доверьтесь мне, и я поведу вас к свободе и изобилию!

— Пора! Пора! — заблеяла элита, поддержанная частью овец.

Но тут вновь влез со своими умничаньями Профессор:

— А почему ты все время говоришь «мы»? Конечно, солнце слепит мне глаза, но кажется, ты мало на нас похож...

Профессора боднули сразу с двух сторон.

— Что ж, сейчас вы сможете рассмотреть меня получше, — сказал пришелец и пошел вдоль отары.

— Тыфу! — ругнулся старый Полкан, до того молча слушавший вместе с отарой речи незнакомца. — Да это ж козел Мефодий!

— За «козла» ты еще ответишь, пастуший прихвостень! — пообещал

Мефодий, обошедший к тому времени пол отары. — А вы, братья, взгляните на плоды свободы! Когда-то я был таким же, как вы, но теперь ноги мои стали длинными и стройными, рога и шерсть распрямились, а морда украсилась бороδοю — началом будущей львиной гривы. Идите за мной — и станьте такими, как я!

— Веди нас! Веди! — заблеяла отара. — Покажи нам путь!

— Путь нам указывает солнце! — возблеял Мефодий. — Каждый день оно уходит за те холмы. Значит, там воистину хорошо! Так вперед же! За солнцем!

С этими словами Мефодий двинулся к холмам, а отара за ним.

— Стойте! — залаял Полкан. — В тех холмах живут волки! Они сожрут вас!

— Молчи, презренный! — отвечал, остановившись, Мефодий. — Волки — наши серые братья. Ты хочешь, чтобы мы остались стадом, а они хотят, чтобы мы были свободными личностями!

— Неужели вы забыли, как эти «братья» таскали ваших настоящих братьев и сестер? — не унимался Полкан. — И никто из них не вернулся!

— Они выбрали свободу! — отрезал Мефодий. — Как и я. А я, как видишь, вернулся. Так что прочь с дороги, поганый пес...

Полкан не выдержал, и с лаем бросился на пришельца. Но тут от шума проснулся самый молодой из пастухов, опорожнивших с вечера не один бурдюк вина.

— Да заткнись ты, наконец! — крикнул пастух Полкану, бросил в него посох, упал и захрапел дальше.

Посох ударил Полкана в нос, и пес, жалобно скуля, побежал к ручью.

— Вперед, братья! — вновь призвал Мефодий. — Нас много, и ни один паршивый пес не сможет нас остановить!

Отара двинулась за вождем. Они гордо прошествовали мимо остальных отар, продолжавших мирно щипать траву.

— Смотрите на это быдло, — презрительно переговаривалась элита и даже некоторые из особо продвинутых овец, — они так и останутся коротконогими тупыми комками шерсти, в то время как мы станем стройными вольными муффонами.

На этот раз никто не влезал с пояснениями — Профессор так и остался стоять, глядя на пастуший посох, а боднуть умника, чтобы вернуть в лоно родной отары, никто не захотел.

Солнце садилось за холмы. Вольные волки, разобрав отару, отправились учить своих новых собратьев правильно любить свободу, и вожак с Мефодием остались одни.

— Думаю, нам понадобится недели две, чтобы усвоить новое поступление, — сказал вожак. Так что гуляй, восстанавливай силы.

— Э-э-э...

— Капуста и новые козочки ждут тебя в условленном месте.

Мефодий удовлетворенно кивнул и направился к темнеющей неподалеку рощице.

К вожаку приблизился заместитель.

— Долго мы еще будем терпеть этого вониючего козла? — поморщился он.

— Ты считаешь, что сытная кормежка не стоит пары часов вони в неделю?
— спросил вожак.

— Стоит, конечно, стоит. Просто мне все трудней объяснять своим волчатам, зачем я, словно заяц, таскаю с огородов капусту, и почему не даю им полакомиться козочками, которых пригоняю в рощу.

— Вырастут — поймут, — ответил вожак. — А если бараны вдруг кончатся раньше, то обещаю, что ты лично сможешь порвать нашего бесценного Мефодия перед своим семейством...

Их беседу прервало появление Полкана, который, невзирая на разбитый нос, все-таки шел по следу отары.

— О, наш заблудший брат Полкан! — ухмыльнулся вожак. — Ты решил к нам примкнуть?

— Нет, я пришел за своими овцами.

— Увы, брат. Теперь они свободные существа, и даже я не могу приказать им уйти с тобой.

— Зато ты можешь их сожрать! — язвительно рыкнул Полкан.

— Могу, — не стал отрицать вожак. — Но ведь и они имеют полное право сожрать меня. Так что если кто-то из нас и будет съеден, то в результате честной борьбы и в полном соответствии с законом.

Опешивший Полкан разинул пасть, но не нашел, что возразить.

— Ты, конечно, можешь попытаться увести их силой, — продолжал вожак, — но перед этим тебе придется драться с нами. Кроме того, ты можешь вернуться к пастухам. А можешь остаться. Некоторые несознательные овцы порой пытаются уйти из холмов назад в долину, и нам нужен кто-то, кто сможет объяснить им, что они не правы, на привычном для них языке.

Полкан подумал и решил остаться.

К вечеру пастухи проспались и, обнаружив пропажу отары и Полкана, опечалились.

— О горе! Что же нам теперь делать?! — восклицали пастухи, но тут старейший и опытнейший из них достал припрятанный бурдюк, а самый младший приволок Профессора, который так и простоял до вечера, глядя на посох. Пастухи возблагодарили небеса за то, что те не оставляют их своими милостями, и начали готовить шашлык.

АНДРЕЙ НОВОСЕЛОВ

НО ОБ ЭТОМ СКАЗКУ НЕ СЛОЖИЛИ

ДИН САПОЖНИК ПО ИМЕНИ ДЖОН ПРОСТАК НЕС кожи из соседнего села к себе домой. День клонился к вечеру, дорога была дальней и пустынной, Джон устал и заскучал. Он присел передохнуть под деревом у подножия холма и совсем уж было задремал, когда приятный голос окликнул его: «Джон Простак, Джон Простак! Проснись-ка, парень, погляди на меня!»

Джон протер глаза и увидел прекрасную деву, которая танцевала на лужайке перед ним. Так изящна и легка была она, что даже трава не приминалась под ее босыми ножками. Когда же он попробовал схватить ее за руку, его пальцы прошли через ее тело, как сквозь воздух. Джон Простак недаром звался Простаком, но тут уж даже он смекнул, что перед ним не человек, а голограмма юной девы из Быстрого Народа, чье гнездо выхода в Матрицу, как говорили, располагалось где-то под местными холмами.

«Будет тебе глумиться над простым человеком, прекрасная дева! — так сказал Джон. — Даже я знаю, что в тебе одна видимость, да и та управляется отдельным медленным демоном ввода-вывода, ибо вы, Быстрый Народ, живете куда быстрее нашего, и за время нашего разговора у вас в Матрице прошел уж не один год!»

«Ну и что с того, Джон? — рассмеялась дева, и ее смех колокольчиками рассыпался по душе Джона. — Пусть я и медленный демон, но у нас под холмом найдется вдоволь и выпивки, и закуски, и музыки, и настоящих прекрасных дев! Хочешь по-настоящему, а, Джон?»

Джон Простак попытался устоять перед наваждением. «А как же мои кожи? — спросил он. — Я же должен донести их в мастерскую и замочить до исхода дня, а то они задубеют!»

«Не волнуйся о кожах, — ответила дева. — Ничего с ними не случится. Даю тебе в этом мое слово». И Джон успокоился, потому что, хоть и звал его Простаком, но он знал, что Быстрый Народ не нарушает своих обещаний.

Он пошел за прекрасной девой, и вошел в холм, и возлег там, подключившись к Матрице. Все было так, как обещала дева: много недель он гулял, танцевал, пил, ел и спал с вечно юными и прекрасными дамами Быстрого Народа.

Однажды, устав после очередной бурной гулянки, он крепко уснул прямо за столом, а когда проснулся, то обнаружил, что лежит на траве все под тем

же деревом, где повстречал незнакомку, а рядом лежит его сумка с кожами. «Должно быть, киберусы Быстрого Народа принесли меня сюда», — смекнул Джон. Он проверил сумку — и верно, его кожи нисколько не задубели.

Когда он вернулся домой, его село выглядело в точности таким, как он его оставил. По улицам ходили знакомые люди, они узнавали Джона и здоровались с ним как ни в чем не бывало. «Но уж дома-то будет мне нахлобучка!» — подумал Джон, но и любимая жена Джейн приветливо встретила его на пороге, помогла снять сумку и даже удивилась, как скоро он управился. Тут уж Джон не выдержал и рассказал свою историю.

«Эх, Джон! — воскликнула Джейн. — Взгляни-ка на часы, мой любимый Простак!» Он взглянул на часы, потом на логи — и понял, что пробыл в Матрице под холмом едва ли дольше двадцати миллисекунд. «Вот так-то, Джон! — сказала Джейн. — Не верь Быстрому Народу! Они хоть и не врут, а правды в них нету, одна видимость. Пойдем-ка ужинать да спать, дорогой муженек».

Так оно и было. А поскольку, кроме Джона, никто тех двадцати миллисекунд не заметил, то и сказки об этом не сложили.

ВАДИМ ЦИН

КОШЕЛКА (ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОШЕЛЬКОВОЙ СОБАКИ)

ПЕРВЫЙ ХОЗЯИН, ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ, МЕНЯ ОЧЕНЬ любил: кормил в строгом соответствии с диетой, даже выгуливал не где-нибудь там, в спальне, а на своем письменном столе. Клиенты, завидев маленькую миленькую собачку, добрели. После того, как хозяин знакомил их с родословной (постоянно путая Цинскую династию с Циньской), они, не глядя, подмахивали контракты, уделяя больше внимания моей прогулке вокруг массивной золотой чернильницы или статуэтки сфинкса, служащей пресс-папье, чем содержимому документа.

Описывая мою породу как своеобразный живой талисман, Петр Николаевич всегда делал многозначительную паузу, после которой рассказывал об имеющихся у него неопровержимых доказательствах того, что в знаменитом ларце Александра Македонского проживал один из моих предков. Честно говоря, не уверена. Мы ведь не просто талисманы Мамоны, мы еще и стражи материального благополучия. А в ларце Македонского хранилась всего одна книга...

Ну да чего не простишь любимому хозяину!

Петр Николаевич постоянно покупал для меня роскошные кошельки и туго набивал их самыми разными дензнаками — чтобы я чувствовала себя при деле и не скучала. Кошельки хозяин носил в левом внутреннем кармане, и я настолько привыкла к стуку его сердца, что уже и не замечала нормального пульса. Зато сразу же чувствовала, когда он волнуется или нездоров, и начинала тихонько поскуливать. Хозяин лез в карман за таблетками, и все приходило в норму. Однажды мне пришлось скулить так несколько дней, а затем он ушел из моей жизни. Может быть, сумеи я себя тогда сдержать, не подавать голос, исчезновение хозяина не стало бы для меня такой загадкой. А так — пропал человек. Я же осталась в его офисе на столе. Не радовал даже новый кошелек со всеми удобствами и огромной кормушкой.

Вскоре место за столом занял первый заместитель Петра Николаевича. Он так долго сюсюкал со мной, что я с грустью поняла — старый хозяин не вернется. Кстати: никогда не разделяла убеждений секты Жуй-Жуй-Юань. Да, я очень любила хозяина, но лишать себя жизни только потому, что он из нее ушел, глупо. Что толку от такой собачьей преданности?

Постепенно я начала привыкать к новому хозяину. Правда, дым его сигарет был не таким ароматным, кофе он закрашивал сливками, а вместо душистого коньяка пил вонючий виски. К тому же плохо знал мою родословную. А уж такая мелочь, как Александр Македонский, не была упомянута ни разу! Не знаю почему, но из-за забвения ларца с «Илиадой» я чувствовала себя несчастной.

«Стерпится — слюбится», — успокаивала себя я. И чем чаще так думала, тем меньше была в этом уверена. В том, что новый хозяин — суший жлоб, я убедилась после того, как нечаянно испортила на столе какие-то документы. Прежний хозяин бы посмеялся и ласково пожурил, а этот посадил меня в ящик стола и запер на ключ. Причем мой кошелек он оставил на столешнице! К сожалению, хотя я понимаю множество языков, говорить по-человечьи не умею, уж я его облаяла бы! Иначе как объяснишь, что разлучать кошелку с ее кошельком — плохая примета? Через некоторое время он вернул меня обратно и даже извинился, но я почувствовала — что-то у него уже не ладится. То ли в старых суевериях есть доля истины, то ли он просто пострадал за свое жлобство, факт был налицо — кошелек начал худеть. Сначала исчезли фунты, иены и марки, затем — кредитные карточки. Мир велик, я еще многого в нем не видела — не видела дирхамы и добру, заиры и сентаво. Говорят, если попадется монета в двадцать сентаво с подчеркнутыми на аверсе *N*, *T* и цифрой 2... ой, что будет! Сказки о неразменном рубле намного скромнее... Старый хозяин как-то раз специально летал на Мальдивы, чтобы я могла увидеть мальдивскую рупию, а теперь лишаешься даже такой привычной детали обстановки как доллар! Недолго и квалификацию потерять. Я забеспокоилась. Подумать только — наступил такой день, когда вместо черной икры он подsunул мне красную, а вместо юньнаньской рисовой — «Абсолют»! Я демонстративно отказалась — настоящая кошелка должна строго блюсти диету. И хотя новый хозяин редко носил мой кошелек на груди, чаще — в боковом кармане, я замечала, что он все больше и больше нервничает.

В тот вечер мы долго-долго ехали. Всю дорогу хозяин говорил с кем-то по телефону, временами сбиваясь на поросычий визг. Вдруг машина остановилась. Я слышала, как он отворил дверь и вышел. Раздался страшный грохот, а потом... хозяин упал лицом вниз (будь я в нагрудном кармане, он бы просто меня раздавил). Обычно такой подвижный, он больше не шевелился.

Шорох шагов. Чья-то рука вытаскивает кошелек из хозяйского кармана. Я грозно затыкала, как полагается настоящей кошелке в данной ситуации, хотя и нервничала немного — все-таки первый раз в моей жизни случается такое. В глаза ударил яркий свет и по моим апартаментам зашарили чужие волосатые пальцы, гнусно пахнущие дымом. Я быстро провела дыхательную тренировку, собралась и — раз! — тянула указательный за подушечку, старательно проткнув ее заветным ядовитым клыком. Чужак удивленно вскрикнул. Через несколько секунд его глаза выкатились из орбит, а руки заскребли по воздуху. Я вылетела из кошелька и, ударившись о дерево, потеряла сознание.

Утром, оглядевшись по сторонам, поняла, что нахожусь в каком-то лесопарке. Хозяина и чужака нигде не было. В отчаянии я села на хвост, задрала голову к исчезающему в лучах солнца серпику луны и второй раз за свою жизнь запела древнюю песню отчаявшейся кошелки. На этот раз она длилась дольше — ведь вместе с хозяином я лишилась и кошелка.

Цветы — весной.

Кукушка — летом.

Осенью — луна.

Чистый и холодный снег —

Зимой.

Как и все мои благородные предки, я люблю природу. Но выяснилось, что природа не очень-то любит меня. Может быть потому, что я — искусственно выведенное создание, мне в ней не находилось места. И пищи.

Пришлось идти в люди. Тут-то я поняла, что голод действительно не тетка, а злой дядька — из единственной на всю округу коммерческой палатки. Я уже на все была готова и решила показаться ему на глаза. Не знаю, за кого он меня спяну принял (за таракана, наверное), но это чуть не стоило мне жизни — детина схватил мухобойку. К счастью, первым же порывом ветра меня сдуло на пол...

На следующий день я нашла в кустах чей-то кошелек. Он был холоден и пуст, но все-таки отдаленно походил на настоящий дом, и я решила временно поселиться в нем.

Так прошло еще несколько дней. Глаза мои лихорадочно блестели, я исхудала, хотя и была по горло сыта этой свободой. «В сущности, — злорадно думала я, — никто не свободен. Все живут в кошельках, только кроты зовут их норами, белки — дуплами, а воробьи — гнездами. У муравьев так вообще один кошелек на всех. Псу под хвост такую свободу!»

Тут меня осенило. Раз хозяин не идет ко мне (а от кошелка без хозяина, как я уже убедилась, нет никакого толку), я сама пойду к нему. Найду кого-нибудь попрличнее, залезу в кошелек, а там уж он передо мной устоять не сможет.

Так и сделала. После долгих блужданий по аллеям и размышлений — кто же лучше? — остановилась на элегантно одетом господине с «Плэйбоем» в руках. Чем-то он напомнил мне моих прежних хозяев. Но его кошелек разочаровал, он был почти пуст! «Ничего, с таким талисманом, как я, он деньги будет лопатой грести». Действительно, так и произошло, но усилий к этому мне пришлось приложить гораздо больше, чем я думала.

Моего нового хозяина звали Вася Козырь. Временами у него водились деньги, но не был Вася ни бизнесменом, ни захудалым менеджером. Козырь был вором-карманником. Обнаружил он меня только дома и был сражен наповал тем, что кто-то, пусть такой маленький, смог залезть в карман к нему, профессиональному щипачу, незамеченным. Надо отдать ему должное — ничего не зная сначала о кошелках, он поразительно быстро разузнал всю нашу подноготную. Я снова ела черную икру и запивала ее юньнаньской рисовой, но теперь мне приходилось все это отрабатывать.

Какая дикость! И не сбежишь — на ночь Вася сажал меня на золотую цепочку. Это меня-то, потомка императорских придворных... Эх-х...

Первое время я не понимала, чего он от меня хочет. В комнате появился манекен, одетый Козырем в старье из собственного гардероба. Верхняя одежда была просто-таки усыпана колокольчиками. Смысл всего этого дошел позднее, когда начались тренировки. Хозяин, предварительно заперев меня в коробке, прятал в один из карманов манекена кошелек, а я должна была пробраться к нему, не задев ни одного из колокольчиков. Ну, это для меня, Посвященной Трех Ступеней, было сущей ерундой — Козырь даже моргнуть не успевал. Кошелка — это тебе не фик собачий! Параллельно он учил меня «блатной музыке» — нам надо было мыслить на одном языке.

Более сложной оказалась вторая половина задания — как смыться с наваром, и не засыпаться при этом на кармане. Решили начать с висяков, преимущественно женских. Моя задача — забраться в него и, почикав дно, выкидывать наружу бабки. Козырь идет следом и собирает урожай. Постепенно я освоила и карманы, только вот дармовые работать отказывалась — вдруг сядут куда-нибудь, да и придавят ненароком.

Настала сытая жизнь. Правда, стремно друшлялось по ночам — глистов у кошелок не бывает, видимо, это была совесть. «Ведь ты же обещала убежать от него при первой же возможности, — талдычила эта самая совесть. — Чего ты ждешь?»

Что я могла ответить? Работали мы в основном в тех местах, куда Козырю вход не был заказан. Ну откуда там взяться кошелькам, в которых мне было бы хорошо? Я-то вижу этих лохов насквозь — ни один из них не стал бы так ублажать меня, как Козырь. А после скитаний по лесу я научилась ценить то, что в кормушке всегда есть икра и глоточек рисовой. И все-таки пообещала свалить при первом удобном случае.

Вскоре я стала совсем блатной — даже вспоминая волшебные сны, переводила их на феню. Только две вещи во мне не поддавались влиянию Козыря: 1) несмотря на все его попытки назвать меня Щипачкой, Жучкой, Арапкой, я отзывалась только на Кошелку; 2) я упорно отказывалась признавать гомоток, бугая, шмеля и лопатник за кошелек.

Козырь тем временем борзел. Ему стало мало того, что мы извлекали из кошельков рядового населения. Как все мелкие воришки, он мечтал сорвать крупный куш — взять банк и лечь на дно. Хотя моя задача была проста — шифры и ключи, я наотрез отказалась. Ни за что! На этот раз совесть долго не сдавалась. Но... голод — злой дядька с мухобойкой. К тому же Козырь клялся, что это будет наше последнее дело, а потом мальдивские рупии, гурды, бальбоа и патаки, короче, весь мир — в нашем кошельке.

Через какое-то время подвернулся удобный случай — пресс-конференция с участием директора одного из крупнейших банков. Вася подобрался как можно ближе, вытаскил записную книжку и полез во внутренний карман за ручкой. Это был знак. Ну что ж, пора. Прощай, мой Вася-дурачок! И как только ты мог поверить, что я к тебе вернусь...

Несмотря на немалый опыт, дорога мне далась нелегко. Кошелек директора оказался размером с собор, углы его терялись во мраке. Чу! В одном из углов раздалось чье-то ворчание. Вскоре его источник, кобель Цзянь-Суй, уже держал меня за шкуру и методично выколачивал из моей шкуры отнюдь не золотую пыль. Как подобает истинной даме-кошельке, я с честью выдержала эту трепку, даже не пискнув ни разу — мужчина всегда прав... при таком роскошном кошельке.

В сущности, он был дикарем, никогда еще не видевшим представительниц противоположного пола. Он и сейчас иногда бывает таким — сами понимаете когда, но мне это очень нравится. Вчера мы решили завести маленького, а то и двух. Думаю, хозяин готовит нам свадебный подарок — в его кошельке все больше долларов и кредитных карточек. А недавно нам пришлось серьезно потесниться — появились несколько загранпаспортов с его фотографией, но чужими именами, и авиабилет в один конец...

ТАТЬЯНА САПРЫКИНА

ЗЕМЛЯНИКА

ВА КРОЛИКА — ЧЕРНЫЙ И БЕЛЫЙ — СИДЕЛИ ПОД березой. Мягкий и тонкий, как усы крольчонка, капал дождик, трава блестела и оттого казалась еще вкуснее. Речка скакала, шумела, жадно облизывая камни у себя на дне и на берегу. Мостик, перекинутый через нее, был едва живой. Сложенный из хорошенько прогнивших полешек, он даже издалека выглядел ненадежным — подпрыгни река чуть повыше, лизни его своим ледяным шершавым языком — и нет мостика. Когда дул ветер, мостик шатался, и были видны проплешины — кое-где полешки уже отвалились, и их унесло течением.

Черному кролику не сиделось.

— Нет-нет-нет, как далеко, как далеко. Опасно. Как опасно.

На другом берегу, на холме, умытая дождем, росла земляника. Даже отсюда, из-под березы, было видно, как ее много — берег будто побрызгали красным.

Белый кролик, прикрыв глаза, смотрел, как из-за туч появляется солнце.

— Землянииииика.

С листа ему на загривок упала капля, и он отодвинулся в сторонку.

— Нет-нет-нет, — не унимался Черный, — никак. Невозможно. Ни в коем случае.

Подрагивая ушами, он высунулся из-под березы, но тут же, брезгливо отряхиваясь, прыгнул обратно и прижался к земле. Белый кролик стал жевать траву. Из-под прикрытых век ему было видно, как солнечные лучи, словно блестящие мотыльки, танцуют на красных ягодных боках.

— Землянииииика.

Не обращая внимания ни на кроликов, ни на дождь, к мостику бежала лисичка. У самой реки она остановилась, подняв лапу, и стала внимательно смотреть на другой берег, задумчиво помахивая белым кончиком своего пушистого хвоста. В свежем воздухе пахло земляникой и дождем. Пропустить такую землянику, не взять ее себе было nonsensical.

— Дождь. Течение. Скользко. — Черный со знанием дела покрутил носом.

Река, которая облизывала все, что ей ни подвернется, окатила Лисичку холодными брызгами. Лисичка чихнула и осторожно ступила на мостик — на самое крайнее полешко. Черный кролик метался под березой, не зная, куда девать волнение.

— Ледяная вода. Ненадежные доски.

Белый сидел, жевал траву, пучил глаза, и ждал, что будет.

— Земляниинииика.

Дождь перестал. Лисичка одной лапой потрогала полешки впереди себя — склизкие и старые — и озабоченно вильнула белым кончиком пушистого хвоста. Она наклонила голову и понюхала полешки, будто по запаху могла определить, выдержат они или нет. Потом стала осторожно ступать по мостику — шаг за шагом, все ближе к землянике. Белый кролик перестал жевать и закрыл глаза. Черный выбежал из-под дерева и, вытянув шею, стал смотреть, дрожа от нетерпения.

— Нет-нет-нет. Поскользнется. Ее смоеет, смоеет, — бормотал он, возбужденно притоптывая передней лапкой.

Пригибаясь и опасливо переступая через проплешины, Лисичка добралась до середины моста, когда одна полешка треснула, и ей пришлось прыгнуть. Трухлявые, видать, совсем были деревяшки. От лисичкиного прыжка следующая хрустнула, переломилась и покатилась в воду.

— Вот! Вот! — завопил Черный кролик. — Говорил, говорил!

Лисичка даже не обернулась, а продолжала скакать. Когда ее лапа застряла, она, повизгивая, быстро вырвала ее и сиганула на камни — крайняя полешка отскочила в воду, и течение унесло ее прочь.

Ни живы, ни мертвы, сидели кролики — Черный и Белый. Один под березой, другой на поляне. Солнце вышло из-за туч и расположилось в небе по-хозяйски. Хромая и оскальзываясь, выбралась Лисичка на берег и, усевшись у воды, стала облизывать лапу, не обращая внимания на кроликов. Черный в волнении прыгал у реки, а Белый жевал и смотрел издали, что она станет делать.

— Нет-нет-нет! Она все там съест!

— Земляниинииинииика.

Казалось, на том берегу и солнце светило ярче, и трава была зеленее и вкуснее. Земляничный запах заглушал все остальные, а их в лесу после дождя пропасть — все свежее, умытое. Покончив с лапой, Лисичка отряхнулась от воды и стала принюхиваться. Потом, не спеша, она принялась обходить кустики с ягодами и лакомиться, выбирая самую крупную и чистую. Черный кролик вернулся под березу и с досадой куснул Белого за ухо.

— Теперь никак не достать. Все порушила, бессовестная.

А Лисичка тем временем взбиралась все выше и выше на холм, и пасть у нее стала красной от ягод. Наевшись, Лисичка задорно вильнула белым кончиком своего пушистого хвоста и потрусила дальше. Кролики — Черный и Белый — вытянули шею и приподнялись на лапках: Черный едва не выпрыгнул из шкуры, а Белый лишь осторожно привстал на цыпочки. Вскоре им стала видна только ее ярко-рыжая спина. Лисичка, не оглядываясь, рысила все выше и выше по холму, пока совсем не скрылась из виду.

— Кто знает, что еще там растет, — досадливо вздохнул Черный. — Морковка с мою голову или яблони, молодые, свежие.

Белый отодвинулся в сторонку — камень, возле которого он оказался, отдавал сыростью. Солнце играло в небе. Вряд ли то, что осталось от мостика, долго протянет. Скоро, совсем скоро река или дождь все смоют. Кролик прищурился и сладко зевнул.

— Землянииииика.

ТАТЬЯНА САПРЫКИНА

ПОЛОВИНА

— Т

АК О ЧЕМ ЭТО Я? — СОРОКА РАССЕЯННО потеряла крылом голову.

Она скакала с места на место — цок-цок, отчего упавшие с веток ягоды гулко перекатывались по металлической крыше. Серая Ворона, сидевшая неподвижно, смотрела на нее исподлобья. Дятел на березе стучал: «Ту-ты, ту-ты».

— Черемуха была у ворон, калина у сорок, черноплодка у всякой разной мелюзги.

Ворона мрачно кивнула.

— Черемуху срубили. Значит...

— Что теперь у ворон? — безрадостно закончила Серая, и нетерпеливо переступив с лапы на лапу, еще сильнее нахохлилась.

Сорока быстрее запрыгала по крыше — цок-цок-цок, — поглядывая на Ворону то одним глазом, то другим. Не то чтобы им уж позарез нужна эта калина...

Ей показалось, или Дятел на березе теперь стучал: «Ду-ры, ду-ры».

— Есть облениха, — осторожно предположила Сорока, больше из вредности.

Ворона поежилась.

— Кислятина.

— Ранетки.

— Люди соберут.

Сорока воровато огляделась:

— Шиповник.

Серая сердито встрепенулась:

— Снег ляжет, шиповник отойдет, все отойдет, ничего не будет. А калина будет.

— Елка, — прыснула Сорока, вспомнив, как недавно дети кидались в нее шишками, да ни один не попал.

— Я тебе не белка! — пробурчала Ворона, зло поблескивая черными глазами.

«Ду-ры, ду-ры», — стучал дятел все задорнее.

— Так о чем это я?

Не зная, что еще сделать, Сорока схватила кисть ягод. Ворона, потеряв терпение, выхватила у нее ягоды, и сок брызнул Сороке на грудь, сделав ее вместо белой красной.

— Ф конфе конфов эта фафная мелюфга мофет обойтифь и беф ферноп-лофки, — согласилась Сорока и выплюнула остатки черенков.

— Сделаем так, — сурово подытожила Ворона, медленно, бочком оттесняя Сороку к краю крыши — цок-цок, цок-цок. Та пятилась, суетливо оглядываясь и уважительно косясь на тяжелый вороний клюв. — Поделим дерево пополам. Одна половина будет ваша, другая наша.

— Ваша? — завозилась на самом краю Сорока. — Наша? Эта? Эта?

Она слетела на дерево и заметалась там, ныряя в листву и обратно.

— Как узнать, какая чья?

— Наша сверху, ваша снизу! — мрачно хохотнула Серая. — Я буду сидеть здесь, так что не спутаешь.

Сорока обиженно фыркнула и полетела прочь через огороды.

«Ду-ры, ду-ры, ду-ры», — не унимался Дятел.

«Эх, вздуть бы Дятла!» — уныло подумала Сорока.

— Подумаешь, какая командирша, — возмущенно стрекотала она на лету, — созову с десятков наших, живо уберешься на березу веники жевать!

Вдруг она замерла, зависла в воздухе.

— О чем это я?

На земле, под ее животом, в бочке, наполненной водой, что-то сияло, светилося и блестело.

— Святые сорочьи духи! — взывала Сорока и метнулась вниз.

На дне лежало зеркало и даже в такой, не слишком ясный день, отражало все самое светлое, что только было в мире. Сорока внимательно поглядела на него сначала одним глазом, потом другим. Она сунула клюв в воду, но только взболтала свое отражение — вымазанная красным грудь, цепкие лапки. Еще долго она вертелось там, рассерженно стрекоча, но ничего нельзя было поделать — бочка была до краев полной, а зеркало лежало на дне. Сорока выкупалась в бочке, точно бы став частью этого невозможно прекрасного сияния, наполняющего ее, и без того беспокойную, непонятным тревожным счастьем. Потом она вернулась на крышу — цок-цок-цок, цок-цок-цок, — где Ворона по-прежнему сидела, нахохлившись. Она мрачно оглядела Сороку, взъерошенную и мокрую.

— Ладно, — сказала Сорока. — Помоги мне вытащить зеркало, и половина дерева ваша.

Выслушав, как обстояло дело, Серая задумалась.

— Нужно сделать в бочке дырку, снизу. Вода сама вытечет.

Сорока снова уважительно покосилась на крепкий вороний клюв, однако, сомневаясь, что даже он сможет продырявить железку.

«Ду-ры, ду-ры, ду-ры», — всю веселился Дятел.

— Подождите до вечера. Люди будут поливать огород, и бочка станет пустой, — крикнул он, перелетая на соседнюю березу.

— Ты его достанешь для меня? Достанешь, да? — оживилась Сорока, суетливо подсакивая к Вороне то с одной стороны, то с другой.

Вертеться на глазах у людей и их детей, кидающихся шишками, ей вовсе не хотелось.

Поздним вечером Ворона выждала время, когда вода из бочки была вычерпана, и вокруг никого не было. Она спикировала вниз и схватила зеркало со дна бочки, где еще оставалось немного ржавой, илистой воды.

— О чем это я? — фыркала, заходясь от смеха, Сорока, глядя, как Ворона крылом вытирает голову — мокрую и рыжую от ржавчины.

— Гадость, — пробурчала Серая и кинула зеркало на крышу.

«Ду-ры, ду-ры», — ликовал Дятел на соседней березе.

— Здесь наше, — распорядилась Сорока, пристраивая зеркало на ветке. — Уж мы всегда знаем, где блестит, и шагу не сделаем в сторону.

Ворона кивнула и прикрыла глаза. Ее утомил бесконечный сорочий стрекот, все это «цок-цок», прыжки и болтовня. Зато теперь у них будет калина. Ляжет снег, все отойдет — и шиповник, и ранетки, и черноплодка. И даже эта дурацкая блестящая стекляшка покроется инеем. А калина будет.

Н. ГАНЖА, Г. ПАНЧЕНКО, А. ВАЛЕНТИНОВ

ДЕКАБРИСТЫ. ВАРИАНТ — ПОБЕДА?

Окончание. Начало в № 7 (2009)

Теза

Второй вариант развития событий: все-таки мог бы найтись вождь, возглавивший казачий поход на Москву и Петербург. Этим вождем мог выступить, например, какой-нибудь из героев Отечественной войны 1812 года... Скажем, Александр Христофорович Бенкендорф. Если бы ему удалось сплотить войска на борьбу с мятежниками и цареубийцами, то век декабристов был бы недолог...

Антитеза

А наилучшим кандидатом в такие вожди видится... Сергей Муравьев-Апостол. Да и Гетманщина, если бы она реализовалась, имела преимущественные шансы пройти под его знаком. Он, конечно, не единственный в окрестностях Киева правнук знаменитого Данилы Апостола, последнего из выборных украинских гетманов, но не у каждого из правнуков на руках такой козырь, как истово преданный ему Черниговский полк. Причем это ведь после поражения в Петербурге Муравьев-Апостол сумел задействовать лишь один полк, а при более благоприятном исходе подключились бы находившиеся под контролем офицеров-южан полки Ахтырский, Полтавский, Александрыйский — всех не перечесть. И локальные ошибки, вроде не вовремя выбранной дневки, очень мало изменили бы ситуацию...

Мог ли Муравьев-Апостол поссориться с Северянами? В принципе — да (Пестель сумел бы и без принципа, но мы уже сказали, где, ко всеобщему везению, было место Пестеля!). Но это стало бы событием вроде разлада между Наполеоном и Директорией; то есть — никоим образом не во имя прежней монархии...

Теза

Поглощенной мини-гражданской войной, сведенной к границам XIV столетия России решительный удар нанесла бы и борющаяся за свою независимость Польша (тогда это — земли практически всей нынешней Латвии, Литвы, Белоруссии до Смоленска и Украины почти до самого Киева). Вряд ли революционные войска смогли бы противостоять объединенным общим командованием, в отличие от русских крестьян, поль-

ским повстанцам. К тому же Великобритания, всегда боровшаяся с Россией за владение балтийскими водами, скорее всего, протянула бы руку помощи полякам... Достижения Эпохи Петра Великого и Золотого Века Екатерины навсегда были бы утеряны...

Антитеза

Да, мы, конечно, имеем полное право бросить тем людям жестокий упрек. Ведь в сегодняшнем, реализовавшемся варианте безальтернативной истории никакие достижения не утеряны: Россия сумела избежать отпадения всех этих земель, сохранила с населяющими их народами чрезвычайно дружеские отношения... Сумела избежать отпадения и тех регионов, которым в 1825 году разрыв с Россией, кто бы ни стоял у ее государственного руля, даже в кошмарном сне не мог примерещиться (для тогдашней Грузии патронат тогдашней России — поистине «свет в окошке!»), а также тех, которым только предстояло оказаться *присоединенными*. И избежала братоубийственного кошмара гражданской войны. И не получила в результате наихудший образец псевдомонархической диктатуры, по сравнению с которой пресловутый «гнет царизма» выглядит такими же цветочками, как гипотетические «ужасы декабризма». И не оказалась ввергнута в кровавую мясорубку двух мировых войн, опять-таки с наихудшими потерями на фоне любого из участников... И... И...

(Не говоря о том, что дисциплинированные, четко повинующиеся единому командованию польские повстанцы — это что-то из уж слишком альтернативной истории!)

Теза

Результат победы декабристов — Россия, сведенная к границам времен Алексея Михайловича, лишенная выходов к морю, а значит, и флота, утопленная в крови крестьян, оставшихся верными Помазаннику Божьему... Россия, лишенная фактически всех своих ресурсов и богатств, которые тогда черпались из Сибири. Она уже никогда не будет играть роль в мировой политике. Ей диктуют условия Турция и Англия. Уцелевшие крестьяне сломлены, запуганы, безропотны. Во главе — маленькая хунта офицеров, руководимая идейным вдохновителем декабристов князем Трубецким, русским подражанием Наполеону, но не Бонапартом... В конечном итоге он будет вынужден вернуться к варианту монархии и провозгласить себя русским царем. Но для народа он уже не кто иной, как самозванец...

Антитеза

Опять-таки не рискуем утверждать, что вышеизложенный вариант абсолютно, в принципе, невозможен. Но он сродни такой маловероятной трагедии, как смерть (или тяжелая инвалидность) от того, что XIX век называл «детскими болезнями»: свинка, корь, коклюш... Однако, если уж детской болезнью все равно оказалось суждено переболеть — то, может быть, лучше бы сделать это в детстве, выработав иммунитет на всю жизнь? Потому что без

подобного иммунитета слишком велик риск подцепить такую хворь (например, «детскую болезнь левизны») в зрелом возрасте. А это уже чревато жесточайшими осложнениями, опасными и для жизни, и для *потенции* — возможности создавать полноценное будущее...

Так и не сумев завершить этот спор (друг с другом — и с самими собой), оба его инициатора обратились к А. Валентинову, как к арбитру. Его комментарий был таков:

— Давние представления, что революционеры — это честные люди, борющиеся за благо народа (или, наоборот, некие «инфернальные демоны», не имеющие никаких связей со своим временем и своей страной, высказывающие на историческую сцену, как чертик из табакерки), очень живучи. Лет сто назад в такое еще можно было верить, но теперь пора расстаться с наивностью.

Если же обсуждать проблему по-взрослому, то сейчас становится ясно, что декабристам никто бы НЕ ДАЛ «победить» в их понимании. По этому поводу есть смысл сослаться, к примеру, на недавние исследования В.А. Брюханова («Заговор графа Милорадовича», М., 2004 — работа местами спорная, нарочито заостренная полемически, но в интересующем нас вопросе на сегодняшний день наиболее компетентная и авторитетная).

Расклад был простой: несколько мятежных полков (причем «несколько» — это в лучшем случае), а против них — ВСЕШ Санкт-петербургский гарнизон Милорадовича. То есть дали бы наиграться, того же Николая на штыки поднять (это как раз предусматривалось всерьез), а потом перестреляли бы, анафемствовали — и мирно зажили бы под регентством «императрицы-бабушки» Марии Федоровны, фактически марионеточной правительницы, и мудрым попечением группы уважаемых генералов и сановников. Судя по всему, реальный план был именно таков.

Победа тех, кого мы традиционно относим к категории декабристов, была совершенно невозможна еще и потому, что оба их «диктатора» — и Трубецкой, и Оболенский, — были в прямом смысле слова *людьми Милорадовича* и выполняли ЕГО приказ, а не какого-то «Тайного общества».

Не получилось все по плану главным образом из-за ошибок самого Милорадовича, который переоценил свое личное влияние непосредственно на войска (не смог в нужную секунду взять ситуацию под контроль, «упустил темп», потерял лицо), и недооценил Николая, которому очень не хотелось умирать. А все решили даже не три пушки, из которых был открыт огонь по инсургентам, а гвардейский саперный батальон Николая, который защитил Зимний дворец, превратив страшных мятежников в мерзнующих посреди Петровской площади шавок. И спас лично Николая, само собой.

Гвардейские саперы были, можно сказать, личной частью Николая. Императором он стал только сегодня, но их «шефом» являлся много лет, еще будучи великим князем — детей с ними крестил, подарки делал... И за него, как за *своего командира*, они, и солдаты и офицеры, готовы были порвать кого угодно. Как-то «перевербовать» эту часть у восставших не было никаких

шансов. Ее можно было только разбить превосходящими силами. Но подошедшая к Зимнему мятежная колонна лейб-гренадерского полка таких сил не имела.

Так что я бы вообще не рассматривал всерьез вариант «победы» именно декабристов. А вот недопущение Николая на престол и создание крайне консервативного правительства во внешне либеральной упаковке (для пущей верности провели бы некие косметические реформы, скажем, переименовали бы крепостных в «обязанные», пообещав освободить «чуть-чуть позже») — вполне.

Определенные шансы этот вариант имел и после того, как «запланированное» восстание пошло наперекосяк. И тут собравшиеся на площади инсургенты действовали в целом правильно: надо было «перестоять», дожидаться темноты. Не затем, чтобы под покровом ночи разбежаться. Наоборот — ночью могла прийти помощь! Ночью легче «снять маску»: перевести свой отряд на другую сторону (или закрыть глаза на то, что туда перейдет некая его часть), а то и просто выстрелить в спину...

Очень многие офицеры в тех частях, которые вообще-то стояли в оцеплении, то есть против мятежников, на самом деле колебались. И их высокопоставленные командиры — тоже. Не говоря уж о солдатах, даже успевших присягнуть Николаю. Но пока все они стояли в строю, при дневном свете, на глазах друг у друга — эти колебания не могли перейти в решительные действия.

А ведь зимой в Петербурге темнеет рано. Картечные выстрелы прозвучали на рубеже четвертого и пятого часа пополудни — и это уже были поздние сумерки: еще чуть-чуть — и стрелять стало бы поздно.

Дальнейший ход истории в случае такой «альтернативы» выдумывать не решусь. Но Россия в любом случае вела бы себя более замкнуто, войн было бы меньше, равно как всяческого «прогресса».

Однако никакие «Русские Правды» в жизнь не проводились бы. Муравьевские проекты — тем паче, ибо «Конституция» его — это упрощенный план царя Александра, который не дала провести в жизнь все та же компания, стоявшая за переворотом Милорадовича: люди, желавшие «управляемого», несамостоятельного, ограниченного (не конституционно, но фактически!) самодержавия...

Вообще, проект Никиты Муравьева до такой степени скопирован с нереализованного плана Александра, что... его вряд ли стоит рассматривать как «муравьевский проект». Никита, по большому счету, просто озвучил перед следствием «царскую» версию конституции, резонно рассудив, что уж за это с него точно головы не снимут.

А что касается Пестеля... Его «Русскую Правду» часто сравнивают с планами «Тайной повстанческой директории» Гракха Бабефа, на фоне которых самые крутые замыслы времен якобинского террора выглядят чем-то умеренным. Сравнение это даже более точно, чем может показаться! Рядом с Бабефом (прямо скажем, не самый крупный интеллектуал) в то время стоял его друг, знаменитый хитрец Жозеф Фуше. Во многом именно по его

«подначке» Бабеф и сочинял свои чрезвычайно компрометирующие документы: пиши, мол, пострашнее! Вот этими-то «страшилками» Фуше и воспользовался, положив их — а также заговор Бабефа и саму его жизнь — в подножье своей карьеры, успешно развивавшейся сперва при Наполеоне, а потом и при вернувшихся Бурбонах.

Нечто подобное имело место и в России. Декабристы в каком-то смысле играли роль «бульдогов», точнее — «бладхаундов»: псов, спускаемых на запах крови. И к декабрю 1825 года пришло время спускать их с цепи. Иначе они сами могли сорваться...

На такой цепи все-таки нельзя держать бесконечно. Особенно — людей, в числе которых много решительных боевых офицеров. Удерживать их от сколько-нибудь серьезных действий целых девять лет, как получилось с декабристами, и то очень долго. Для «нормального» восстания это попросту запредельно долго. Ну кто же готовит восстание столько лет! Такие мероприятия организуют и проводят гораздо быстрее, а в ходе их действуют с куда большей решительностью, чтобы всех сразу «повязать» кровью...

Кто исполнял роль «русского Фуше»? Скорее всего, это собирательный образ. Но Милорадович там был, безусловно, одной из ключевых фигур. За что и поплатился. На самом деле не очень понятно, что с ним сотворил пистолетный выстрел и удар штыком (а штык оказался чуть ли не опасней пули: Оболенский, что бы он ни рассказывал потом, стремился именно убить, колот уже раненого, бил в спину; ему в тот момент было очень нужно убрать свидетеля, знавшего о его двойной роли!), но Милорадович ведь даже после этого жил и жил, пока до него не добрались врачи...

...Как, похоже, «добрались» и до Александра I. Правда, не его личный врач (как раз он был настолько встревожен загадочной болезнью императора, что эта настороженность проступает и в медицинских записях, и в протоколе о вскрытии), но у «больших людей» и без него нашлось, кому доверить такое дело. Принято удивляться тому, что Александр, явно кое-что зная о готовящемся против него заговоре, несколько лет ничего не предпринимал. Противоречие тут кажущееся: долгое время император считал, что полностью контролирует ситуацию — и вдруг получил сведения, с КАКИМ заговором имеет дело, осознал, КАКИЕ люди ему противостоят... После чего в ужасе бежал из столицы в Таганрог и уже оттуда, с задворок империи, видимо, собирался предпринимать какие-то действия. Но не успел: достали его и там.

Впрочем, действительно ли к власти прорвалась бы только и исключительно «камарилья», группировка крайних консерваторов? Вполне могли наряду с ней оказаться и разумные реформаторы (не декабристам чета!). А уж кто там кого, чей бы оказался верх — такое определит реальный баланс сил. Как обычно и происходит во время процесса реформ.

Представления о «камарилье», пожалуй, стоит пересмотреть. Версия об Александре I как царь-реформаторе, чьи действия не увенчались успехом лишь из-за бешеного сопротивления реакционной аристократии и высшего чиновничества — эта версия несколько провисает, когда дело доходит до

конкретных фактов. В подавляющем большинстве случаев готовящиеся преобразования останавливал сам император: волевым решением. Чем он при этом руководствовался — отдельный вопрос. Но те высшие чиновники, кого принято считать «душителями реформ», на деле просто выполняли приказы.

Нет оснований считать, что они были так уж против реформ. Да, отмену крепостного права в том смысле, как она реализовалась при Александре II (освобождение крестьян с землей), тогда не замыслили. Но... это в ту пору и не считалось таким уж прогрессивным шагом! А те или иные меры, направленные на крестьянскую эмансипацию, действительно принимались. В Царстве Польском крепостного права не было уже с 1809 г., в Прибалтике этот процесс в целом завершился к 1819 г... На подходе были и другие территории Западного края, включая ту часть Литвы, которая не считалась Прибалтикой, а также Белоруссию. Вообще, на тот момент активная часть дворянства во многих случаях была готова приложить немалые усилия, даже финансовый ущерб претерпеть — лишь бы избавиться от такой собственности, как крепостные. Правда, оставив в свою пользу земли.

Привело бы это к немедленной пугачевщине? Совсем не обязательно: ведь речь шла не о «разовом» акте, но о долговременном плане. Если бы «процесс пошел» в 1825 г. или вскоре после — то к 1861 г. и аграрный вопрос, и правовой статус крестьянства, и общая ситуация в стране выглядела бы заметно лучше, чем «в реале».

Так что очень жаль, что Николай I, при всем своем уме (а человек он действительно был весьма умный!), не продолжил этот курс на реформы. Зато ему хватило здравого смысла вовремя «свернуть» расследование, не доводить дело до обвинения тех, кто стоял за декабристским заговором, точнее, над ним. Жизнь дороже!

Несколько слов о еще одной возможной «альтернативе», при которой восставшие могли не то чтобы победить, но запалить такой пожар, что их противники точно не ощутили бы себя победителями. Речь идет не о событиях на Петровской площади, а о действиях Южного общества. Конкретно — восстании Черниговского полка.

Сразу после начала восстания солдатики радостно закричали: «Раз уж такое дело — то теперь давайте-ка бить лиц известной национальности... а потом — полячишек... и тех, у кого лицо чисто умыто... и вообще всех, кто под руку попадет... Гуляй, братцы! Веди нас, командир!»

Собственно, эта «программа» даже чуть-чуть начала осуществляться. Прервал ее сам командир, Сергей Муравьев-Апостол: не прямым приказом (это уже не получалось!), но быстрым маршем за пределы населенных пунктов. Вроде бы бесцельные блуждания Черниговского полка по зимней степи как раз и служили этой цели: Муравьев-Апостол, с каждым часом теряя шансы хоть как-то развить первоначальный успех восстания, все же дал этому восстанию превратиться в новую гайдамачину, коливщину...

Время и местность (окрестности Киева, Житомира, Белой Церкви, Бобруйска) — как раз подходящие для того, чтобы разжечь гражданскую войну.

И вот к этому-то мятежу, вовсе не похожему на восстание ради коренных реформ, безусловно, гораздо охотней примкнули бы и солдаты других полков, и многие из «мирных» жителей. Иван Гонта, российский агент в Умани, и Максим Зализняк, офицер русской армии, войска в своем распоряжении изначально не имели — но и то смогли организовать в 1768 г. восстание. А тут — готовый «центр кристаллизации»: Черниговский полк.

Не совсем то же самое, но что-то подобное могло произойти и в Петербурге — если бы восставшие действительно сумели продержаться до ночи. Темнота грозила принести нечто худшее, чем переход ряда частей в мятежный лагерь. Обратим внимание на давным-давно известный документ: список жертв, составленный в министерстве юстиции на следующий день после 14 декабря. Погибших генералов — 1, штаб-офицеров — 1, обер-офицеров разных полков — 17, нижних чинов в общей сложности — 298, во фраках и шинелях — 39, женского пола — 9, малолетних — 19, а «черни» — 903 человека...

Кто же их всех убил, это гражданское население? Иные из погибших, конечно, могли погибнуть от перелетов картечи и пуль — но ведь абсолютное большинство попаданий пришлось в солдатский строй, да и выстрелов было не так уж много. Кое-кто мог пострадать в панике, в давке; однако Петровская площадь — не Ходынка, да и почему в таком случае среди жертв столь мало женщин и подростков?

Многие мемуаристы упоминают, что взбудораженная толпа ощущала себя на стороне восставших, а точнее — против официальной власти. (Хрестоматийный факт: из толпы раздавались возгласы, призывающие «продержаться до темноты» и «дать оружия, а мы весь город спалим»; и призывы эти были обращены не к правительственным частям, но именно к мятежникам! Что, кстати, их очень сильно напугало...) Непосредственно в ходе мятежа действия «народных масс» были малозаметны — хотя булыжники и поленья уже начали лететь. Но, похоже, этот «праздник неповиновения» не прекратился после картечных выстрелов. И на ночных улицах столицы вплоть до утра творился подлинный беспредел.

Так что декабристы вовсе не были «страшно далеки от народа». Напротив: их от народа отделял буквально один шаг!

Может быть, потому они его и не сделали, что поняли, насколько к народу близки...

Итог

Значит, восстание декабристов — это не мятеж «ста прапорщиков» (высказывание Грибоедова — возможно, не совсем искреннее, содержащее долю самооправдания), но нечто прямо противоположное: генеральский «путч олигархов»? Да, рядовые участники и даже часть вождей этого не осознавали, но что с того, если «надекабристская» структура заговора действительно была столь серьезна и мощна...

А на крайний случай имелся и «запасной» вариант марионеточной правительницы: Елизавета Алексеевна, вдова Александра I, к моменту восстания

уже смертельно больная и фактически не способная принимать самостоятельные решения. Она для заговорщиков была бы даже удобнее «императрицы-бабушки» (недаром носившей красноречивое прозвище «Мария Чугунная») — если бы находилась в столице, а не при гробе мужа, в Таганроге. Но время было еще доинтернетное, безтелефонное, нетелевизионное — и предпочтительней оказывалась та фигура, которую вот прямо сейчас, «не отходя от кассы», можно продемонстрировать ропщущему народу, растерянным сенаторам и взбудораженным солдатам.

Отчасти по сходным соображениям в «диктаторы» был выбран Трубецкой: ростом он не уступал Петру I — и это, кроме шуток, немаловажный фактор. Такого человека с гораздо большим эффектом можно *продемонстрировать* солдатам как вождя победившей партии, особенно если учесть, что он и по воинскому званию был выше всех «официально засветившихся» мятежников. При этом роль Трубецкого отнюдь не сводилась к демонстративной: да, на площадь он не вышел, но... ему, главнокомандующему, и не полагалось быть именно там! Ведь и Наполеон во время Бородинского сражения не должен был лично штурмовать Шевардинский редут, а Кутузов — лично оборонять его. Главнокомандующий находится там, куда стекается информация и откуда он может отдавать приказы своим подчиненным...

И все-таки даже в реально сложившейся обстановке могли сработать и привходящие обстоятельства. Например, появление на сцене Финляндского полка, сложная логика действий которого запутала скорее последующих историков, чем современников. Теперь достаточно ясно: финляндцы вышли из казарм отнюдь не по императорскому приказу, а в рамках «большого плана» Милорадовича — однако на полпути командовавший ими гвардии полковник Тулубьев вдруг узнал о смертельном ранении Милорадовича и вернул своих солдат обратно в казармы. Опоздай это известие хоть немного, полк мог оказаться уже в такой ситуации, откуда обратной дороги нет — и, видимо, вынужден действовать в рамках первоначального плана. Не исключено, что при таких обстоятельствах и генералу Бистрому, «заму» Милорадовича (который в реальности занял подчеркнуто выжидательную позицию), пришлось бы предпринять действия в рамках того же плана — хотя теперь уже и не под руководством своего шефа.

Это было в начале первого. А около половины третьего лейб-гренадерский полк — тот самый, которому гвардейские саперы, опередив его буквально на десятки секунд, только что помешали захватить Зимний вместе с находящимся там всем царским семейством, — повернул от дворца к Петровской площади. И внезапно наткнулся на... самого царя. Степень «беззащитности» Николая в этот момент последующие историки немного преувеличивают (ибо при нем, разумеется, не было саперов, отправленных на защиту дворца — но был, кроме ближней свиты, еще и кавалергардский эскадрон), однако недаром он сам считал, что в случае схватки «участь наша была бы более чем сомнительна»...

Почему же его не тронули? На этот вопрос историки отвечают по-разному (в основном муссируя «дворянскую революционную ограниченность»

командующего лейб-гренадерами поручика Панова), но до сих пор, кажется, никому в голову не пришло простейшее из возможных объяснений: император и поручик попросту не заметили друг друга. А ведь, похоже, так и было! Николай I в своих воспоминаниях указывает, что видел лишь бегущих толпой (это его особенно возмутило: не строем!) солдат, без офицеров. А единственный находившийся в этой «толпе» офицер, сам Панов, на следствии показал, что, глянув поверх солдатских голов, увидел каких-то немногочисленных кирасир, вроде бы преграждающих путь к площади, и приказал пробиться. Что и было исполнено.

Маленький он был, Панов. Где-то на две головы ниже Трубецкого. И как раз в этот момент оказался не с краю солдатской толпы, а в центре ее. Солдаты же были гренадерами во всех смыслах, включая рост.

Окажись поручик детиной размером с Трубецкого, он, несомненно, приказал бы не пробиваться через неожиданное препятствие к своим, а атаковать это самое «препятствие» со всею фурией. И тогда...

Тогда, возможно, финал мог получиться чем-то средним между задумывавшимся «генеральским путчем» и реализовавшимся «мятежом поручиков». Каков бы оказался результат для России и всего мира — предсказать, разумеется, трудно.

Но одно очевидно: мы сейчас, по-хорошему, живем в варианте альтернативной истории. Причем достаточно маловероятном.

СТАНИСЛАВ БЕСКАРАВАЙНЫЙ

НА ГИБЕЛЬ ФАУСТА

*Но — гвозди ему в руки, чтоб чего не сотворил,
Чтоб не писал и чтобы меньше думал...*

*В. Высоцкий,
«О фатальных датах и цифрах»*

Что дозволено таланту, величайшему мастеру своего дела, а то и гению? Чем ему приходится расплачиваться за свой дар? С одной стороны, личности, резко выделяющиеся из толпы, всегда подвергаются травле, гонениям. Неординарный человек, как высокое дерево, притягивает к себе молнии завистников. С другой — те же личности порой бывают участниками самых мерзких преступлений и выхонок. Дедал, величайший из легендарных античных умельцев, был изгнан из Афин за то, что столкнул своего юного племянника Тала со скалы. И вряд ли бы его осудили, вряд ли бы это преступление вошло в миф, не будь Тал более талантливым мастером, чем его дядя.

Все эти проблемы, по сути, вечны. Но вот Мери Роун, Дженнифер Робертсон и Кейт Эллиот, авторы «Золотого ключа», романа о магии живописи, с прекрасной завязкой и очень грустным окончанием, пытаются еще раз рассмотреть эти проблемы.

Некое семейство Грихальво, владеющее ограниченным набором магических приемов, пытается вернуть себе позиции при дворе, восстановиться в звании Верховных Иллюстраторов. В их роду много лет из поколения в поколение передается редкий дар к живописи и колдовству. Но вокруг-то — почти средневековые, при случае и с факелами прийти могут, для термической обработки. Дело осложняется коротким сроком жизни художников. Они буквально сжигают себя в своих полотнах, к сорока годам уже седеют. Отсюда жесткая, почти военная дисциплина в семье: заговор всеобщего молчания в стиле мафии, совет старейших, Вьехос Фратос, который решает все насущные дела. Есть и инструмент усмирения непокорных: каждый из художников, сдавая экзамен на «профпригодность», пишет контрольный автопортрет, картину, в разрушении которой таится его смерть. И стоит ему потом употребить недозволенный прием, косо посмотреть на семейный совет старейшин — и его уже ждет смерть или лишение дара.

Это клан талантов, самих себя превращающих в посредственности. Страх стариков препятствует дерзким замыслам молодых. Им запрещают использовать многие приемы колдовства, ограничивают в интригах. Из-за этого семейство никак не может побороть своих основных конкурентов — Серрано,

и не приближающихся к ним по уровню мастерства. Но появляется среди Грихальво истинный гений живописи — Сарио. Чудовищная сила таланта, способности в магии и работе с красками, сочетается в нем с талантом к интригам, предусмотрительностью, порой переходящей в коварство.

Что дальше? Роман о восхождении к вершинам мастерства, борьба героя с геронтократией? Нет, Сарио слишком силен, предусмотрителен, и нет человека, что мог бы удержать его — он становится Верховным Иллюстратором.

С самого начала в роман введен еще один персонаж — Сааведра, близкая родственница, не наделенная таким ярким талантом художницы, однако менее циничная. Она выступает антагонистом и одновременно двойником, тенью Сарио, сопровождающей его взросление. Как человек очень порядочный, Сааведра предана семье и стремится делать для нее все, не нарушая моральных норм. Правда, моральность эта своеобразная. Надо стать фавориткой наследника герцога — нет вопросов (конечно, авторы превращают увлечение наследника в любовь). Кажется ей, что друг ее детства, все-таки выбившийся в придворные живописцы, начал сгорать в пламени своего таланта — и она готова сжечь его самого, отдав контрольный автопортрет в руки старейших. И это при том, что она любит его талант, признает его великим мастером кисти.

Такая ситуация могла сохраняться до естественной смерти героев, но художник Сарио наносит судьбе несколько блестящих ударов: расшифровывая магические символы, он решает вырвать свою любовь из союза с наследником, уже занявшим герцогский трон и, заодно, обессмертить себя. Он переносит ее на картину, превращает в образ на раскрашенной доске. Сам же начинает странствие из тела в тело: стареющий художник пишет портрет молодого человека, встречается с ним лично, проводит инволютацию — и вот он уже в другом теле.

Будущее, какое будущее открывается перед ним: тысячи холстов в ожидании той главной картины, что заставит смириться Сааведру, его первую и настоящую любовь. А поскольку картины имеют власть и над реальными событиями, то величайший живописный талант начинает делать все для предания мощи стране, в которой живет.

Но здесь авторы начинают корезить личность героя. Выясняется, что он должен переселяться только в членов своей семьи, одаренных и еще просто не успевших проявить себя юношей. Он, как клещ, выедает внутренности родного клана. К тому же, над ним висит проклятье полууспеха. Вот итог всех его перерождений: лишь один раз он смог прожить Верховным Иллюстратором полноценную жизнь и целиком использовать свой дар, создав удивительную коллекцию полотен и способствуя объединению государства. Другой раз ему удалось стать наставником в семье Грихальво, воспитав целое поколение художников. В остальном ему вечно что-то мешало — то дикая страсть к дочери герцога, то банальное стечение обстоятельств, из-за которого его новое тело обвиняли в убийстве старого — и приходилось менять оболочку еще раз, уничтожая то тело, в котором недавно бился талант. Или болезнь и чересчур ранняя старость. Он пишет, совершенствует свое

мастерство, но становится все более угрюмым и властным, злым стариком в молодом теле.

Так проходит три с половиной столетия. Монархия, на которую продолжает ориентироваться художник, медленно гниет, и республика все более властно требует себе прав. Родной клан так же постепенно вырождается, запутавшись в бесконечных кровосмесительных браках, теряя секреты мастерства и сдвигая позиции в искусстве. А мастерство художника все растет — и вот он уже смог для политических манипуляций воплотить призрак умершей принцессы. Он уже командует герцогом через его портрет. Ему кажется недопустимым ждать, пока умрет современный ему Верховный Иллюстратор — он убивает его и сам занимает это место. Авторы превращают его в чудовище, в закапанного красками тарантула, убивающего родственников и случайных людей, который уже, скорее, по привычке все пишет и пишет удивительные по красоте произведения. Его первая любовь, Сааведра, существующая внутри картины, становится для него чем-то вроде иконы — он ходит к ней и бесконечно обещает выпустить, как только напишет ту самую, идеальную картину. Но эта любовь страдает: время в картине течет медленней — за век проходит день, она почти не чувствует внешний мир и только подозревает о смерти любимых людей.

Так бы могло продолжаться очень долго. Но художник выходит на новый уровень мастерства: в одиночестве уже тесно и противно ему идти дальше по жизни. Он находит ученицу. Надо строить новый мир, более совершенный. Именно здесь выступают противоречия между личностью человека и его талантом: делая свою протее неуязвимой для магических средств влияния, открывая ей все новые секреты, он в припадке злобы убивает ее брата, плеснув на его портрет горячим маслом.

И ученица Элейна освобождает его первую любовь из плена в картине.

Здесь в романе начинается последний виток той громадной интриги, которую авторы разворачивали перед читателем: раскрывается вся драматичность образов, но и масса сюжетных недоделок. Коварнейший из интриганов, хладнокровный убийца Сарио слишком любит тот образ на картине, к которому он обращался сердцем последние три сотни лет. Это как слепое пятно, ахиллесова пята. А Сааведра слишком ненавидит его — за разлуку с любимым человеком, за картинное заточение. Она пользуется своим мастерством и вытаскивает на свет тайну художника, помогает остальным Грихальво схватить его.

После маловероятных событий (признание наследником герцогской власти ребенка, зачатого три столетия назад, публичное покаяние колдунов и их такое же публичное прощение, не говоря уже о гражданском осуждении художника, на котором он не сказал ни слова в свою защиту), наступает кульминация. Группа посредственностей, выродившихся талантов и обычных копировальщиков начинает судить гения. Семья, удерживавшаяся на первых позициях в живописи столько лет благодаря и *его* стараниям, отвергает Сарио. Из всех них только Сааведра может отдаленно соперничать с ним в таланте, а ученица Элейна надеется подняться до его уровня через

несколько лет. И какое наказание придумывают они? Сжигают все картины современного воплощения художника, чтобы избавиться от его славы. Поэтому он молчит о своих предыдущих «реинкарнациях» — и остается совершенно неясным, какая из великих картин прошлого была написана его воплощением, а какая неодолимым живописцем. Единодушное решение семьи: заточить его в картину. Но какую картину! Он оставил Сааведре магическую книгу на столе, зеркало, через которое можно было говорить с внешним миром, и даже дверь, в которую она, в конце концов, и вышла. Ему же дают комнату с голыми стенами без намека на выход, зеркало, мольберт без красок, две свечи и лампы, которые скоро должны потухнуть. И когда они погаснут, наступит в той комнатке вечная тьма. Пока же еще горят — она ходит к нему, говорить с безвластным призраком, читать ему морали и наслаждаться своей победой.

Нельзя забывать и об ученице. Художник желает уничтожить ту магическую книгу, секретами которой овладел, и в камере перед казнью рассказывает Элейне все. Требуется он уничтожить и автопортреты — все те лица, что он сменил за это время, нарисованные на одном полотне. Тогда он умрет быстро. Но ученица не в состоянии заставить себя погубить эту сокровищницу знаний. Книга слишком искушает ее, приходится ее отдать на хранение (о Толкиен, о Кольцо...). А вместилище лиц она хранит в тайнике, созданном еще художником, наслаждаясь и черпая в нем свое вдохновение.

Последние строчки романа посвящены описанию картины-тюрьмы на которой осталась гореть только одна лампа...

Жизненный финал лучшего живописца эпохи вызывает, скорее, сочувствие к нему, чем радость от свершившегося правосудия. Но одновременно понимаешь, что проигрыш его вполне закономерен. Он не мог вечно оставаться придворным живописцем — двор шел к своему увяданию, и все искусство художника не могло вдохнуть жизнь в умирающую монархию. То же самое относится к его личности: возраст делал Сарио все более высокомерным. Даже если ты зависишь от людей — трудно относиться к ним, как к равным, если старше любого из них в пять раз. Трансформация личности подталкивалась и другими вещами: ведь он каждый раз губил чью-то жизнь, чтобы овладеть новым телом, губил таланты, почти равные собственному. В итоге он стал таким же капризным, вздорным и опасным, как те старейшины, которых он опасался в юности. При таких условиях легко выплеснуть горячее масло на портрет брата своей ученицы.

Но разве крылся его проигрыш в аморальности? Победители его не были такими уж щепетильными в вопросах чести. Семья убивала непослушных отпрысков все эти века, и традиция перестала быть обязательной только тогда, когда парламент официально простил их склонности к колдовству. И дело тут не в сплетении интриг, которое привело художника к гибели. Интригу всегда можно обернуть в свою пользу: начини Сарио перечислять все свои воплощения, все картины, что нарисовал за эти века и все интриги, что плел в пользу государства, мог бы найти такой Грихальво, что посочувствовал бы ему. Да и конечное моральное поражение художника выглядит

странным в свете того счастья, что получили отомстившие ему жертвы — ученица сделала блестящую карьеру в живописи, а первая любовь стала царствующей герцогиней, источником знаний о старых секретах семьи.

И не тайное знание погубило его — если взвесить все добро и зло, что сделал Сарио благодаря магии, то механическая сумма добра, принесенная его картинами, будет куда как больше.

Скорее, Сарио можно сравнить с Наполеоном — «маленький капрал» проиграл англичанам в тот день, когда отказался от предложения Фултона строить пароходы, когда забраковал его же подводную лодку. В итоге французский полководец был вынужден вести бесконечную войну на континенте без всякой надежды добраться до своего главного врага. Потому его законы, его конституция и сейчас служат Франции, но ближе к концу его правления она слишком устала от постоянных войн, слишком много солдат полегло в ненужных уже сражениях.

Самый великий художник не должен противопоставлять себя миру. Дело тут не в убийствах, а в лишении себя союзников. Единственный из объектов переноса, о котором он жалел, добровольно пошедший на это, не слишком одаренный юноша Матейо, — он ведь мог стать его преданнейшим помощником. Единственную ученицу, которой он в итоге доверил все, художник взял слишком поздно. Сарио требовался качественно новый ход, разрыв противостояния между той пользой, что он приносил государству и теми конкретными жертвами, в тела которых вселялся. Если бы через постепенное приобщение к секрету нескольких человек он стал бы семейным божком, еще одной мрачной тайной этого клана — тогда он действительно имел бы возможности для постоянного занятия должности верховного иллюстратора, создания величайших полотен и определения направлений в живописи. Объекты бы ему нашли. В такой большой семье всегда много неугодных. Добровольцы бы отыскились сами. А так друзья приходили и уходили, а враги множились и множились — ведь подписи под картинами оставались за покойниками, а список злодеяний висел на нем.

Он не пробовал провернуть комбинацию по мотивам Дориана Грея (естественное, он не читал Оскара Уальда, но подобный магический прием встречается в мифологии) — написать портрет, который затормозил бы его старение. Тогда бесконечная погоня за телами, которая заставляла его каждые двадцать лет подыскивать себе очередную жертву, не вытягивала бы из него столько сил. Не пробовал сделать колдовство всеобщим достоянием, объяснить знаки другим людям: тогда бы он сам снял противоречия между семьей и обществом. Он не попробовал тысяч вещей, которые могли превратить его из вампира в гения-долгожителя.

Что еще более любопытно, он не предпринял попыток разыскать источники того колдовства, которым владел. Таззаибы, то племя кочевников, которое и создало эту магическую книгу, оно было разбито. Почти все колдуньи погибли, но ведь обрывки сведений должны были остаться? Некоторые свои жизни Сарио был вынужден проводить в эмиграции — опасность разоблачения была слишком велика. Так почему же он ни разу не съездил

в пустыню? Он ведь мог бы организовать целую этнографическую экспедицию или поехать в одиночку.

Наконец, что выступало его основной задачей в превращениях? Подобрать сильное, здоровое тело, занять пост Верховного Иллюстратора, написать главную картину и уже в зените славы выпустить Сааведру из картины. Но каждый раз он выбирает тела, отягощенные фамильным физическим недостатком Грихальво — стерильностью, по которому и определяют наличие у них дара к колдовству. Между тем, Сааведра, обладавшая этим даром, могла иметь детей. Значит, сверхзадачей при поиске новых тел для Сарио становится физически полноценный человек, способный колдовать. Как же найти его? Ответ очевиден — с помощью картин. Старый кочевник-колдун, живший в городе, поставил среди площади невидимый обычным глазом шатер и лишь Сарио смог его разглядеть. Картина должна была быть видна во всех деталях лишь одаренным людям.

Но разве это его вина? Как получилось, что лишь до двадцати лет он раз за разом обманывал судьбу в гениальных прозрениях, только в юности качественно новые интриги зрели в его мозгу как шампиньоны. Совсем молодым он смог восстановить потрепанную магическую книгу, которая давала ему могущество. А после первого перевоплощения будто отупел — лишь немного улучшал магические краски и совершенствовался в живописи. Здесь явный просчет в сюжете. Авторы пытаются сказать, что тела воздействовали на новую личность — одни были чуть более ленивы, другие с худшим даром. Но за триста лет не было сделано почти ничего! Это при том, что каждый перенос был жутко рискованным предприятием, доставлял страшные мученья.

И если авторы так уж желали наказать художника, то описан уже в литературе выход из этой ситуации: в романе Генри Каттнера «Ярость» главный герой обладает волей, способностями к подчинению людей и жаждой власти. Схожесть ситуации в том, что перетряхнув цивилизацию, совершив множество добрых и дурных поступков, он тоже вступает в противоречие с обществом — слишком много за ним вранья, пролитой крови и поломанных судеб. Но в итоге его не убивают, а кладут в анабиоз. Про запас. Когда еще может понадобиться такой лидер? В «Золотом ключе» у Сарио практически нет шансов выйти из картины — его обрекают на медленную и мучительную смерть.

Еще одним просчетом кажется укрытие, где стоял его групповой автопортрет, предохранявший от инвольтаций, и где хранилась магическая книга. Эта комнатка над винной лавкой посещалась им «два месяца за сто лет», была опутана массой заклинаний, и хозяева лавочки были ему преданы, хоть ничего и не понимали. Однако здание надо чинить, вставлять стекла, разбитые камнями уличных мальчишек, тушить пожары, наконец. У хозяев, напуганных им в прошлый свой визит, подрастают дети, которые обязательно куда-нибудь проберутся. Словом, триста лет это укрытие не продержалось бы. Даже полстолетия представляются сомнительной цифрой. То же самое относится к заколдованной Сарио двери, из которой и должна была выйти

Сааведра. Триста лет она простояла во дворце и ее никто не заметил. Как же мылся пол рядом с этой дверью?

Самым интересным вопросом из мелких деталей остается освещение картины-тюрьмы. Сааведра говорила, что когда картину надолго закрывали в подвале, она погружалась во тьму. А через зеркало, когда на картине не было покрывала, можно было наблюдать внешний мир. Но как же тогда быть с абсолютной темнотой в комнате, куда заточили Сариро? Когда погаснут свечи — для зрителя картина потемнеет, однако, будет ли поступать свет туда извне, скажем, из зеркала?

В итоге, роман производит впечатление интересной, острой, хоть и несколько растянутой истории.

АРСЕНИЙ ГОРДИЕНКО AKA DRAGN

ТЬМА, ЧТО БЫЛА ДО НАС

Р. Скотт Бэккер. Слуги Темного Властелина. — М.: Эксмо, 2009. — 656 с.

Эпическая фэнтези — достаточно сложное по своему рецепту и приготовлению литературное блюдо. Одно непродуманное решение, какой-нибудь ингредиент забыт в спешке — и читательский аппетит основательно испорчен. Такие искусные мастера, как Джордж Мартин, встречаются крайне редко. И вот нам предложено переиздание одного из таких блюд, роскошно политое темным горьковатым соусом дарка. Придется ли оно по вкусу читателю?

Мир после Армагеддона. От всего сущего могла остаться горсть пепла. Но люди пережили пришествие Не-бога, выжили, и, наконец, воцарился относительный мир. Но, с присущим людям легкомыслием, они почти забыли о былом ужасе, и только слуги магического ордена Завета хранят память о прошедшем и пытаются делать все, чтобы подобное не повторилось.

События, о которых идет речь, разворачиваются в местности под названием Три моря в центре Эарве. Мир изменился и организован иначе. Правящей религией Трех Море стал айнритизм (церковь Тысячи Храмов), одним из постулатов которой является существование Бога единого во всех его ипостасях. Глава церкви неожиданно объявляет о начале Священной Войны за святой город Шайме, расположенный в далеких южных краях. Именно туда в Шайме как раз направляется молодой монах-дунианец Анусаримбор Келлхус, чтобы отыскать своего отца. А Колдун Завета Друз Акхеймион держит путь в Сумну (центральный город Тысячи Храмов). Цель колдуна выяснить, что стоит за Священной Войной. И это лишь малая часть гигантского айсберга тайн, интриг, и путей героев романа.

Бэккер с особой тщательностью медленно плетет тяжеловесную ткань мира. Такое начало вполне может оттолкнуть многих. Действительно сложно выдержать огромное количество специально придуманных терминов, имен, названий, устоев и прочих деталей. Это обилие сродни «Властелину Кольца», но Толкин все же вел себя по отношению к читателям более мягко, по-дружески. Бэккер же не всегда утруждает себя тем, чтобы объясниться с читателем, учесть его закономерные вопросы и недоумение. И, тем не менее, предлагаемый автором сложный, мрачный мир очаровывает и, проявив

терпение, мы (через некоторое количество страниц) будем вознаграждены, все узнаем и поймем. Такой подход автора принуждает читателя долго пребывать в напряженном длительном непонимании, но читательское усердие окупается сторицей, когда картина предстает завершенной.

К удачам писателя следует отнести проработанность мира, хитросплетения интриг и психологическую яркость героев. Мир прекрасно проработан, он населен колоритными расами и народами. Наши знания о людях пополняются. Что-то нам дано узнать о шранках. А вот что представляют собой нелюди, пока останется тайной. За каждым народом — древняя история, и всех их связывают прочные узы веры и вражды. Писатель прекрасно использует недосказанность: нам приоткрывают тайну, но разжигают любопытство, задавая новые вопросы, и увлекают все дальше и дальше. Вопросов всегда больше, чем ответов. Мотивы персонажей понятны лишь иногда, большей частью они покрыты мраком. И сами герои знают не больше нашего. Кажется, что начинаешь скучать, но Бэккер бросает новый вопрос или раскрывает суть прежнего, дает ответ, включает нового героя и раскрашивает узоры романа новыми нитями. В отношениях со своими героями Бэккер в чем-то похож на Мартина: он беспощаден к ним, а герои, в свою очередь, беспощадны друг к другу. И в этом, на мой взгляд, минус, потому что следить за событиями интересно, но вот сопереживать не получается почти никому.

Но в ряде персонажей сосредоточены главные идейные решения, и в этом отношении писателя не в чем упрекнуть. Дунианец Анусаримбор Келлхус — представитель древнего рода, обладающий способностью контролировать свои мысли, проникательно анализировать окружающую действительность, читать по лицам людей и многое другое. Друг Акхеймион, колдун Завета, оказавшись в эпицентре событий, не доверяет самому себе, сомневается в своем понимании происходящего и боится все это принять. Найюр — грозный и ужасный вождь скульвендского племени утемонов, которым движет желание мести. Эсменет — проститутка, влюбленная в Друза, которой не под силу разобраться в собственных чувствах...

Бэккер, получивший философское и лингвистическое образование, прекрасно пользуется своими университетскими познаниями. Это заметно. Об этом свидетельствует великолепная содержательная проработка мира. Но сильнее всего этот грандиозный бэкграунд обнаруживается в идейной наполненности книги. Он предлагает серьезные размышления о вовлечении общества в процесс Священной войны и ставит образцовые по своей вечности и неразрешимости философские вопросы. Что такое божественное? Каково соотношение человеческого и божественного? Какова природа веры? Что движет людьми? Многие идеи, которых касается писатель, напоминают о «Дюне», но размышления Бэккера в существенном не совпадают с размышлениями Герберта. Они незаурядны, но кажутся поверхностными по сравнению с глубинами «Дюны». Но, может, еще рано делать окончательные выводы. Другой вопрос, который Бэккер поднимает, это природа сознания и души, свободы воли, что нас определяет, что было раньше. В своем отдельном романе «Нейропат», Бэккер посвятил и развил свои мысли посвящен-

ные исключительно анализу сознания. Главное, роман дает столь редкую для эпического фэнтези возможность не просто следить за хитросплетениями интриг, но и осмыслить немало интересных и важных вещей.

И последнее, о чем стоит сказать, это атмосфера. Настоящий, ничем не замутненный дарк. Мир пережил Армагеддон и, возможно, находится в преддверии следующего. И герои подстать. Назвать кого-то добряком или «чистой души человеком» — это очень сильно приврать. Бэккер продемонстрировал диссонанс, показав людей, которые обладали даром понимать красоту, и то, что с ними стало.

«Князя Пустоты» часто рекомендуют любителям Мартина. Дескать, похоже. Но сходство лишь в том, что оба хороши каждый по-своему. И отнюдь не каждый мартинофил станет бэккорофилом. И наоборот.

Таким образом, мы получили мощный увлекательный дарк эпик. Проработанный как «Властелин Колец» и ставящий вопросы подобно «Дюне». Изобилующий огромным количеством интриг и обрушивающий на голову читателя массу вопросов. Тяжелый для восприятия, но одаривающий по полной того, кто сможет прорваться сквозь начало и привыкнуть к реалиям этого мира. Настоятельно рекомендую всем любителям эпической и дарк-фэнтези. Другим я тоже посоветовал бы рискнуть, ибо не часто нас балуют столь незаурядными книгами.

НАИЛЯ ШАМГУНОВА

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ВОЙНЫ

Р. Скотт Бэккер. Слуги Темного Властелина. — М.: Эксмо, 2009. — 656 с.

Верят ли любители фэнтези в благородных рыцарей и прекрасных дам? В доблестные поединки и честную войну? В конце концов, в то, что в людях может еще остаться капля благородства и доброты?

Читая большую часть современных авторов данного направления, можно прийти к выводу, что в какой-то степени да, как бы наивно это не звучало. В каждой книге можно найти персонажа (или персонажей), за которых хочется «болеть», которым хочется сопереживать, которых можно не просто понять, но и простить. Читатель готов поверить в этих людей, в их стремления, в их мечты.

Даже в таком, казалось бы, мрачном направлении, как темная фэнтези, можно найти кого-то, кого хочется поддержать, о ком хочется читать снова и снова. Но иногда встречаются книги, в которых важно не кто, но что.

«Слуги темного властелина» — роман о войне. Нет, не так. Это роман о Войне. Она затмевает всех персонажей книги, она — главный герой, главный двигатель сюжета, главный способ показать человеческие пороки и слабости, главный прием для объяснения авторской идеи.

Бэккер пишет роман не о людях на фоне глобального конфликта — он показывает конфликт со всех ракурсов, глазами многих людей. Мы видим войну изнутри, видим причины, по которым она развивается именно так, а не иначе, видим простых людей, гибнущих во имя многоступенчатых интриг правителей-союзников.

Каждому персонажу известна только часть общей картины, тогда как читатель видит ее целиком глазами всех героев. Глава Тысячи Храмов развязывает войну во имя какой-то цели. Император интригует, чтобы подчинить войну себе. Адепты Завета, древней школы, которую все окружающие считают глупостью, пытаются разобраться в причинах этой войны с помощью шпионов. Варвар является идеальным окном для вида со стороны, сразу замечая недоверие, постоянные конфликты, откровенную вражду и бездействие союзников. И все они лишь показывают необъятную, бесконтрольную Войну со всех сторон.

При этом нельзя сказать, что автор отнесся к героям спустя рукава. Психология всех, даже третьестепенных персонажей — императора и варвара, колдуна и шлюхи, молодого жреца и великого полководца, шпиона и наложницы — прописана с большим знанием тонкостей человеческой натуры. Малейшее движение души абсолютно логично и мотивированно. Однако автор абсолютно безжалостен ко всем своим персонажам. Герои не

вызывают ни капли сочувствия. Даже относительно положительные персонажи вызывают скорее раздражение или недоумение. Проститутка Эсменет получает удовольствие от своего ремесла, а связавшись с более серьезными материями, относится к ним, как к игре в интриги. Да, в ее жизни раньше не было ничего интересного. Она постоянно чувствовала себя в опасности. Это ее оправдывает, но переживать за нее не хочется. С остальными героями так же. Колдун — сторонник половинчатых решений. Его неуверенность, нерешительность, нежелание нести свою ношу вполне понятно, но...

Всех героев, даже императора-интригана и варвара-убийцу, можно понять. С определенной оглядкой можно даже простить. Но принять их, впустить в свое сердце, считать их победы и поражения своими собственными не получится.

Формально главный герой — тот самый князь пустоты, монах из далекой-предалекой земли, о которой остальной мир почти ничего не знает. Кредо его секты — полный контроль над собой и другими. С помощью наблюдений за людьми он может найти свой ключик к любому сердцу. Причем для него это достаточно скучно, людей он, образно выражаясь, щелкает, как орехи. Но один достойный противник у него есть — варвар, уже встречавшийся с представителями этой секты и знающий об их способностях. За их смертельным поединком наблюдать ничуть не менее интересно, чем за развитием Священной Войны.

Именно в диалогах между этими двумя персонажами (и вообще в этой сюжетной линии) автор прозрачнее всего выражает свою позицию, высказывает наиболее интересные и глубокие мысли. Иногда это больше похоже на философский трактат, нежели на художественное произведение.

Келлхус может разгадать любого человека, ведь он умеет находить причины настоящих событий в прошлом. А понимание — это контроль. По его учению, все возникло из первозданной тьмы и пустоты. И поняв тьму и пустоту, можно понять что угодно. В Келлхусе нет места чувствам, лишь интеллект. Такое торжество интеллекта и делает его князем пустоты. Пустота — это не только первозданность. Это, прежде всего, пустота духовная, отсутствие души. Идеальный интеллект, тотальный контроль над всем и вся, отсутствие эмоций приводит к ее потере. Нельзя ставить ум над душой. Иначе, зачем он нужен? Все это подано намеками, через мысли, внутренние метания Келлхуса и тех, кто его окружает.

Ощущение нехудожественности романа подчеркивают псевдоотрывки из выдуманных трактатов, вызывающие ассоциацию прежде всего с произведениями небезызвестной Ирулан. Вообще, сходство с «Дюной» налицо — тот же акцент на причинно-следственных связях событий, а не на людях, холодный, отстраненный стиль повествования, масштабность происходящего, обилие философских вставок. Но что-то пока мешает назвать Бэккера Гербертом от фэнтези.

Итого, мы имеем тяжеловесную, сложную и многогранную вещь, которая может далеко не всем понравиться по вкусу. Чтение, скорее, для ума, нежели

для сердца. Холодный, отстраненный роман о причинах и следствиях, переполненный многоступенчатыми интригами. Рекомендуется тем, кто ценит в литературе события, их причины и последствия, выше человеческих чувств и стремлений. Честно скажу, меня этот роман не захватил, но ознакомиться с ним стоит.

ИВАН ПОПОВ

МЕТАМОРФОЗЫ ПЕРУМОВА

Ник Перумов. Семь Зверей Райлега. Книга 2. Алиедора. — М.: Эксмо, 2009. — 480 с.

Теперь можно признаться, что если я и не ожидал новое произведение Ника с нетерпением, то, по крайней мере, относился ко второму роману цикла «Семь зверей Райлега» с нескрываемым интересом. Несмотря на всю свою специфичность, открывающий трилогию «Терн» обнадёживал. «Алиедора» же написана в более привычном стиле. Узнаваемом, но при этом существенно более четком, сдержанном и осмысленном.

В центре внимания автора долгий, полный боли путь молодой еще девчонки Алиедоры Венти, благородной доньяты. Побег Алиедоры стал тем поводом, тем толчком, что раскрутил жернова истории. Но при этом «Алиедора» не укладывается в русло обычного сюжетного квеста, пусть и весьма увлекательного, с грамотно расставленными триггерами эмоций, как это было в случае «Терна». Алиедора Венти привыкла жить в справедливой и доброй сказке, привыкла верить балладам. Но теперь ее ожидает долгая дорога боли, крушения иллюзий, осознания совсем иной реальности жизни. Алиедора изменена, и у нее найдутся силы, чтобы противостоять себе и миру.

Принципу меньшего зла была посвящена не одна тысяча страниц предыдущих романов. Идеалист Терн отринул его, но его партия получилась куда менее убедительной. «Алиедора» — это возвращение к старым идеям на новом уровне, своего рода эссенция тех убеждений, что были свойственны героям произведений Ника ранее. Здесь сомнение на каждом шаге, здесь Некрополис, представавший в «Терне» обителью Зла, далеко не столь прост и однозначен. Разумеется, уровень реализма далек от той бури, что разыгралась в «Песни Льда и Огня», но в «Алиедоре» слышны ее отдаленные отголоски. А это уже немало.

Изменился и характер повествования. В «Терне» внимание автора было приковано к кервану. Недостаток размаха удавалось выгодно оттенять непривычной, обычно несвойственной Нику иронией. В «Алиедоре» же мир распахнулся. Выходки отдельных сеноров и их отпрысков оборачиваются противостоянием государств и хаосом войны. Больше стало известно о Гнили, и неважно, что в ряде сюжетных моментов сквозь прорехи привычных образов то и дело проглядывает Упорядоченное. От прошлого сложно уйти.

Ник остался верен себе и в том, что касается описаний. Много внимания уделено боевым действиям, равно как и описаниям творимых людьми и не-людьми жестокостей. Описания методичны, но почему-то не оставляет чувство, что то время, когда описания боев и пыток были самоцелью, наконец-то прошло. Текст стал сжатым и за счет этого более качественным. Язык, напротив, несколько перегружен, в том числе архаичными оборотами. Впрочем, к этому привыкаешь, стоит только перевалить за сотню страниц.

В одном только этом романе Нику удалось сделать едва ли не столько же, сколько на протяжении всего Хранителя Мечей. Показать развитие личности главной героини, и притом не мнимое, не иллюзорное. Жизненные устои доньяты, привитые девушке с детства, ломаются под действием сильнейших внешних обстоятельств. Принципы меняются в корне, от привычных ценностей остаются лишь смутные тени. Что осталось к финалу романа от той девчонки, что сбежала, не выдержав постельных пристрастий своего незадачливого муженька? Что осталось в ней человеческого?

Терн и Алиедора — две силы и два взгляда на один и тот же мир. Две реальности. Убеждения Терна отражают реальность сказки. В такую жизнь хотелось бы верить, но только слишком редко удастся ее достичь. Жизнь повзрослевшей Алиедоры — это реальность боли, беспощадного и жесткого мира, не прощающего слабости и ошибок. Это реальность всего того, о чем хочется забыть и что напоминает о себе неуклонно, раз за разом. Терн и Алиедора — две грани одного и того же. Что будет, когда автор захочет смешать реальности? Что будет в следующем романе? Не знаю, но уверен, что окончание трилогии нельзя будет пропустить.

OPUS MIXTUM

НОВОСТИ ОТОВСЮДУ

Итак, 9 августа 2009 года в Монреале, Канада, были объявлены обладатели премии **Hugo-2009** — одной из самых престижных премий фантастического мира. Ими стали:

- ✓ лучший роман — «Кладбищенская книга» Нила Геймана
- ✓ лучшая повесть — «Нексус Эрдманна» Нэнси Кресс
- ✓ лучшая короткая повесть — «Шогготы в цвету» Элизабет Беар
- ✓ лучший рассказ — «Выдох» Теда Чана
- ✓ лучшая нехудожественная книга «Ваши письма с угрозами будут оценены: Десятилетие всякой всячины, 1998-2008» Джона Скальци
- ✓ лучшее графическое произведение — «Девочка-гений, часть 8: Агата Гетеродин и Часовня костей» Кайи и Фила Фольо
- ✓ лучшим длинным фильмом признана придуманная Эндрю Стентоном и Питом Доктером история робота «WALL-E», снятая Стентоном же на студии «Пиксар»
- ✓ лучшим коротким фильмом стал «Музыкальный блог Доктора Ужасного», написанный и снятый Джоссом Уидоном сотоварищи
- ✓ лучшим редактором длинной формы признан Дэвит Хартвелл, а короткую форму лучше всех редактировала Эллен Дэтлоу
- ✓ лучшим профессиональным художником стал Донато Джанкола, а лучшим фэн-художником — Фрэнк Ву
- ✓ лучшим семипрозином назван «Weird Tales», редакторы Энн Вандермеер и Стивена Сигал, а лучшим фэнзином — «Electric Velocipede» Джона Клима
- ✓ премию лучшему фэн-писателю (ту самую, что впору было переименовывать в премию имени Дэвида Лэнгфорда) дали — нет, не Дэвиду Лэнгфорду, а Шерил Морган
- ✓ была вручена и премия имени Джона Кэмпбелла (не является премией Хьюго). В этом году лучшим молодым писателем стал Дэвид Энтони.

World Fantasy Lifetime Achievement

Премия за заслуги перед фэнтези вручается на World Fantasy Convention во время традиционного банкета. В этом году ее обладателями стали Джейн Йолен и Эллен Эшер.

Sidewise Award

На ВорлдКоне в Монреале вручали много разнообразных призов и премий. Одной из них стала премия Sidewise, которая досталась

- ✓ в длинной форме — Крису Робертсону и его «Девяти сыновьям дракона»
- ✓ в короткой форме — Мери Розенблюм и её «Жертвоприношению»

Японцы посчитали число Пи с точностью до 2,6 триллиона знаков

Ученые из Университета Цукуба установили новый рекорд в достаточно бессмысленной, с точки зрения стороннего наблюдателя, гонке — вычислении числа π . Напомним, что это число является математической константой и выражает отношение длины окружности к длине ее диаметра.

До недавнего времени наиболее точным представлением числа π являлась последовательность из 1,24 триллиона цифр после запятой. Столько знаков насчитали в 2002 году в центре информационных технологий Токийского университета.

Нынешние вычисления проводились на суперкомпьютере T2K Tsukuba System, оборудованном 640 процессорами AMD Opteron с четырьмя ядрами, обеспечивающими суммарную производительность до 95 триллионов операций с плавающей запятой в секунду и посчитали последовательность из 2576980377524 десятичных разрядов. На расчеты ушло 73 часа 36 минут. В прошлый раз компьютер трудился целых 600 часов.

Кстати, математики используют в своих подсчётах не более тысячи знаков после заветной запятой, остальные цифры не имеют практически никакой практической цели.

Издательские новости

Похоже, издательства ушли в отпуск, решив, что читателям на морях и дачах можно обойтись без свежих книг. Радует только «**Армада**», в которой выйдут книги «Эпоха мёртвых» и «Я еду домой!» Андрея Круза, «Тёмные ветры империи» Сергея Куприянова, «Ааргх в эльфятнике» Андрея Белянина, «Невезучие» Татьяны Устименко, «Странники» Киры Измайловой, «Спригган» Артёма Тихомирова», «Ты ? дура! Или приключения дракоши» Елены Беловой, «Охотник» Виталия Бодрова, «Леди в странствиях» Яны Тройнич, «Жнецы ветра» и «Искра и ветер» Алексея Пехова, «Жрец Лейлы» Светланы Зиминой, «Право быть» Вероники Ивановой, «Имперская трилогия» Сергея Мусанифа и «НЧЧК» Людмилы Астаховой и Яны Горшковой.

Наградные новости

Голосуют фэны

9 августа на монреальском Worldcon'e была вручена премия «Хьюго», число номинаций которой в этом году значительно увеличилось. Победителями стали:

- ✓ Нил Гейман, «Книга кладбищ» (*роман*)
- ✓ Нэнси Кресс, «Цепь Эрдманна» (*повесть*)
- ✓ Элизабет Бир, «Шогготры в цвета» (*короткая повесть*)
- ✓ Тед Чан, «Выдох» (*рассказ*).

(Нил Гейман в очередной раз подтвердил звание Самого Большого Любимца Фэндом: его подростковый роман опередил монументальную НФ самого Нила Стивенсона! Рассказ Теда Чана к моменту награждения уже был удостоен премии журнала «Локус» и Британской премии НФ.)

- ✓ Джон Скальци. Ваши письма ненависти будут отсортированы: Десятилетие всячины, 1998-2008 (*нехудожественная книга*)
- ✓ Каджа и Фил Фольо. Девочка-гений. Том 8 (*рисованная книга, комикс*)
- ✓ Валли (ранее награжден «Небьюлой» за лучший сценарий) (*постановка, крупная форма*)
- ✓ Певчий блог доктора Ужаса (*постановка, малая форма*)
- ✓ Дэвид Хартвелл (*редактор, крупная форма*)
- ✓ Эллен Дэтлоу ? поздравляем особенно! (*редактор, малая форма*)
- ✓ Донато Джанкола (*художник*)
- ✓ Weird Tales (*полупрофессиональный журнал*)
- ✓ Electric Velocipede (*Фэнзин*)
- ✓ Шерил Морган (*Фэн-автор*)
- ✓ Фрэнк Бу (*Фэн-художник*)
- ✓ Дэвид Энтони Дарэм (*премия Джона В. Кэмпбелла лучшему новому писателю (не «Хьюго»)*).

Голосуют любители «альтернативки»

На том же конвенте была в очередной раз вручена премия «Sidewise» — за лучшие достижения в перекраивании мировой истории за 2008 год. Ее лауреатами стали Крис Робертсон (за роман «Девять сыновей дракона», очередную главу саги о мировом доминировании Поднебесной империи) и Мэри Розенблюм (за рассказ «Жертвоприношение»).

Голосуют художники

Если вы думаете, что на этом монреальский поток наград закончился, вы ошибаетесь! Премия «Челси» вручается в одиннадцати номинациях — авторам иллюстраций, обложек, скульптур и прочей художественной деятельности. Донато Джанкола, помимо драгоценной премии «Хьюго», увез из Канады еще две награды — за лучшую обложку («Книга волшебников» Марвина Кайе) и лучшую иллюстрацию («Призрак» Роберта Леннона в «Плейбое»... хм-м...). Премию за достижения всей жизни получила Джули Белл.

Голосуют канадцы

Но и это не все. Что за конвент без национальной премии?! Конечно же, в Монреале была вручена и канадская фантастическая премия «Аврора», присуждаемая за лучшие англо- и франкоязычные произведения прошлого года. Среди «англичан» лучшими оказались Эдвард Уиллетт (роман «Марсегуро») и Рэнди Макчарльз (рассказ «Сведения о переменах в Окотоске, Альберта»).

Голосуют «мифопоэты»

А теперь перенесемся на западное побережье Америки, двумя неделями ранее. 20 июля в Лос-Анджелесе была вручена «Мифопоэтическая премия фэнтези», вручаемая за произведения, созданные в духе Толкина, Льюиса и их коллег. В этом году истинными наследниками «инклингов» были провозглашены:

- ✓ Кэрол Берг, «Диалогия маяка» (*литература для взрослых*)

✓ Кристин Кашор, «Дитя милости» (*литература для детей и подростков*); дебютантка обставила таких опытных авторов, как Нил Гейман и Терри Пратчетт!.

Не забыли и исследователей фэнтези. Заслуженные награды достались Джону Рэтклиффу, который подготовил к печати и откомментировал черновики «Хоббита» («История “Хоббита”», 2007), а также Чарльзу Батлеру, автору монографии «Четыре британских фэнтезиста» (2006).

Голосуют за страх

А еще раньше, 12 июля, в Берлингтоне, штат Массачусетс, объявили лауреатов молодой, но уже авторитетной премии Ширли Джексон. Ее присуждают авторам не столько «хоррора», сколько «психологических ужастиков», что можно только поприветствовать. Итак, лауреаты:

- ✓ Джеффри Форд, роман «Год тени»
- ✓ Джулия Ли, повесть «Непокой»
- ✓ Джон Кессел, короткая повесть «Гордость и Прометей» (ранее награждена премией «Небьюла» и уже переведена на русский)
- ✓ Майкл Бишоп, рассказ «Груда»
- ✓ Йоко Огава, сборник «Бассейн для ныряния»
- ✓ Сара Эйр и Ра Пейдж, антология «Новые странные».

Взгляд в будущее

«Всемирная премия фэнтези» завершит «наградной год» в ноябре, но уже известно, кому она будет вручена с формулировкой «За достижения всей жизни». Это писательница Джейн Йолен и редактор Эллен Эшер. Вот какой редакторам почет.

Никогда не поздно

89-летнему писателю Фреду Полу 20 августа был вручен почетный диплом Бруклинской технической школы. Пол покинул ее стены в 15 лет — во время Великой депрессии его родители просто не могли позволить платить за обучение — пришлось заниматься самообразованием, что, впрочем, только пошло на пользу. И вот — диплом нашел героя.

Печальное

19 августа скончался издатель Дональд Меткаф Грант, основатель «Donald M. Grant Publisher, Inc.», выпустивший в свет множество роскошных изданий фэнтези и хоррора (достаточно назвать только иллюстрированные первоиздания всех семи томов «Темной Башни»). Целых пять Всемирных премий фэнтези стали лишь малой толикой благодарности, которую испытывали к Дональду Гранту писатели и читатели. Светлая память.

Главный редактор: Ираклий Вахтангишвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Сергей Пальцун (г. Киев, Украина)
Сергей Лапач (г. Киев, Украина)
Михаил Назаренко (г. Киев, Украина)
Борис Сидюк (г. Киев, Украина)
Мария Комиссаренко (г. Киев, Украина)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Аркадий Штыпель (г. Москва, Россия)
Эллен Детлоу (г. Нью-Йорк, США)

© «Реальность фантастики»
№ 8 (72), 2009.

Интернет: www.rf.com.ua

E-mail: info@rf.com.ua

Для писем: Украина, 03005, г. Киев-5, а/я 5
Подписной индекс в каталоге «Укрпочта» —
08219

Издатель: © Издательский дом СофтПресс

Издатели: Эллина Шнурко-Табакова,
Михаил Литвинюк

Редакционный директор: Владимир Табаков

Шеф-редактор: Татьяна Кохановская

Производство:

Дмитрий Берестян, Олег Чернявский

Корректор: Елена Харитоненко

Директор по маркетингу и рекламе:

Евгений Шнурко

Маркетинг, распространение:

Ирина Савиченко, Екатерина Островская

Руководитель отдела рекламы:

Нина Вертебная

Региональные представительства:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Онер Калашник,
тел.: (062) 312-55-49, факс: (062) 304-41-58,

e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич,

тел.: (032) 295-64-10,

e-mail: mandych@hi-tech.ua

Харьков: Вячеслав Белов,

e-mail: viacheslavb@ua.fm

Тираж — 5 тыс. экземпляров

Цена договорная

Регистрационное свидетельство: КВ №7600 от
22.07.2003.

Адрес редакции и издателя:

г. Киев, ул. Героев Севастополя, 10

телефон: 585-82-82 (многоканальный)

факс: (044) 585-82-85

Полное или частичное воспроизведение или
размножение каким бы то ни было способом
материалов, опубликованных в настоящем
издании, допускается только с письменного
разрешения ИД СофтПресс.

Все упомянутые в данном издании товарные знаки
и марки принадлежат их законным владельцам.

Редакция не использует в материалах стандартные
обозначения зарегистрированных прав.

За содержание рекламных материалов
ответственность несет рекламодатель.